В. УЧЕНОВА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

002
У91

У $\frac{60200-194}{078(02)-78}$ 049—78

— Зачем что-то читать о журналистике? Она и так всюду перед глазами. Поутру почтовые ящики каждой квартиры заполняются газетами и журналами, радиопередачи звучат в домах и на улице, по вечерам людей словно магнитом притягивает к «ящикам» с голубым экраном.

— Все это верно. Но, щелкая выключателем, далеко не каждый представляет себе, как работают электростанции. То же и здесь: читать газеты умеет всякий. Но как их делают, знают далеко не все...

«Газеты, как и некоторые другие крупные предприятия, интересны не столько тем, как они делаются, сколько тем, что они вообще существуют и выходят регулярно каждый день. Еще не бывало случая, чтобы газета содержала лишь краткое уведомление читателям, что за истекшие сутки ничего достопримечательного не произошло и поэтому писать не о чем. Читатель ежедневно получает и политическую статью, заметки и о сломанных ногах, и о спорте, и о культуре, и экономический обзор. Если даже всю редакцию свалит грипп, газета все-таки выйдет, и в ней будут все обычные рубрики, так что читатель ни о чем не догадается...»

Так размышляет чешский журналист и писатель К. Чапек в юмореске «Как это делается?». Как совершается «каждодневное чудо»? «Каждодневным чудом» К. Чапек с истинным восхищением и любовью назвал газету.

Теперь с рождения к этому чуду привычны: шуршание газеты, как звон погремушек, — первые звуки, достигающие колыбели. Газетный лист — прекрасный материал для плоскодонных корабликов и шапок-треуголок. Таким он проходит сквозь детство.

Но представим себе глухое средневековье, дворец времен короля Артура — второй половины VI века нашей эры. Воображением писателя туда попадает предприимчивый американец второй половины XIX века. И... создает газету под заголовком «Еженедельная Осанна». С опаской и подозрением осматривают придворные первый, изданный в тысяче экземпляров выпуск.

«— Что это за странная штука?

— Для чего она?

— Это носовой платок? Попона? Кусок рубахи? Из чего она сделана?

— Какая она тонкая, какая хрупкая и как шуршит. Прочная ли она и не испортится ли от дождя? Это письмена на ней или только украшения?

Они подозревали, что это письмена, потому что те из них, которые умели читать по-латыни и немного по-гречески, узнали некоторые буквы, но все-таки не могли

сообразить, в чем тут дело. Я старался отвечать им возможно проще:

— Это общедоступная газета; что это значит, я объясню в другой раз. Это не материя, это бумага, когда-нибудь я объясню вам, что такое бумага. Строчки на ней действительно служат для чтения; они не рукой написаны, а напечатаны; со временем я объясню вам, что значит печатать...»

Этот отрывок из фантастической повести М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» помогает понять, какие чудеса смог воплотить лист,

испещренный типографскими значками. Чудеса человеческой мысли, изобретательности, технической сноровки. Производство сравнительно дешевой бумаги началось в Европе лишь в XIII веке, печатный станок — создание XV века. Что ж удивительного, что придворные короля Артура так растерялись?

Они восклицали при виде «Еженедельной Осанны»: «Тысяча! Какой огромный труд! Работа на год для многих людей!»

«— Нет, работа на день для мужчины и мальчика», — отвечал предприимчивый янки, за что и был обвинен в колдовстве в полном соответствии с представлениями и нравами эпохи.

«Чудо» рождения газеты, кроме массовости, оперативности, всеобщей доступности публикуемых известий, связано еще с одним свойством, придворными короля Артура не замеченным: периодичность, выпуск информации через строго определенные интервалы времени. Именно эта особенность больше трогала К. Чапека. «Если даже всю редакцию свалит грипп, газета все-таки выйдет...»

За этой строкой много характерного для журналистской профессии: неуклонный производственный ритм работы редакций, срочность заданий, бессонные ночи и обязательные дежурства, спешная диктовка сообщений «в номер» и гонка к последнему рейсу самолета, доставляющего свежую газету в другой город. «Железная» ограниченность времени и места, поиск мысли, взлет фантазии, «муки слова» — ведь без них не бывает творчества! — объединяются на газетных страницах. Далеко не всегда это происходит гладко. Как ни странно, испокон веков и поныне стойко держится мнение о «не пыльном» деле журналистики. В. Маяковский изобразил такого «мыслителя»:

> Нам бы работёшку эту!
> Дело тихое, и нету чище.
> Не то что по кузницам отмахивать ручища.
> Сиди себе в редакции в беленькой сорочке —
> и гони строчки.
> Нагнал,
> расставил запятые да точки,
> подписался,
> под подпись закорючку,
> и готово:
> строчки растут как цветочки.
> Ручки в брючки,

в стол ручку,
получил построчные —
и, ленивой ивой
склоняясь над кружкой,
дуй пиво.

Великий поэт буквально мобилизовал себя в журналистику. С мая 1926 года до конца своих дней он штатный сотрудник «Комсомольской правды»: обсуждает планы номеров, читает редакционную почту, выступает на вечерах читателей. Бывали недели, когда без стихов В. Маяковского не выходило ни одного номера газеты, иногда появлялось по два, по три его произведения одновременно.

Потому-то, испытав во всех отношениях «лихорадку газетных буден», и мог поэт с полным правом сказать:

Если встретите человека белее мела,
худющего,
худей, чем газетный лист, —
умозаключайте смело:
или редактор
или журналист.

Гипербола? Преувеличение? Несомненно. И все же это гораздо точнее, чем мнение, которое репортер «Известий» В. Захарько услышал в пригородной электричке:

«— Можно посмотреть? — спросил сосед по вагону, увидев у меня пачку газет.

Я отдал ему всю пачку, а сам отвернулся к окну. Глядя на залитый солнцем залив, на проносящийся мимо тихий лес, я начинал испытывать чувство, которое хоть однажды, но пережили, наверное, все журналисты. Чувство это похоже на зависть к людям, у которых работа «от» и «до», кто в конце недели может спокойненько на двое суток отправиться за город, кому не приходится расставаться с дефицитным билетом на новый спектакль, отказываться от назначенных встреч с друзьями, прерывать чтение на самой интересной странице, потому что им не надо в этот вечер куда-то мчаться, кого-то срочно разыскивать, а потом сидеть всю ночь за столом и утром обязательно везти в редакцию материал, без которого газета не может выйти. Только не дай бог, чтобы чувство это поселялось в тебе часто и надолго. Но сейчас я завидовал разговорчивому со-

седу, успевшему сообщить, что он инженер-металлург, что вчера, в субботу, работал, зато впереди у него два выходных.

— Вот кому можно позавидовать — журналистам! — вдруг произнес инженер-металлург. — Верно ведь, не скучная профессия? — обратился он ко мне и, не дождавшись моего ответа, начал говорить о нашей профессии с той компетентностью, которую многим дал фильм «Журналист»: — Сегодня корреспондент на заводе, завтра — в институте, послезавтра — за кулисами театра, потом он встречается с художником, дипломатом, маршалом. Командировки в любой район страны, в горячие точки планеты: Африку, Вьетнам, Женеву, Нью-Йорк! Но опустим заграницу. Вот, пожалуйста, «Ленинградская правда» напечатала сегодня репортаж с вертолета, летевшего над городом. Это же впечатление на всю жизнь. Как тут не позавидовать!»

Да, журналистика — завидная профессия. Но вряд ли правильно видеть в ней только легкие, приятные стороны: интересные встречи и яркие впечатления. Нельзя забывать о сложных, трудных проблемах, стоящих перед работниками печати, об их ежедневной и ежечасной ответственности перед обществом.

— Журналисты говорят: «Газета — это история мира за одни сутки». Не слишком ли самонадеянно?

— Нет. Думаю, афоризм точен. Он просто не всеобъемлющ, как и любой афоризм. На газетных полосах история текущего дня, написанная современниками тотчас по следам событий.

— Но событий безграничное множество. За какими из них пуститься вдогонку?

Совершенно очевидно, что журналист не может полностью «продублировать жизнь», перенести на газетный лист абсолютно все, что захочет. Он обязательно ищет главное. А вот что в его глазах окажется Главным?

В 1932 году в Германии, в накаленной атмосфере противостояния сил прогресса наглеющему фашизму, отважная коммунистка Клара Цеткин получила право открыть заседание рейхстага. Она получила эту возможность на основе конституционной нормы: открытие заседаний — привилегия старейшего депутата. Буржуазные политики не дерзнули на этот раз официально нарушить норму даже под натиском антикоммунистической истерии. Журналисты десятков газет всего мира,

аккредитованные в Берлине, репортеры немецких периодических изданий ждали этого события как сенсации. Событие произошло. Однако какие его грани стали известны читателям буржуазных газет?

Часть газет описывала, как выглядела коммунистическая делегатка, как несли ее на носилках к председательскому месту. В других отчетах краски сгущались меньше: изображалось лишь, как доверенные лица под руки подвели старейшину рейхстага к месту выступления. Третья группа репортеров описывала не столько

облик Клары Цеткин, сколько сопровождавших ее людей и т. д. Через обилие разнообразных бытовых деталей смаковала буржуазная журналистика эпизод политической жизни Германии. Смаковала, но не раскрывала его существа, не передавала главного.

Живописание второстепенных деталей как раз и заменяло передачу истинного смысла события. Оно как будто было отражено, казалось бы, даже в подробностях. В действительности же было искажено подавляющим большинством буржуазных газет, не передавших

главного: содержание речи, произнесенной на открытии рейхстага.

Истинный смысл происшедшего запечатлел для своих читателей советский журналист М. Кольцов. Вот строки его репортажа «Клара открывает рейхстаг».

«Целую неделю ее травили газеты всех без исключения буржуазных партий и направлений. Ей угрожали нарушением неприкосновенности, полицейскими репрессиями, арестом, даже избиением и убийством. Но старая большевичка не испугалась. Собрав остаток своих сил, она прибыла сюда и отсюда, с этого высокого места, возвышает свой голос перед лицом врагов и говорит им боевые слова, слова, призывающие рабочие массы к борьбе против капитализма и его лакеев».

Материал передал читателю главное: классовое, политическое содержание события.

В репортаже М. Кольцова тоже немало места отведено деталям, изображению обстановки. Однако этот отбор подчинен не бесстрастному описательству, а противостоянию классовых сил Германии.

«Вся правая треть депутатских мест заполнена сплошной массой коричневых рубашек. Вся гитлеровская фракция явилась одетой в военную форму штурмовых отрядов... Центр и социал-демократическая фракция пугливо жмутся в своих пиджаках, оттесненные гитлеровской ротой. Это они открыли двери фашизму в этот зал. Открыли, а теперь вынуждены уплотняться на своей уменьшенной площади... Клара призывает к единому антифашистскому фронту. Она поворачивается лицом к застывшей, безмолвной коричневой гитлеровской сотне, и взгляды двух партий, двух классов, двух вражеских лагерей встречаются».

Но, быть может, эпизод с Кларой Цеткин случайность? К тому же произошел он давно — «фильтры» отбора у буржуазных газетчиков могли с тех пор измениться.

Не изменились.

В начале 1977 года весь мир облетела весть о созыве Европейского суда защиты прав человека в Страсбурге. На закрытых и открытых заседаниях суд рассматривал жалобу правительства Ирландской республики, обвинившего британские власти в широком применении пыток на допросах арестованных в Ольстере. Перед собравшимися прошли страшные свидетель-

ства истязания людей, документы поразительной разоблачающей силы.

Писали ли о суде правые газеты? Да, писали. Но как? Английская «Гардиан» едва ли не весь материал по итогам заседания посвятила описанию того, как были одеты судьи, за какими столами они сидели, как им удавалось преодолеть языковой барьер. Внешние детали не оставили «места» для изложения существа обвинения и процесса.

Органы западногерманской печати об этом событии просто молчали. Они сочли Страсбургский суд событием не столь важным. Гораздо существенней новая марка пива, которую в те дни усиленно рекламировали аршинные объявления в газетах.

Из французских буржуазных газет лишь «Монд» посвятила 33-строчную заметку открытию процесса, да и то в истолковании английского телеграфного агентства Рейтер. Объективность официального агентства капиталистической страны, против которой начат политический процесс, нетрудно представить...

«Фильтры» газетных страниц неумолимы. Но кто или что маневрирует ими? Быть может, всего лишь то злая, то добрая воля самих впечатлительных журналистов? Сегодня выделил крупным планом одно, завтра — другое?

Да, доля личных пристрастий в этом труде велика, но все же она не главенствует. И «фильтрами», и самими пристрастиями «заведует» классовый интерес. А его представляет, как правило, политическая организация, направление, партия. Контрастные классовые интересы рождают контрастное содержание буржуазной и коммунистической журналистики. За газетной строкой встает мир породивших ее общественных отношений. И содержание этой строки всецело зависит от характера данного общества. Остановить, замолчать, пресечь, отвратить победный шаг социализма — одно стремление. Второе — отстоять, расширить, укрепить борьбу за бесклассовое общество свободных, равных, счастливых людей.

Вот делегация американских журналистов путешествует по нашей стране, пользуется гостеприимством и дружелюбием, выражает намерение объективно рассказать об увиденном американской аудитории. Но по возвращении в Соединенные Штаты иные мотивы звучат в печати.

Политический редактор «Феникс газетт» Дж. Колби подробно описывает недостатки снабжения и обслуживания и ни слова не говорит об основных впечатлениях от поездки по стране. В номере «Феникс газетт» от 4 декабря 1976 года он тщательно перечислил то, что должен срочно освоить Советский Союз: это бумажные спички, занавески для душевых, пиво более низкой, чем комнатная, температуры, надежные открывалки для бутылок, яичницу с беконом и т. д. и т. п Все это описывается с ощущением полного права третьестепенными бытовыми подробностями скрыть картину жизни гигантской страны. Таковы сегодняшние «фильтры».

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин не раз говорили об этой особенности журналистской профессии. Они размышляли далеко не абстрактно — на опыте собственного профессионального труда в журналистике. Классовую обусловленность отбора, оценки, отражения событий эти мыслители обозначили словом партийность.

Коммунистическое понимание принципа партийности В. Ленин расшифровывал так: «...для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела». Таков истинно коллективистский, гуманистический критерий для формирования на газетной полосе «истории мира за одни сутки». Тем важнее события для жизни, истории, журналистики, чем сильнее влияние их на строительство коммунизма в мире, в стране.

Профессиональные сложности не кончаются на этом пороге. Редактор французской коммунистической газеты «Юманите» Р. Андриё размышлял о них так: «Приняв этот принцип за основу, не всегда, однако, легко его проводить в жизнь, ибо правда не так проста. Надо еще научиться отличать основное от второстепенного». Учат опыт, теория, повседневная практика журналистики.

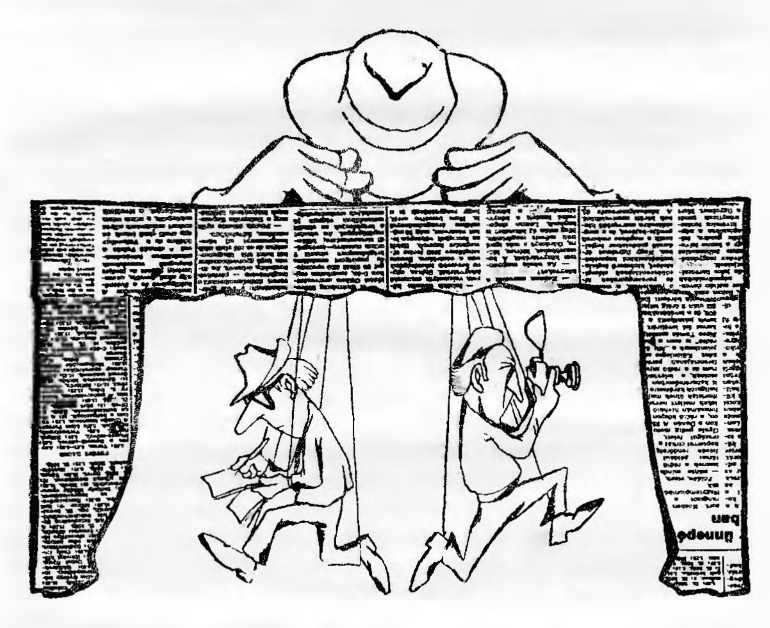
— В каждой профессии есть подводные рифы, места нередких кораблекрушений. Наверное, и в журналистике...

— Да, кораблекрушения происходят...

Журналист отнюдь не «вольным художником» раскатывает по стране и за ее пределами. Он всегда полпред той или иной редакции, той или иной политиче-

ской силы, борец за коммунистические идеалы в странах социалистического лагеря, уполномоченный буржуазного бизнеса в большинстве газет капиталистических стран.

Без понимания экономических и политических устоев общества бессмысленно даже пытаться понять существо журналистики; без твердого убеждения стать политическим борцом нельзя овладеть профессией. Издали не всегда удается представить те скрытые требования мастерства, о которых М. Калинин, напутствуя молодых журналистов, говорил так: «Газетная работа самая

трудная из всех литературных работ. Она трудна непрерывностью выхода газеты, краткостью времени для оформления, постоянной спешкой в работе. Наконец, она трудна тем, что газета должна иметь свое суждение по всем непрерывно возникающим практическим вопросам государственной и общественной жизни. Мало того, она должна быть ведущей и направляющей силой, сосредоточивающей общественное внимание на важнейших в данный момент событиях и явлениях».

Суровым профессиональным истинам противостоят иллюзии. Первое место по агрессивности, да и живуче-

сти тоже, держит миф о «свободе печати». Его отголоски в таких благозвучных тезисах: «Печать — четвертая власть в государстве» или «Журналистика — пятая великая держава на политической карте мира».

О чем вещают эти высокопарные фразы? О политической «беспристрастности» журналистских публикаций, о «надпартийности», «надклассовости», даже «надгосударственности» содержания массовой информации. Иллюзии тешат. И тешат многих. Не только простаков-обывателей, но подчас и очень неглупых специалистов. Но лишь до поры, до времени.

Американский журналист и писатель Р. Сильвестр описывает в романе «Вторая древнейшая профессия» трагическую историю жертвы подобных иллюзий — судьбу журналиста Н. Горса. Вот он, полный светлых замыслов, «с душой, открытой для добра», сообщает редактору отдела свой план выступлений газеты по благоустройству жилищ бедняков.

«Редактор отдела отвернулся и стал смотреть в грязное окно на движущиеся где-то внизу, по реке, суда. Беспокойно поерзал на стуле.

— Нам придется бросить эту жилищную кампанию, — сказал наконец он.

— Бросить? — едва не вскрикнул Горс. — Господи помилуй, да почему же?

Редактор перевел взгляд на него и криво улыбнулся.

— Сынок, — сказал он, помолчав. — Есть вещи, которых мы просто не можем себе позволить. Не можем, потому что наша газета дышит на ладан. Да боже ты мой, у нас и без того вечная грызня с отделом рекламы, где уж нам опять с ним связываться.

Горс был ошеломлен. Так ошеломлен, словно редактор признался ему в государственной измене или в совращении собственной дочери.

— Вы хотите сказать, что отдел рекламы может приказать вам выкинуть материал?

Редактору было явно не по себе.

— Вы слишком все упрощаете, Нед, — сказал он, избегая его взгляда. — Просто на нас беспрерывно наседают. Если бы мы крепче держались на ногах, так, может, и смогли бы этому противиться. При нынешнем положении это невозможно. Мне было предложено прекратить кампанию, и я ее прекращаю. Больше ничего не остается.

Горсу нелегко было подобрать слова.

— Никак не ожидал, — сказал он наконец, — что мне доведется услышать нечто подобное от такого опытного газетчика, как вы.

Человек, сидевший перед ним, слегка покраснел, открыл было рот, закрыл его и в конце концов сказал с оттенком раздражения:

— Пока вы работаете в газете, вам еще не раз придется услышать то, чего вы никак не ожидаете. Вот, минуту внимания. Доходные дома в этом городе принадлежат самым различным лицам — от политических заправил до князей церкви. И если вы воображаете, что можете вступить в борьбу с одной из этих клик, не говоря уже об обеих, и еще уцелеть при этом, то вы не просто ребенок, как я думал, а грудной младенец. Учтите, я вовсе не обвиняю какие-либо политические или церковные организации в том, что они оказывают на нас давление. Я просто утверждаю, что никакие самые блестящие газетные статьи, сколько бы мы их ни печатали, не могут ни на йоту изменить тяжелые жилищные условия малоимущего населения ни в этом городе, ни в каком-либо другом. Значит, надо руководствоваться здравым смыслом. А здравый смысл подсказывает нам, что, продолжая эту кампанию, мы добьемся только одного — создадим нашей газете кучу опаснейших врагов. А это роскошь, которой мы не можем себе позволить. Ясно вам теперь?

— О да, вполне ясно, — отвечал Горс. Он был совершенно огорошен. — А что произойдет, если вы пошлете всех заинтересованных лиц к черту?

— А то, что на следующий же день у вас в отделе будет новый редактор, — последовал довольно резкий ответ. — И этот новый редактор все равно не напечатает вашего материала. А если вы начнете скандалить, то вам придется поискать работы в другой газете. И если после этого вам и удастся устроиться куда-нибудь, вашего материала все равно не примут и там. Так что посылать к черту тех, кому фактически принадлежит газета, довольно бессмысленное занятие.

Горс встал и направился к двери.

— Не знаю, как вам, — сказал он, — а мне перед самим собой стыдно.

Редактор презрительно фыркнул. Он уже снова чувствовал себя хозяином положения».

Отдадим должное американскому автору — он очень точно изобразил типичную ситуацию. Но время действия романа Р. Сильвестра — тридцатые годы. Не произошли ли перемены с тех пор? Меняются детали, но не принципы.

Судьбу вымышленного Н. Горса почти досконально повторил в наши дни видный корреспондент американской телекомпании Си-би-эс Д. Шорр. Нет, он не отличался прогрессивными взглядами, наоборот, очень преданно клеветал на коммунистический мир и прославлял свободу журналистики в своем отечестве. И на минуту, как видно, поверил сам в то, что проповедовал — рискнул перешагнуть черту. Д. Шорр предал огласке некоторые злоупотребления ЦРУ. Владелец Си-би-эс У. Пейли, прямой хозяин Д. Шорра, оказался очень плотно втянут в дела ЦРУ. Д. Шорр был вынужден покинуть телесеть, чтобы пополнить ряды «свободных» безработных журналистов.

Случаются расправы и пожестче. А между тем чарующая сказочка для взрослых: «Каждый американец может напечатать все, что вздумает» — живет, возрождаясь вновь и вновь. На подтверждение ее направлены все усилия пропаганды. Этому служит особо продуманная «пестрота» в подборе информации, создающая видимость объективности ее. Сказочка древняя, но и поныне расставляет не слишком вдумчивым людям силки бытовых и профессиональных иллюзий.

Американский журналист, писатель и активный общественный деятель Э. Синклер создал в двадцатые годы нашего века обличающий гневный документ, манифест разоблачения нравов буржуазной прессы под заглавием «Медная марка». Смысл заголовка тот же, что и у Р. Сильвестра, — символ продажности буржуазной прессы. Вот его слова, адресованные заправилам капиталистической журналистики.

«...Вы являетесь предпринимателем, неразрывно связанным с капиталистической системой... У вас приказчики, управляющие, директора, как будто вы владелец стального завода или угольных копей. Есть у вас также полицейские и сыщики, судьи, суды и тюрьмы, вооруженные солдаты и матросы на броненосцах для защиты вас и ваших интересов — совершенно так же, как это наблюдается в той хищной системе, к которой принадлежите и вы. И конечно, вы приобщаетесь к капитали-

стической психологии; она у вас является наиболее цельной и жизненной, потому что ваше предприятие наиболее жизненная часть этой системы. Вы знаете ежечасно, что делается вокруг; вы лучше понимаете классовые интересы, вы более восприимчивы к оценке событий, чем кто-либо другой в капиталистическом обществе. Вы знаете, что вы требуете от ваших закрепощенных работников, и вы наблюдаете, чтобы они исправно доставляли товар. Вы знаете, какую услугу вы оказываете давателям объявлений, ваши условия — «денежки чистоганом». Вы знаете, откуда вы получаете деньги и «кредит». Таким образом, вы знаете настоящую цену всему в Америке; вы знаете, кого нужно хвалить, кого ненавидеть, кого бояться».

Постепенно нужные «фильтры» сами собой формируются в сознании преуспевающих журналистов. В Лондоне происходит забастовка мусорщиков — весь город в грязи. Огромные заголовки в правоверных изданиях сетуют на «эгоизм» забастовщиков, клеймят бросивших работу за пренебрежение общественными интересами, удобством многих горожан. Логично? На первый взгляд вполне. Но истинная задача — в анализе причин забастовки, объяснении ее социальной природы. А на это способна лишь прогрессивная печать.

Благородное слово «свобода» кощунственно прикрывает сегодня множество неблаговиднейших дел журналистских магнатов: «свободу» конкуренции, «свободу» порнографии, «свободу» проповеди насилия и пошлости потребительских идеалов. Для одних эти «свободы» — утешительная иллюзия, для других (а сегодня таких большинство) — циничная демагогия, не стыдящаяся выворачивать наизнанку любые идеалы и любую реальность.

Уже давно ни для кого не секрет, что подрывные радиостанции на территории Европы финансирует Центральное разведывательное управление США. Однако что за наименования носят без тени смущения и сомнения эти гнезда махрового шпионажа, идеологических диверсий и политических убийств! Имена — циничнее некуда — радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа!». В их штате уже не найти политически наивных овечек, невинно запутавшихся в сетях журналистских иллюзий. В этих «респектабельных», «свободных» учреждениях все радиожурналисты владеют по совме-

стительству иными профессиями: платных агентов, провокаторов, лжесвидетелей. Шпионаж и сыск влетают в копеечку. И вот уже новая администрация едва вступившего в должность президента Дж. Картера добивается у конгресса расширенных ассигнований для столь полезных радиоцентров.

Но и этого радетелям «свобод» показалось мало. С великой помпой в 1977 году они учредили Комитет за укрепление свободы мировой печати. Каков состав комитета? Неоднократно проверенный — в него вошли хозяева журналистского бизнеса с акульими аппетитами. Их жажда «свободы» пожирать ближнего не удовлетворена: пора прибирать к рукам журналистику в развивающихся странах. А для этого еще и еще клеветать на журналистику в странах социализма. Дескать, нет в них столь чтимой «свободы печати». Действительно, той, что мила магнатам денежного мешка, нет и не будет.

Каждый непредвзятый исследователь журналистики не может не согласиться с ленинским выводом: «Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*».

Подлинная свобода печати в современную эпоху — это не информационный произвол, а свобода распространения истины, в которой заинтересованы подлинные силы прогресса — коммунистические партии и их издания.

— Принято считать, что цель журналистики — передавать читателям самые свежие, самые новые факты. Чем больше, тем лучше.

— Не совсем так. Умные люди говорят: «Перед господином Фактом надо не только уметь вовремя снять шляпу, но и вовремя надеть ее».

Максим Горький напоминал о том, что факт, подкинутый жизнью, похож на курицу с неощипанными перьями. Он требует «приготовления». Из каждого факта необходимо извлечь его смысл и подать «на блюде» читателю. Перья — это все лишнее, затемняющее суть, уводящее в сторону. Ощипывание перьев — профессиональный долг журналиста. Любое событие под пером репортера проходит гранение, как алмаз под резцом мастера. Но сначала — и тоже подобно алма-

зу — драгоценный камень должен быть найден, добыт, увиден в лавине окружающих песчинок — явлений. Открыть след кимберлита в залежах малоценной породы — такая задача для репортера не легче, чем для геолога. Пожалуй, даже сложнее, потому что менее очевиден рубеж малоценного и бесценного. Не потому ли подчас журналисты гранят искусно подобранным словом пустую породу маловажного факта и преподносят читателям поверхностные поделки вместо действительной жизни?

Далеко не просто научиться отсеивать от шелухи социально ценные сообщения. Известные сатирики И. Ильф и Е. Петров изобразили в романе «Двенадцать стульев» не слишком деловитую редакцию под названием «Станок». Неприхотливость отбора событий в этой газете привела к тому, что хитроумному О. Бендеру не удалось ускользнуть от бдительного ока покинутой им мадам Грицацуевой. «Станок» напечатал о «турецкоподданном» в высшей степени содержательную заметку: «Вчера на площади Свердлова попал под лошадь из-

возчика № 8974 гр. О. Бендер. Пострадавший отделался легким испугом».

Авторы высмеивают бездумное копирование иными журналистами двадцатых годов приемов буржуазных газет. Сейчас ни одна редакция в нашей стране заметки похожего содержания не напечатает. Разве что в пародийно-юмористическом отделе. Не напечатает потому, что случай слишком мелок, не имеет общественного значения. Правда, архивариус Варфоломей Коробейников сумел за эту заметку взять с мадам Грицацуевой пять рублей, но это уж объяснялось сугубо личными, даже интимными отношениями ее с пострадавшим О. Бендером.

Эпизод из «Двенадцати стульев» высмеивает мелкотемье, бессодержательные публикации журналистов-рвачей вроде Никифора Ляписа, который «знал кратчайшие пути к оазисам, где брызжут светлые ключи гонорара под широколиственной сенью ведомственных журналов».

Да, не так-то просто излечивалась юная пролетарская пресса от профессионального наследия старого мира, от внедрившихся в плоть и кровь газетчиков дореволюционного поколения умений и пристрастий. Перестройка укоренившихся профессиональных навыков и приемов — не скоротечный процесс. Основатель журналистики нового типа В. Ленин настаивал: «Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы *начали* делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство *без* помещиков и без капиталистов. Но мы только-только еще начали это делать... А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь». В статье, специально посвященной газетчикам, В. Ленин определил главное направление профессиональной перестройки: «У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания к той *будничной* стороне внутрифабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего».

И, как бы оттеняя эту мысль Ильича, обращался к коллегам ставший журналистом-профессионалом В. Маяковский:

Газета —
это
не чтенье от скуки;
Газетой
с республики
грязь скребете;
Газета —
наши глаза
и руки,
Помощь
ежедневная
в ежедневной работе.

Что в первую очередь требует общество от журналиста? Анализа реальной действительности или способа отвлечься от нее? Делового вмешательства в жизнь или необязательных разглагольствований?

Неодинаково отвечают на эти вопросы представители различных социальных систем. Французский теоретик С. Лозанн, к примеру, увещевает: «Не забывайте, что вы перестаете быть журналистами, когда вы занимаетесь пропагандой, даже самой полезной, самой благородной... Пресса — это колокольня, звонарем которой является журналист. Он только звонарь. Если он стремится выпустить веревку своего большого колокола, подняться на алтарь и совершать службу, он выходит из своей роли».

Нет, далеко не всегда буржуазные журналисты соглашаются оставаться только звонарями, по-разному складываются их судьбы. Одни, как Дэвид Локки из фильма М. Антониони «Профессия — репортер», бегут от своей работы, от самих себя в поисках смысла жизни. Другие приспосабливаются. Приспосабливаются любой ценой, вплоть до утраты собственного имени, перемены его с Франсуа на Жюльен только потому, что так захотел сын босса. Перемена имени — сюжетный ход блистательного французского сатирического фильма «Игрушка». С горьким юмором он повествует о судьбе репортера, который (пусть на недолгое время!) согласился — был вынужден согласиться — стать в полном смысле игрушкой, предметом забавы для хозяйского сына. Идея человеческого достоинства, правда, побеждает в этой картине. Конец светел, но объективно безвыходен. Он побуждает к протесту.

Знаменательные вехи истории печати говорят о том, что истинные журналисты считали и считают своим долгом активно вмешиваться в жизнь.

26 июля 1790 года. Жан Поль Марат расклеивает по улицам революционного Парижа экстренный выпуск своей газеты «Друг народа». В ней всего один памфлет «Мы погибли!». Марат — автор, редактор, издатель, типограф, разносчик своей газеты — все в одном лице. Издание выходит нелегально — влиятельное большинство Конвента отвергает и запрещает проекты и призывы якобинских лидеров. Марат предстает перед судом, созванным по воле жирондистского Конвента. И побеждает. Его газета легализована. Теперь остается излюбленный ход контрреволюционеров — убийство. И Марат погибает. Пафос памфлета в газете — листовке 26 июля 1790 года — оказался пророческим. В нем говорилось: «Граждане всех возрастов и рангов! Меры, принятые Национальным собранием, не могут помешать вам погибнуть, и вы погибли навсегда, если вы не возьметесь за оружие, если вы не обретете вновь той героической доблести, которая от 14 июля (день взятия Бастилии. — *В. У.*) до 5 октября дважды спасала Францию».

Призыв достиг цели — монархический заговор 1790 года был сорван, королевская чета в скором времени казнена. А строки Марата, ускорившие эти события, вписали в историю журналистики незабываемые страницы.

Теоретики типа С. Лозанна очень стараются их забыть, переключить энергию журналистики на якобы «беспристрастное» информирование. А практики и вовсе беззастенчиво декларируют свою всеядность. Как одна из ведущих американских газет «Нью-Йорк таймс»: «У «Таймс» нет никаких осей для вращения, никаких «измов» для изучения, никаких политических предпочтений для продвижения в колонках новостей. «Таймс» сообщает новости исчерпывающе и аккуратно. Она интерпретирует новости — справедливо, без искажений, без предвзятости, без акцентирования. Вот почему сотни тысяч разумных граждан по всей стране регулярно читают «Нью-Йорк таймс».

Звучит лихо и завораживающе. Конечно, не у каждого читателя хватит воображения, проходя по 43-й авеню Нью-Йорка мимо цитадели издателя этой газеты А. Сульцбергера, хоть мысленно проникнуть внутрь. Увидеть, как за плотно закрытыми дверьми в кабинете хозяина чинно собираются на совещания финансисты

Уолл-стрита, политические заправилы, довереннейшие лица большого бизнеса. Это они — советники и руководители самой влиятельной американской газеты. И они озабочены вместе с А. Сульцбергером доходами и престижем издания. А заодно и доходами еще трех десятков газет, которые принадлежат этому же конклаву в других городах США.

О, разумеется, они чрезвычайно ценят «объективные» новости и свободу печати. Но только в пределах, которые не повлияют ни на доходы, ни на престиж их предприятий. А так — пожалуйста, господа журналисты, дерзайте, творите! Можете даже обличить кое-когда распоясавшуюся коррупцию, пощипать Белый дом, подзаняться «разгребанием грязи». (Эта метафора стала узаконенным термином в журналистике США с конца прошлого века.) Разгребайте, только не зарывайтесь. Гребите до тех пор, покуда не докопаетесь до основ бизнеса и политики. Вот тут уж придется остановиться.

Свобода свободой, но столп, на котором держится все, затрагивать нельзя...

Энтузиастов и правдолюбцев иной раз можно и поощрить. Особенно если это на руку борьбе за власть между конкурирующими партиями. «Дело Уотергейта» — позорная страница в жизни США. Предвыборный шпионаж со взломом в штаб-квартире политических противников, поощренный самим президентом... Раздуть этот и без того грандиозный скандал оказалось очень кстати для «обиженной» демократической партии, которую мутные волны Уотергейта катили прямехонько к власти.

Здесь уж постарались журналисты — «разгребатели грязи». Уголовным политическим преступлением ловко воспользовались репортеры из газеты «Вашингтон пост» К. Бернстин и Б. Вудвард. Они получили негласную санкцию разоблачать, что и выполнили с виртуозным профессиональным мастерством. А оно, в частности, и в том, чтобы представить читателям в тончайших деталях суперсенсацию, не углубляясь при этом в корень: разгребать, но не зарываться.

Журналисты «Вашингтон пост» добились полного профессионального успеха. По итогам своих публикаций в газете К. Бернстин и Б. Вудвард выпустили книгу «Вся президентская рать» (затем вышел одноименный

кинофильм, получивший национальную премию «Оскар» как одна из лучших картин года).

Любопытен предпосланный книге эпиграф-посвящение:

Всей той другой
президентской рати —
мужчинам и женщинам —
в Белом доме
и в других местах,
которые рискнули
снабдить нас
конфиденциальной
информацией.
Без них никогда
не было бы
уотергейтской истории,
рассказанной
«Вашингтон пост»...

Что декларирует этот эпиграф? Да то же, что декларация «Таймс»: во всем воля случая — нам попала информация, и мы ее объективно отобразили. «Никаких осей для вращения, никаких «измов» для изучения».

Полно! Не так уж много ныне читателей способно поверить такого рода заверениям. Но, как ни странно, еще находятся люди, склонные считать, что журналисты буржуазных газет потчуют читателя фактами без малейшего приготовления, не «ощипывают перьев» ни у поданных в качестве чтива разжиревших на домыслах «куриц», ни у фаршированных ложью «уток».

— К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин страстно обличали нравы буржуазной печати. Но в то же время они высоко ценили истинно прогрессивную журналистику.

— Мало сказать — ценили. Эти мыслители сами создали образцы журналистики нового типа — подлинно народной, пролетарской, коммунистической.

Заря революционной пролетарской журналистики занялась на Рейне. 15 октября 1842 года обер-президент Рейнской провинции фон Шапер докладывал правительству о делах оппозиционной «Рейнской газеты». Ежедневное издание впервые вышло в свет 1 января 1842 года и тотчас стало доставлять бездну хлопот блюстителям порядка в Прусском королевстве. Газета подняла вопросы, о которых власть имущие предпочитали молчать: объединение Германии, республиканская система правления, демократические права печати...

Первым пером в газете очень скоро признали два-

дцатичетырехлетнего доктора философии К. Маркса. В те годы левый гегельянец М. Гесс писал другу о блеске Марксовых выступлений: «...В нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе объединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля — я говорю *объединенными,* а не смешанными, — и это доктор Маркс».

Отзыву при всей его восторженности не отказать в прозорливости. Дальновидность проявили и организато-

ры «Рейнской газеты» — уже с октября 1842 года они предложили К. Марксу возглавить редакцию.

Зато вовсе не проявил дальновидности, рапортуя по начальству, фон Шапер. Именно 15 октября, в день, когда К. Маркс приступил к обязанностям главного редактора, сиятельный чиновник сообщил, что популярность «Рейнской газеты» явно идет на убыль — у нее всего 885 подписчиков, а значит, сомнительные идеи не находят сочувствия в Рейнской провинции.

Благонамеренный чиновник непозволительно ошибался. И уже через месяц был вынужден свою ошибку

признать. 10 ноября обер-президент фон Шапер встревоженно сообщал в Берлин: направление газеты становится все более дерзким и враждебным, она расходится до 1820 экземпляров в сутки.

К. Маркс проявил себя здесь не только ярким революционным публицистом, но и талантливым организатором редакционного коллектива. Он разработал теоретические положения о месте журналистики в обществе, о роли прессы в революционной борьбе.

Защита интересов народа — первейшая обязанность журналиста, считает доктор К. Маркс и следует этому принципу каждой строкой своих произведений. «Рейнская газета» публикует проект правительственного закона о разводе, который готовился в глубокой тайне. Религиозно настроенный король Фридрих-Вильгельм IV решил начать наступление на права подданных с укрепления уз Гименея. Публикация «Рейнской газеты» вызвала столь сильное негодование, такую бурю протестов, что проект пришлось отменить.

Вскоре с редакцией начал сотрудничать Ф. Энгельс. Он стал корреспондентом «Рейнской газеты» в Англии и перед отъездом лично познакомился с ее главным редактором. Содружество в журналистике переросло в великую дружбу двух гениальных мыслителей.

До конца 1842 года Ф. Энгельс отправил в редакцию пять корреспонденций. Все они, по распоряжению К. Маркса, немедленно и без изменений шли в очередной номер. Это были содержательные, острые, деловые материалы.

31 марта 1843 года заседание совета министров под председательством короля постановило закрыть «Рейнскую газету». К тому времени тираж издания достиг трех с половиной тысяч. Более двух тысяч подписчиков заявили в петициях королю протест против лишения их газеты. Но монарх и не подумал внять просьбам подданных. 31 марта 1843 года редакция обратилась к читателю со стихотворным «Прощанием». Его заключали строки:

На новом берегу ждут новые сраженья,
В них встретимся с друзьями по борьбе.
А если на пути нам суждено крушенье —
В крушеньи будем верными себе.

Так и оказалось. С первыми революционными раскатами 1848 года в охваченной волнениями Рейнской про-

винции начинает выходить «Новая Рейнская газета». Ее руководители — К. Маркс и Ф. Энгельс. 1 июня 1848 года первый номер увидел свет. Через полстолетия В. Ленин назвал эту газету «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата».

С выхода «Новой Рейнской газеты» до ее запрещения в мае 1849 года К. Маркс и Ф. Энгельс с головой уходят в профессиональную журналистику. 301 номер получили подписчики революционного издания, и в каждом были публикации, написанные, отредактированные К. Марксом и Ф. Энгельсом. Всю богатейшую палитру журналистских жанров — от трехстрочной заметки-телеграммы до стихотворного сатирического фельетона — использовали авторы «Новой Рейнской газеты». Вот темы нескольких заметок, напечатанных 23 ноября 1848 года.

«— Правительственные войска продолжают разоружать население Берлина;

— Делегация крестьян из Силезии получила аудиенцию у короля, во время которой было заявлено, что крестьяне поддерживают Национальное собрание;

— Военный пост между берлинским арсеналом и университетом обнесен железной решеткой для того, чтобы помешать общению солдат с народом;

— В Дюссельдорфе объявлено военное положение;

— В Мюнстере проходят массовые собрания и митинги в поддержку Национального собрания».

Умело скомпонованная информация давала читателям правдивую, выразительную картину революционных событий по всей стране. Оперативно публиковались и зарубежные новости. Все частички информационного калейдоскопа крепились вокруг единого центра. К. Маркс писал об этом: «...разве душа июньской революции не была душой нашей газеты?» — и выделял эти слова из общего текста курсивом.

Лучшие произведения пролетарской публицистики создали для «Новой Рейнской газеты» К. Маркс и Ф. Энгельс. Их острым пером восхищались революционно настроенные читатели, его смертельно боялись реакционеры и филистеры. Поэт и сатирик Г. Веерт писал в стихотворном фельетоне·

Сегодня ехал я в Дюссельдорф,
Сосед мой — советник почтенный, —
О «Новой Рейнской» начав разговор,

Бранился весьма откровенно:
«Редакторы этой газеты дрянной —
Чертей опасная свора:
Совсем не боятся ни бога они,
Ни Цвейфеля — прокурора!
Как средство от всех неурядиц земных
Хотят они первым делом
Республику красную провозгласить
С имущества полным разделом».

Буржуазная пресса подняла кампанию клеветы и травли. Мужественные выступления газеты в защиту пролетариата встречались не столько опровержениями, сколько доносами. Ф. Энгельс вспоминал об этом: «...в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету».

18 мая 1849 года последовал заключительный удар со стороны правительства. Восстание в Дрездене и Эльберфельде было подавлено, восставшие в Изерлоне окружены; Рейнскую провинцию и Вестфалию запрудили правительственные войска. «Тогда, наконец, — вспоминает Ф. Энгельс, — правительство отважилось приняться и за нас... Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...»

Последний номер вышел 19 мая 1849 года, целиком напечатанный красной краской. И вновь, как шесть лет назад, редакция гордым «Прощальным словом» салютовала читателям.

Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я.
И когда последний трон упадет,
И когда беспощадное слово
На суде — «виновны» — скажет народ —
Тогда я вернусь к вам снова.

Специального периодического издания К. Маркс и Ф. Энгельс больше не предпринимали, но их журналистское перо никогда не бездействовало. В течение десятилетия (1852—1862 гг.) К. Маркс работал в должности лондонского корреспондента американской газеты «New

York Daily Tribune», публиковался во многих европейских социал-демократических, прогрессивных изданиях.

Ф. Энгельс до последних лет жизни не расставался с газетно-журнальной трибуной. Знаменитый «Анти-Дюринг» возник как цикл полемических статей для газеты немецких социал-демократов «Вперед». В этом издании Ф. Энгельс опубликовал один из последних циклов своих статей под заголовком «Может ли Европа разоружиться?».

Идеи родоначальников пролетарской журналистики продолжил, создавая революционную прессу в России, В. Ленин. Эти идеи нимало не утратили своего смысла и в наши дни.

— Велико ли журналистское наследие В. Ленина?

— Оно огромно. Соратник В. Ленина, партийный публицист П. Лепешинский, вскоре после смерти вождя подсчитал, что за свою журналистскую жизнь — с 1893 по 1924 год — Владимир Ильич опубликовал 620 печатных листов в периодических изданиях. Эта цифра приблизительна: новые исследования открывают неизвестные ранее строки Ленина-журналиста.

Конференц-зал газеты «Правда». 7 января 1977 года здесь собрались руководители центральных газет, журналов, информационных агентств, телевидения и радио, представители общественности, члены редколлегии газеты «Правда». Происходит торжественное оформление членского билета № 1 Союза журналистов СССР.

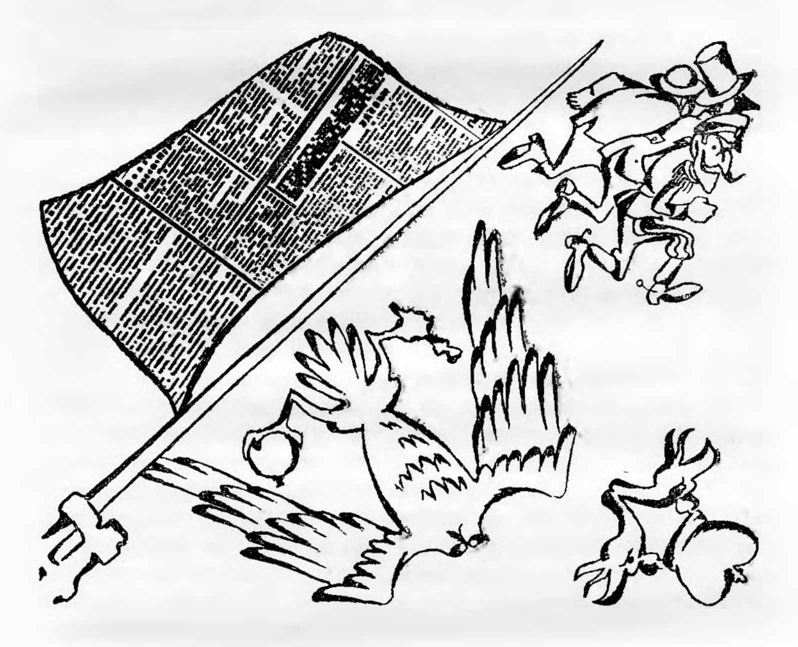
Билет нового образца выписан на имя организатора советской журналистики, пламенного партийного публициста, теоретика печати — Владимира Ильича Ленина. Билет передан на хранение в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Этот исторический документ — символ незабываемых страниц, которые Владимир Ильич вписал в историю отечественной и мировой журналистики, символ того, что значила периодическая печать для вождя пролетариата.

Торжественное оформление билета нового образца напоминает о прошлом. Почти шесть десятилетий назад в номере «Правды» от 24 октября 1918 года было опубликовано сообщение: «22-го октября в заседании Комитета профессионального Союза советских журналистов было заслушано следующее письменное заявление: «Прошу зачислить меня в члены профессионального Союза советских журналистов. Вл. Ульянов (Ленин)».

Уже в самом начале революционной деятельности В.. Ленин говорил: «...Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих». Такая возможность появилась с началом издания подпольной газеты «Искра».

В четвертом томе Полного собрания сочинений В. Ленина можно увидеть оттиск начальной полосы первого номера легендарной «Искры». В заголовке газеты нет точной даты — помечено лишь: декабрь 1900 года. В своем заявлении редакция «Искры» объясняла эту

особенность: «Срок выхода, ввиду условий русской нелегальной печати, заранее не определяется».

Слева от заголовка: «Российская социал-демократическая рабочая партия», справа — знаменитый эпиграф: «Из искры возгорится пламя...» А дальше занявшая две трети полосы ленинская программная статья «Насущные задачи нашего движения».

Огромных усилий стоил В. Ленину выпуск первой пролетарской газеты строго марксистского направления. Многоэтапная подготовка началась, как только Ильич вернулся из сибирской ссылки в январе 1900 года. Еще

находясь в Шушенском, он вел конспиративную переписку с А. Потресовым, сосланным в Вятскую губернию, с другими ссыльными — советовался о составе редакции, типе издания. В. Ленин обязательно хотел привлечь в соредакторы группу «Освобождение труда»: Г. Плеханова, П. Аксельрода, В. Засулич. Организация самых начальных контактов с ними потребовала колоссальной энергии. Преданные революции связные, надежные конспиративные явки, проблема финансирования — всем этим лично занимался Ильич. Он руководил потоками дружеской и деловой переписки. Письма шли в Псков и Уфу, Подольск и Самару, Женеву и Лейпциг. Договоренность будущих коллег по изданию достигнута. И вот решающая встреча пяти соредакторов в Женеве в августе 1900 года.

О подробностях этой встречи В. Ленин рассказывает в статье «Как чуть не потухла «Искра»?». Не только пограничные шлагбаумы, полицейские шпики, вездесущие агенты царской охранки заслоняли пути разгоравшейся «Искре». Мешала несогласованность в самом революционном лагере. Ее и предвидел В. Ленин, говоря свою крылатую фразу: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».

В ходе переговоров об условиях работы в «Искре» возникли разногласия между Г. Плехановым и В. Лениным. Они оказались столь глубоки, что едва совсем не погубили издание. Ильич оставил об этом пронизанные болью строки: «...тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова... Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый».

Глубоким душевным потрясением начинался ленинский путь в журналистику. Немало и затем выпало ему суровейших испытаний, разрывов со вчерашними единомышленниками, трагических утрат ближайших дру-

зей. Но ни об одном из последующих ударов судьбы В. Ленин не оставил нам столь проникновенной исповеди.

Героический первенец ленинской журналистики — «Искра», — как обычно это бывает с первенцами, принес своему организатору массу хлопот и огорчений. Но он принес и самую высокую победу, о какой может мечтать революционер: «Искра» создала костяк партийной организации. Именно благодаря «Искре» стал возможен созыв II партийного съезда в апреле 1903 года, проложившего курс к победе социалистической революции.

22 апреля (5 мая) 1914 года революционный пролетариат России впервые праздновал День рабочей печати. В тот день исполнилось два года со дня выхода первого номера газеты «Правда» (она называлась тогда «Путь правды»). С тех пор этот праздник — традиция советской журналистики.

К празднику журналисты-ленинцы, редакции большевистских изданий во всех уголках России готовились заранее. Было и такое предложение: выпустить к первому Дню печати брошюру, посвященную рабочей журналистике, а выручкой от ее продажи пополнить фонд рабочей печати.

И вот наступил праздник. На следующий день — 23 апреля (6 мая) — «Путь правды» писал о нем: «Везде чувствуется большой подъем. С пачками газет и журналов расходятся товарищи. На улице теплынь... Празднично. Солнечно... Вот газетчик разложил на ступеньках магазина брошюру «История рабочей печати в России», а в руках у него «Путь правды»... Двое рабочих прицениваются к «Истории рабочей печати». «Вот беда-то, не хватает немного», — говорит один, но другой тотчас снабжает его деньгами: «После отдашь, а этого уже больше не купишь, все продадут...»

Главным содержанием брошюры была опубликованная без подписи, ныне широко известная ленинская статья «Из прошлого рабочей печати в России». В. Ленин выступает здесь и как публицист, и как глубокий исследователь журналистики. Судьбы передовой журналистики, говорит он, неразрывно связаны с этапами революционного движения в стране. Предвестниками революции, «штурманами будущей бури» называет он

А. Радищева, А. Герцена, В. Белинского, Н. Чернышевского.

Глубоко и органично Ленин-публицист продолжает традиции публицистов-предшественников, огромна забота его о творческом освоении их опыта.

...В архивах краковской полиции сохранился замечательный документ, найденный исследователями, — протокол от 5 июля 1912 года: «в целях выяснения личности и происхождения Владимира Ильича Ульянова». Как сказано в протоколе, опрашиваемый показал: «Зовут меня Владимир Ульянов... по профессии литератор и журналист... Состою корреспондентом русской демократической газеты «Правда», издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием «Социал-демократ», что и является источником моего существования». Такова профессиональная самохарактеристика Ильича. С удивительной последовательностью она проходит через годы, через десятилетия...

Год 1917-й. Вечером 3 апреля В. Ленин прибывает в Петроград и сразу же приступает к обязанностям редактора центрального органа партии большевиков. С тех пор адрес «Правды» — Петроград, Мойка, 32,— В. Ленин называет одним из своих основных адресов. Редакция «Правды» — штаб подготовки передачи всей власти в стране Советам. Редкий номер газеты выходит без направляющих ленинских статей.

Контрреволюция начала наступление с разгрома ленинской редакции 5 июля 1917 года. Был уничтожен тираж, искорежены типографские станки, реквизирована бумага... Враги рассчитывали надолго заглушить голос революционных масс. И крупно просчитались.

Газета вышла на следующий день — 6 июля. Это был «Листок «Правды», а в нем шесть публикаций принадлежали перу Ильича. Распространяя «Листок», пал жертвой разъяренных юнкеров один из лучших рабкоров «Правды» И. Воинов. В еще не созданном пантеоне памяти героев-журналистов это имя достойно занимать одно из первых мест.

Тогда же Временное правительство отдало приказ об аресте Ильича.

По решению Центрального Комитета В. Ленин уходит в подполье. В Разливе он ни на день не выпускает из рук пера. Более шестидесяти пяти статей и писем написано за сто девять дней последнего подполья.

24 октября 1917 года. Раннее утро — половина шестого. У типографии ленинской «Правды» вновь машина, битком набитая юнкерами. Офицер, войдя в помещение, командует: «Согласно распоряжению Временного правительства типография закрывается. Издание газеты запрещено. Остановить станки...»

Группа юнкеров начала разбивать стереотипы — отливы печатных форм. Другие — грузить на машину пачки газет готового тиража. Рабочих вышвырнули из помещения, на дверь навесили сургучные печати и выставили охрану.

Спустя несколько минут о погроме стало известно в штабе большевиков в Смольном. Охрана юнкеров действовала недолго. Вскоре к месту происшествия прибыл отряд красногвардейцев.

Типография вновь заработала полным ходом, наверстывая упущенное. Все новые и новые пачки газет отправлялись из типографии на фабрики и заводы, в воинские части. Передовая статья этого номера заканчивалась призывом: «Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян».

Менее чем через сутки этот призыв осуществился. Грянул залп легендарной «Авроры».

А на следующий день — 25 октября — «Правда» вышла с лозунгом во всю ширину листа: «Да здравствует Революционное Правительство Советов!»

В. Ленин возглавил первое в истории рабоче-крестьянское правительство. Его неотложной заботой стала и перестройка всей системы журналистики по новым, революционным принципам. Сразу же после победы Октябрьской революции В. Ленин подписывает важнейшие постановления: «Декрет о печати», «О революционном трибунале печати», «Декрет о введении государственной монополии на объявления» и другие.

Многогранность журналистской работы В. Ленина в разгаре революционного переустройства мира перекликается с журналистским подвижничеством Марата в годы Великой французской революции. Эту перекличку подметил соратник В. Ленина по множеству периодических изданий, публицист и государственный деятель А. Луначарский. Правда, в отличие от Марата вождь социалистической революции не становился типографом и разносчиком своих публикаций. Но В. Ленин в одном

лице совмещал целый «спектр» журналистских специализаций. Он был ведущим организатором многочисленных новых изданий. Тотчас после революции по инициативе В. Ленина создается центральная газета «Беднота» для самых широких масс беднейшего крестьянства. В. Ленин — вдохновитель газеты «Экономическая жизнь». В подробном письме он разрабатывает программные установки этого ответственного центрального издания. Под руководством В. Ленина создаются: газета «Жизнь национальностей», журналы «Красноармеец» и «Коммунистка», позже философский журнал «Под знаменем марксизма», общественно-политический и литературно-художественный «толстый» ежемесячник «Красная новь».

И параллельно — регулярные выступления на страницах центрального органа партии «Правды» по самым злободневным вопросам, которые переживала страна.

И параллельно — фундаментальная разработка теоретических вопросов: что есть новая, еще невиданная миру журналистика победившего пролетариата? Беспримерное для своего времени журналистское подвижничество Марата продолжилось в героическом труде революционных журналистов новой эпохи.

— Обоснованно ли к титулу журналистской профессии добавлять эпитет «древнейшая»?

— Судите сами: первые издания современного типа появились в начале XVII века — не так давно. Но в глубь веков уходит предыстория журналистики — обмен социальной информацией. Он столь же древен, как само человечество.

Два ворона сидят на плечах у Одина, верховного божества, и шепчут на ухо обо всем, что видят или слышат. Хугин (Думающий) и Мугин (Помнящий) — так их прозывают. Он шлет их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От них-то и узнает Один все, что творится на свете.

Таков прообраз вездесущих, любознательных вестовщиков, над которыми в просвещенном XVIII веке иронизировал философ Ш. Монтескье: «В этом письме я поговорю с тобой о некоем племени, которое называют вестовщиками: они собираются в прекрасном саду, где им всегда найдется чем занять свою праздность. Они совершенно бесполезны государству, и от того, что они

наговорят в течение пятидесяти лет, получается не больше толку, чем вышло бы, если бы они столько же времени молчали. Однако вестовщики приписывают себе огромное значение, так как они беседуют о великолепных проектах и толкуют о важных вещах.

Разговоры их основаны на вздорном и пустом любопытстве: нет такого тайного кабинета, в который они не притязали бы проникнуть; они ни за что не признаются, что чего-либо не знают; им известно, сколько жен у нашего августейшего султана, сколько он ежегодно

производит на свет детей, и, нисколько не тратясь на соглядатаев, они тем не менее осведомлены о мерах, которые он принимает, чтобы унизить турецкого императора и повелителя моголов».

Бессмысленная болтовня, праздное любопытство, назойливая настырность — так спустя полтора века после зарождения журналистики воспринимал дальновидный философ ее «творческие резервы».

В отличие от Ш. Монтескье древние мифы не иронизировали над «службой известий». Напротив, всеведение, всезнание, полная информированность считались во

всех мифологических, а впоследствии религиозных версиях неотъемлемой чертой божественного всемогущества. Бог Саваоф в «Божественной комедии» И. Штока, которая идет в театре кукол С. Образцова, только тем и занимается, что запрашивает новости то у архангела, то у сатаны. Поистине неосмотрительно доверять единственному источнику — мудрость в том, чтобы их сопоставлять, а затем принимать «божественные» решения.

Покровителем «службы новостей» в греко-римской мифологии считался Меркурий-Гермес. Он сам занимал в штатном расписании Олимпа должность вестника, не расставаясь с крылатыми сандалиями. Вот, оказывается, откуда тянутся истоки журналистской профессии.

Еще одна версия происхождения журналистики принадлежит острослову К. Чапеку: «Я всерьез полагаю, что газеты так же стары, как человечество. Геродот был журналистом, Шахразада — не что иное, как восточный вариант вечернего выпуска газет. Первобытные люди, наверное, отмечали памятные события сооружением мегалитических построек — это было монументальное, но трудоемкое письмо. Египтяне высекали свои газеты на обелисках и стенах храмов. Представьте себе, что было бы, если бы каждое утро с Вацлавской площади развозили шестьдесят тысяч обелисков и каждый из них тянули шестьдесят волов!»

А если серьезно...

Свод найденных в новое время латинских надписей на стенах, надгробиях, памятниках насчитывает несколько десятков тысяч. Только со стен Помпеи списано около полутора тысяч. Нередко это похвалы тому или иному кандидату на выборную должность. Вроде такой: «Прошу, чтобы вы сделали эдилом Модеста». А рядом иное: «20 пар гладиаторов Децима Лукреция Сатрия Валента, бессменного фламина Нерона Цезаря, сына Августа, и 10 пар гладиаторов Децима Лукреция, сына Валента, будут сражаться в Помпеях за 6, 5, 4, 3 дня и накануне апрельских ид (8, 9, 10, 11, 12 апреля. — *В. У.*), а также будет представлена охота по всем правилам и будет натянут навес. Написал Эмилий Целер один при лунном свете». Это дословная копия надписи времен Нерона, I век н. э.

Какое отношение имеют подобные памятники к жур-

налистике? По ним мы можем проследить, как формируется общественная потребность в гласности. Как эта потребность выражается и закрепляется в письменных текстах. Устное слово мобильно, эмоционально, но очень недолговечно. Конечно, гонец, глашатай мог повторить известие несколько раз, мог выразить его символически, но мог и что-то забыть, что-то напутать.

В трудах древнеримских историков множество упоминаний о своеобразных бюллетенях, распространявшихся в Риме под заголовком «acta». Биограф Ю. Цезаря Светоний рассказывает: «Получив консульство, Цезарь первым из всех постановил, чтобы составлялись и публиковались как сенатские, так и народные ежедневные ведомости — «acta». Историк Тацит в своих трудах нередко ссылается на известия, заимствованные из этих ведомостей. Они упоминаются в произведениях другого историка древности — Плиния.

На основе этих ссылок можно восстановить существование двух типов публикуемых известий. Во-первых, это acta senatus, сокращенные протоколы заседаний сената — верховного правительственного органа Римской рабовладельческой республики. Помимо acta senatus, упоминаются acta diurna populi romani, что можно перевести как «повседневные известия для римских граждан». Периодичность появления «актов» была нерегулярной. Известный римский философ Сенека оставил нам такое свидетельство о содержании новостей. В своем моралистическом трактате «О благодеяниях» он писал: «Краснеет ли хоть одна женщина от развода с тех пор, как самые знатные и самые благородные матроны считают года не по консулам, а по числу мужей? Теперь, когда ни одни «акты» не обходятся без известия о разводе, они научились делать то, о чем часто слышали».

Итак, уже древние римляне имели способ передачи известий, напоминающий газеты, однако это пока еще далекие подступы к регулярной, массовой журналистике.

Истинная периодическая печать рождалась в гуле и грохоте массовых народных движений, в полыхании пожарищ Крестьянской войны XVI века. Мир дряхлеющего феодализма раздирали религиозные распри. Но в основе кровавых столкновений по поводу религиозных догматов лежали вполне земные причины. Движение

за реформацию религии — прорыв духовной диктатуры церкви — так оценил эти процессы Ф. Энгельс. А что это значит для журналистики? Главное: была разбужена политическая активность широких народных масс.

Для десятков тысяч потомственных земледельцев мир перестал был замкнутым в узкое кольцо селения. Годы Реформации, первые десятилетия XVI века, круто меняли привычный уклад жизни многих людей.

Лавина грозовых событий, надежд, разочарований запечатлевается в народных «песнях-хрониках», рассказах, листовках, которые перепечатываются в огромном числе экземпляров. «Летучие листки» становятся оперативной хроникой времени, издаются в Базеле, Цюрихе, Страсбурге, Майнце, Бомберге, Эрфурте, Бреслау, Лейпциге, Вюртенберге, Дрездене, Аугсбурге, Нюрнберге. Они читаются вслух неграмотным, раздаются бесплатно и кипами продаются на рынках. В 1521 году известный деятель католической церкви Кохлеус писал из Франкфурта в Рим папе Александру, что во время осенней ярмарки книжный рынок был наводнен антипапистскими листовками.

В научной литературе это явление именуется «журналистикой Реформации». Все предпосылки современной службы новостей здесь уже налицо: актуальность, массовость, тиражность. Недостает лишь качества периодичности. Но о нем разговор особый.

— Мы привыкли, что газеты выходят каждый день, а журналы значительно реже. Да и вообще газета и журнал заметно отличаются друг от друга. Но ведь разница не всегда была такой существенной?

— Вы правы. Кстати, и сейчас есть как бы промежуточные издания типа «Недели». Мало кто знает, например, что еженедельник «За рубежом» — это газета. Зато еженедельный «Огонек» безусловно журнал, и это известно каждому.

Истинный родоначальник периодичности — ежегодник. Затем возникают «Relation semestrales», что означает «Сообщения за полгода». Позднее период изданий сокращается до двух недель, затем они становятся еженедельными. Вот один из заголовков лейпцигского полугодового сборника «Ярмарочные известия» — «Седьмое продолжение десятилетних исторических известий Грегориума Винтермоната, или Правдивое описание всех достоверных историй, которые произошли со времени

прошлой новогодней лейпцигской ярмарки до нынешней пасхальной ярмарки 1671 года везде и всюду на свете».

Эти первые периодические издания кажутся нам удивительно неповоротливыми. Но журналистика ли тут виной? Она «поворачивалась» никак не быстрее, чем это позволяли средства связи: почтовая упряжка, скакун, несущий в седле гонца, караван верблюдов, доставляющий товары и известия через пустыню. И все же в заголовках первых, преодолевших время изданий, постепенно сократившик сроки выхода до двух недель, а

затем недели, а затем и одного дня, постоянно встречаются слова «Курьер», «Куранты», «Меркурий». Это подчеркивало срочность переданных новостей, происходило от латинского корня curır — «бегать». Слово «Курьер» в заголовке унаследовали сотни современных изданий во всем мире.

Происхождение слова «газета» принято вести от наименования серебряной венецианской монеты чеканки 1538 года. За такую цену жители Венецианской республики могли приобрести листок непериодических новостей, которыми специальные информационные бюро снабжали потребителей. Минуло сто лет — в 1631 го-

ду в Париже начало выходить еженедельное периодическое издание под руководством медика Т. Ренодо. На его титульном листе значилось «gazette» — это слово с течением времени превратилось из существительного собственного в нарицательное — наименование типа периодических изданий. Правда, во многих западных странах газеты в наше время чаще именуются словом journal, что значит «ежедневник» или «дневник».

Издание Т. Ренодо не первая еженедельная газета в Европе. Родоначальники еженедельной газетной периодичности, а тем самым и современной журналистики в целом — «Аугсбургская газета» и «Страсбургская газета», обе они начали выходить в крупных типографских городах в 1609 году.

А родоначальник типа изданий, отличного от газет, — собственно журналов — увидел свет в Париже 5 января 1665 года. Его предпринял советник парламента Дени де Салло, человек разносторонних интересов и деловой хватки. Новорожденному дали солидное имя, его окрестили «Журнал ученых» («Journal des Sçavans»). Обращение к читателям провозглашало цели нового предприятия: сообщения об открытиях и изобретениях, описания научных опытов, аннотации новых книг.

Первая европейская промышленно-научная революция давала о себе знать пробуждением широкого интереса к делам ученых. Приближалась эпоха Просвещения, и новый тип издания стал ее ранним предвестником.

В одном из первых номеров «Журнала ученых» подробно обсуждается природа кометы, замеченной 1 января 1665 года и вызвавшей бесчисленные толки на страницах журнала.

Первоклассные ученые XVII века Р. Декарт, П. Роберваль, А. Озу излагают свои концепции происхождения комет. Однако наряду с серьезными публикациями в журнале помещается сообщение с острова Мартиника о появлении «водяного человека с рыбьим хвостом» или известие о том, что в Польше родился ребенок с золотым зубом. Что ж, «необычайные» факты издавна работали на тираж.

Варианты периодических изданий — журнал и газета — в чем их общность, в чем различие? Над этим размышляли Н. Полевой и В. Белинский, К. Маркс и

В. Ленин. На размышления наталкивала практическая необходимость: по-разному формируются публикации для газеты и для журнала, различное вбирают они содержание, требуют разного стиля. Один из первых профессиональных русских журналистов, Н. Полевой, так понимал эту разницу: «Конечно, сии границы неопределенны и почти всегда нарушаются владетелями, но вообще главное различие между газетою и таким изданием, которого не нужно раздавать в листах, состоит в скорости, обширности и основательности известий. Девиз газеты есть новость, девиз журнала — основательность известий».

Основательность, то есть глубина анализа явления, широта и весомость обобщений, — качество журнальных публикаций. Для газеты же очень многое решает оперативность известий. «Явление, возбудившее внимание публики два, три месяца тому назад и даже более, имеет еще полное право на то, чтобы быть рассмотренным на страницах журнала, — говорил В. Белинский, — но газета, которая не заметит этого явления в течение одной или двух недель, изменила уже своему назначению и заслуживает упрек от читателей».

Эти различия особенно четко проявились в период становления русской журналистики. Первое журнальное издание в России выходит в 1728 году, через четверть века после рождения первой газеты «Ведомости». Журнал — детище российской Академии наук, именуется «Месячные, исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях». Он создан (и это особенно примечательно!) для расшифровки, объяснения, детализации тех сведений, которые сжато передавала окрепшая за двадцать пять лет газета «Санкт-Петербургские ведомости». Вот тетрадка «Примечаний» за февраль 1728 года. В начале публикации ссылка: «Зри нумер 7». Данный текст относится к сообщению, которое газета «Санкт-Петербургские ведомости» публиковала в седьмом номере.

Кратко упоминается суть события — замечена комета, которая хорошо наблюдалась в одной из провинций Италии. Газета лаконична: «12 дня сего месяца комета на небе явилась, после которой 16 дня жестокое трясение земли было. А 17 дня явилась таки чрезвычайная звезда во образе креста, после которой еще другие разные небесные знаки видимы были».

Эта перепечатка зарубежного известия в его «первозданном» виде основательно преобразуется, осмысливается на страницах журнала «Примечания»... После отсылки к номеру газеты журнал пишет: «При сем случае намерены мы о кометах и протчих небесных знаках нечто упомянуть, дабы чрез то благочестивого читателя, которому бы таковые необычные видения соблазнию быть могли, из сомнения вывести». Дальше идет речь о естественной природе комет, о безосновательности связанных с ними суеверий. Смысл сообщения заметно изменяется в журнальном варианте — это не просто извещение о примечательном случае, а стремление рассмотреть его причины и следствия, расширить научный кругозор читателя, достичь основательности публикуемых сведений, как то определил Н. Полевой.

На отличия типов периодики указывали впоследствии К. Маркс и Ф. Энгельс: «...у журнала то преимущество, что он позволяет рассматривать события в более широком плане и останавливаться только на наиболее важном». А В. Ленин, в свою очередь, добавлял: «...журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации».

Раннюю пору становления типов периодических изданий исследователи именуют эрой «персонального журнализма». Это очень давние — не по календарным срокам, а по формам организации производства — патриархальные времена профессии. Один человек нередко становится одновременно издателем-типографом, редактором и автором журнала или газеты. В подобной роли выступал, например, знаменитый английский писатель Д. Дефо. На свой страх и риск на протяжении девяти лет печатал он в собственной типографии периодическое издание «Revue». В одном лице: издатель, редактор и автор — такие времена переживала журналистика любой страны. В России это время «Трудолюбивой пчелы» П. Сумарокова (1759 год), журналов «Трутень», «Живописец», «Кошелек» Н. Новикова (1769—1774 годы).

В Америке известным «персональным» журналистом был Дж. Франклин — старший брат знаменитого ученого и общественного деятеля Б. Франклина. Да и сам ученый начинал «взрослую» жизнь помощником типографа.

Во Франции эпоха «персонального журнализма» достигла апогея в период великой буржуазной революции конца XVIII века.

Патриархальные времена профессии. М. Твен изобразил их так: «У нас была сотня подписчиков в городе и три с половиной в окрестностях; городские расплачивались крупой и макаронами, сельские — капустой и вязанками дров, да и то не часто; и всякий раз мы с большой помпой отмечали это событие в газете — стоило нам забыть об этом, и мы теряли подписчика».

Действительно, подписчики были наперечет даже в крупных столичных изданиях начала прошлого века. И хозяева их не жалели бумаги для таких приложений: «Доводим до сведения, что на журнал имярек внесли подписную плату милостивые государи такие-то...» Далее следовал список — не по алфавиту, а по рангу с перечислением всех титулов уважаемых подписчиков. Не так уж сильно это отличается от сообщений о вязанках дров, вымышленных М. Твеном.

Борьба за подписчика требовала технического усовершенствования. «Больше информации в кратчайшие сроки» — как только основная часть издательских когорт встала под это знамя, «персональному журнализму» пришел конец.

— Первое время, как я понял, владельцы типографий делались журналистами вроде бы «по совместительству».

— Не все и не всегда. И. Гутенберг, например, журналистом не стал, так же как и московский первопечатник Иван Федоров. Но любые усовершенствования типографского производства тотчас влияли на журналистику. Впрочем, как и сейчас.

Изобретение книгопечатания, технического тиражирования информации К. Маркс и Ф. Энгельс называли в числе величайших открытий разума. Время изобретения — середина XV века — порог новой информационной эры в истории человечества.

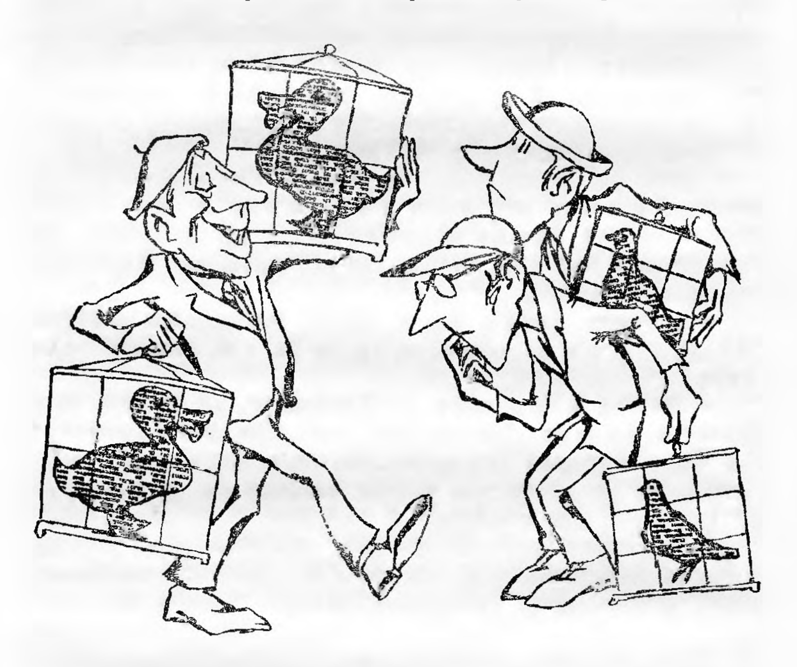
«Порог» осваивался медленно. Более четырех лет понадобилось первопечатнику И. Гутенбергу, чтобы выпустить в свет два тома библии тиражом около двухсот экземпляров. Над ней работали шесть мастеров на трех типографских станках в течение 1452—1455 годов.

Параллельно первая типография издавала «мелкую» печатную продукцию: листовки, календари, бланки индульгенций. Но общая производительность труда печатни не превышала одной страницы набора на работника в день. Одна страница — это 42 строки, отпечатанные в

две колонки изящным шрифтом, подражающим рукописным латинским литерам.

Одна страница в день. Уже и при этих темпах предприимчивый типограф мог обеспечить издание еженедельной четырех-шестиполосной газеты тиражом в несколько сотен экземпляров. Но о газетах в ту пору еще не помышляли.

Сто оттисков еженедельных новостей. Кому они могут понадобиться в небольшом средневековом городке Майнце, где свершилось открытие Гутенберга? Горожа-

не передавали новости из уст в уста быстрее печатников. А новости из дальних мест? Их можно было узнать, послушав богоугодный рассказ паломника, посетившего святые места, проповедь священника, где находилось место и для последних известий.

Преодоление информацией барьеров времени и пространства проходило долго, стоило большого труда. В эпоху средневековья время протекало медленно, гораздо медленнее, чем сейчас. История в ту пору, замечал В. Ленин, «могла ползти... с ужасающей медленностью».

Почему? Потому, что весь производственный и бытовой уклад покоился на неторопливых ритмах. Для земледельца главная система отсчета — смена времен года от сева до уборки. Люди не пользовались часами — для ориентации вполне доставало движения солнца.

А скорости? Высшей вообразимой скоростью был кавалерийский аллюр. И в результате: весть о смерти Фридриха Барбароссы в Малой Азии достигла Германии через четыре месяца. Англичане узнали, что их король Ричард Львиное Сердце попал в плен, лишь через четыре недели. Обычный путь из Рима в Кентербери, например, длился около семи недель.

Так обстояло дело со сверхсрочными известиями. Для «текущего» информирования хватало паломников, священников и междугородных ярмарок. Дважды в году во Франкфурте-на-Майне и трижды в году в Лейпциге происходили крупнейшие в Европе ярмарки. Их посетители живо интересовались всем, что делалось в мире, ибо от этого зависели цены на товары. Это был особый разряд потребителей информации, так как тяга к новостям у них была вовсе не бескорыстна.

Почтовая связь диктовала свой ритм множеству других нововведений в службе информации. Почта нередко определяла работоспособность государственного организма. Историк С. Соловьев называет создателем русской почты Ивана III. Это XV век. В XVII веке при царе Алексее Романове регулярный обмен официальными «грамотами» и частной корреспонденцией — «грамотками» — входит специальным пунктом в дипломатический договор с Польшей. 1665 год — учреждение регулярной почты для обмена новостями в основном с западными, «заморскими», как тогда называли их, странами по трассе Москва — Рига. Спустя два года учреждается почтовая связь от Москвы через Смоленск до литовской границы. Еще через четыре года царский указ предписывает воеводам и приказным людям посылать деловые письма не со специальными гонцами, а в основном по почте. По этим каналам в Россию начали поступать и первые иностранные газеты. Вскоре собственный рукописный свод зарубежных известий под заголовком «Куранты» — прообраз российской газеты — не замедлил появиться по приказу царя-самодержца.

При Петре I уже существовали строгие сроки доставки писем: из Москвы в Воронеж за 48—53 часа, в Тулу

на второй день, в Новгород на четвертый. И одновременно налаживается работа прессы. Газета «Ведомости» с 1703 года издается в типографии и продается немалому числу читателей.

Когда почтмейстер Бостона Дж. Кэмпбелл основал в 1704 году первую на Американском континенте еженедельную газету, он безо всяких колебаний снабжал читателей «Последними известиями» двухмесячной давности. А что было делать? Для бостонских колонистов главный интерес представляли новости из Лондона — заокеанской столицы их метрополии. Корабли везли эти новости через океан полтора-два месяца. Чтобы добыть «оперативные» известия у прибывших в порт капитанов, Кэмпбеллу тоже приходилось поворачиваться побыстрее. Читатели острили, что история из современной превращалась в древнюю, покуда просачивалась сквозь типографский пресс.

Журналистская оперативность. Сколько не то чтобы перьев и копий, сколько ног, рук и голов сломано во имя ее торжества. Скорее, скорее... Новость, о которой прежде узнали и сообщили конкуренты из другой газеты, уже не новость, а товар с душком. Новость нельзя «употребить» два раза с одинаковым эффектом.

Доставка убыстрялась, тиражи росли. Но вплоть до XIX века техническое оснащение производства и распространения газет и журналов ненамного опережало темпы И. Гутенберга.

Нарастающая лавина изменений в технике печати и технике связи обрушилась на человечество в начале минувшего века и поныне ошеломляюще грохочет вокруг.

28 ноября 1814 года вышел номер английской «Таймс» с широковещательным заявлением: отныне газета будет печататься без помощи человеческих рук — 1000 листов в час изготовит машина. Заметный сдвиг по сравнению с первопечатней в Майнце: тысяча листов в час эффектно отличается от одного листа в день. Правда, в рекламе «Таймс» ничего не сказано о темпах подготовки набора к печати. Наборную машину, прообраз современного линотипа, изобрели лишь через 40 лет — в 1854 году.

«Линотип — хитроумная машина, — с восхищением восклицал К. Чапек, — на нем печатают, как на пишущей машинке, и латунные матрички букв группируются

в нужной последовательности до тех пор, пока не наберется полная строчка. Тогда в них заливается горячий свинец, и получается литая строчка набора».

Однако подлинный переворот в технике передачи информации совершил телеграф. Проба межконтинентального телеграфного кабеля произошла в 1858 году. Послание английской королевы Виктории, направленное за океан, в тот же день, почти в тот же миг достигло резиденции президента США.

На следующий день газеты вышли с огромными заголовками: «Кабель работает безукоризненно», «Восторг населения не знает границ», «Небывалая сенсация всколыхнула весь город», «Настал час всеобщего ликования».

До окончательной победы над пространством и временем в тот миг было еще далеко. Но писатель С. Цвейг законно включил эпизоды прокладки межконтинентального кабеля в цикл рассказов «Звездные часы человечества». Вдохновенно прославляет он это событие: «В течение тысяч, а может быть, и сотен тысяч лет, прошедших со времени появления на земле удивительного существа, именуемого человеком, мерилом скорости была скорость бегущей лошади, катящегося колеса, корабля, идущего на веслах или под парусами. Все вместе взятые технические открытия, сделанные за весь тот короткий, освещенный сознанием промежуток времени, который мы называем мировой историей, не привели к сколько-нибудь значительному ускорению ритма движения. Армии Валленштейна продвигались вперед едва ли быстрее, чем легионы Цезаря; войска Наполеона не наступали стремительнее, чем орды Чингисхана; корветы Нельсона пересекали моря лишь немногим быстрее, чем пиратские ладьи викингов или галеры финикийцев. Лорд Байрон в путешествиях Чайлд-Гарольда преодолевал ежедневно не больше миль, чем Овидий на пути в понтийскую ссылку; Гёте в восемнадцатом столетии путешествовал почти с таким же комфортом и такой же скоростью, как апостол Павел в начале первого тысячелетия. В эпоху Наполеона время и пространство разделяли страны так же, как и горы Римской империи; упорство материи все еще брало верх над человеческой волей.

И только девятнадцатый век коренным образом меняет ритм и мерило скорости на земле».

Изобретение телеграфной связи преобразило облик мировой журналистики. Отныне узнать о событии, свершившемся на противоположном краю земли, редакция могла в считанные минуты. Конечно, если имела дорогостоящую технику и разветвленный штат информаторов.

С. Цвейг несколько преувеличивал, говоря, что никогда человечество не располагало связью более быстрой, чем конский галоп. Прообразом будущей почти мгновенной связи были факелы на сигнальных вышках, набатный колокол, голубиная почта.

Птица, символизирующая мир, она нередко была вестником тревожных сведений, которые переносила со скоростью восьмидесяти километров в час. В боевом уставе римской армии I века до н. э. содержалось предписание каждому легиону иметь своих почтовых голубей.

Во время французской революции 1848 года почтовые голуби позволили бельгийским журналистам публиковать новости из Парижа почти одновременно с парижскими коллегами.

Банкирскому дому Ротшильдов голуби оказали неоценимую услугу. Во время наполеоновских войн агенты Н. Ротшильда из Парижа посылали хозяину в Лондон известия о положении на фронтах голубиной почтой. Благодаря быстроте информации банкир загребал на бирже миллионы. Известия превращались в деньги.

Многие редакции имели свои голубятни. В Японии почтовые голуби служили журналистике еще в начале нашего века. Посетившие Японию в 1927 году советские журналисты с интересом осматривали голубятни на крышах редакций. Отправляясь в командировки, корреспонденты захватывали несколько тренированных птиц. Срочные новости достигали редакции в считанные часы, но портативность оснащения, а потому и подвижность самих газетчиков оставляла желать лучшего.

XIX век — век рождения особых предприятий по сбору и пересылке информации. Это телеграфные агентства. Их единственная забота — снабжать газеты последними известиями. Единственная, но чрезвычайно хлопотливая.

В 1825 году возникает французское агентство Гавас, в 1848-м — первое североамериканское агентство Ассошиэйтед Пресс, в 1849-м — английское агентство Рейтер.

В России первое агентство — РТА (Российское телеграфное агентство) создано в 1894 году.

XIX век подходил к концу. Казалось, ему уже нечего добавить к преобразованиям в технике информационной связи. Они и так превзошли самые смелые ожидания. Но в 1895 году произошли два события, положившие начало новым типам журналистики. 25 апреля (7 мая по новому стилю) А. Попов на заседании Русского физико-химического общества доложил о своем изобретении грозоотметчика — прообраза радиоприемника.

Спустя полгода, 28 декабря, братья Люмьер в Париже, в «Гранд кафе» на бульваре Капуцинов провели показ «Живой фотографии» — провозвестницы документального кино и тележурналистики.

— Возникает столько разветвлений в журналистике, что начинаешь недоумевать: одна ли это профессия? Репортер газеты, литсотрудник журнала, радиокомментатор, сценарист документальных телепередач... И все — журналисты?

— Именно так. Словно мифическое божество, журналистика «едина, но во многих лицах». И новые специализации рождаются буквально на глазах.

Поступающие на факультет журналистики стоят перед списком отделений: газетного, радиоотделения, телевизионного, редакционно-издательского. Какое выбрать? Где есть надежды увереннее и быстрее найти себя?

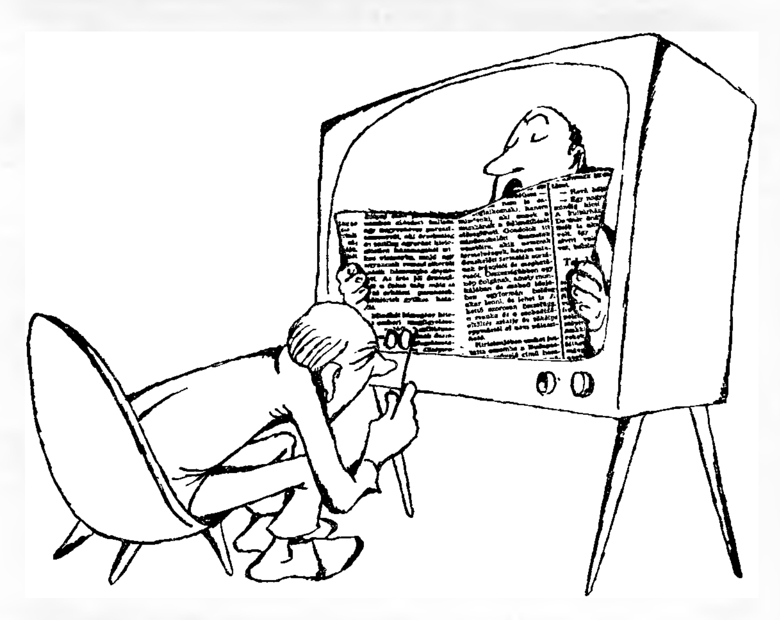
Никто, кроме абитуриента, на этот вопрос, конечно, не ответит. Можно просто вспомнить о том, что радиожурналистика сделала свои первые шаги совсем недавно. В нашей стране первая радиогазета вышла в 1924 году. У массово-политической печати появился могущественный соперник. А спустя десять лет «семейство» средств информации отмечало еще одно прибавление: в ноябре 1934 года начались регулярные телепередачи. Через четыре года завершилось строительство первых телецентров — Московского и Ленинградского. Но в массовом масштабе телевизионная журналистика победно прокатилась по миру лишь в пятидесятые годы — четверть века назад.

Соперничество и содружество.

Не обошлось без соперничества между новыми и старыми средствами информации, не обошлось без мрачных пророчеств о вытеснении новыми формами привычных, устаревших газетных полос.

Годом перелома в борьбе между прессой и радио считается 1956-й, когда (конечно, по приблизительным подсчетам) число радиоприемников в мире превысило общий тираж ежедневных газет (257 миллионов против 255).

А ныне с научной точностью установлено: если человек стоит перед выбором, слушать ему радио или смотреть телевизор, в абсолютном большинстве случаев он предпочитает телевизор. И это опять кое-кого наводит на мрачные мысли. «Я предвижу время, — заявил рек-

тор Чикагского университета, — когда благодаря телевидению люди не будут уметь ни читать, ни писать и будут вести животную жизнь». Для столь мрачных прогнозов есть основания. Но они в существе передач, а не в коварном свойстве этого средства связи.

Телевидение на Западе любят критиковать профессора и превозносить до небес политики. Многолетний премьер-министр Англии У. Черчилль настолько ценил телевидение, что заблаговременно попросил телекомпанию Би-би-си разработать сценарий трансляции собственных похорон. Пожелания престарелого экс-премье-

ра учли до тонкостей. Специалисты считают, что репортаж похорон прошел с предельным эффектом.

Телевидение завоевало массовые симпатии, заставив радиожурналистов немного потесниться. Юное и напористое, новое средство связи быстро привлекло к себе специалистов из других отраслей журналистики.

Радио требует предельной информационной емкости, сжатости, оперативности. Это мир звучащего слова во всем богатстве его тембров, тональностей, звуковых оттенков. «Радиогеничность» голоса и музыкальность слуха обязательны для мастера радиожурналистики. Разумеется, не всегда радиорепортер читает перед микрофоном сам свои произведения, существуют дикторы и звукооператоры. Но он должен представлять, как прозвучит его материал. Нередко случаются и прямые радиорепортажи: с выставки или при пуске домны, при записи беседы с интересным человеком, где должны прозвучать в эфире вопросы, заданные журналистом.

Знать и любить особенности звукового общения — речевого и музыкального — ясно, что без этого не стоит связывать судьбу с радиожурналистикой. Ясно, что надо знать о таком, к примеру, опыте режиссера К. Станиславского. Он поставил перед актерами задачу: произнести фразу «сегодня вечером» с сорока различными интонациями. Не все — даже в среде артистов — с этой задачей справились. Однако все убедились: два слова не просто звучали по-разному, они передавали различные оттенки смысла.

Как тут не вспомнить точную иронию английского драматурга Б. Шоу: «Есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ написать это».

Вот они, живые преимущества радиообщения перед газетно-журнальной страницей. Конечно, в телепередаче также звучит живая речь, но нередко изображение — первооснова экранной журналистики — оттесняет ее с переднего плана восприятия.

Радиокомментатор Ю. Летунов, автор интереснейшей книги «Время. Люди. Микрофон», увлекательно рассказывает о специфике радиожурналистских троп. Их особая сложность в предельной краткости изложения. За две минуты эфирного времени в «Последних известиях», например, надо успеть изложить суть важного события. Две минуты — это страница машинописного

текста, то, что на газетной полосе займет малоприметная заметка в сорок строк. Применительно к радио, пишет Ю. Летунов, «это подвал в газете, четыре минуты — газетная полоса. Оперативная работа с информацией вырабатывает определенный внутренний ритм. Каким-то непонятным чувством ты физически ощущаешь длинноту материала, а когда ведешь эфирный репортаж (прямую передачу с места события. — *В. У.*), то секунды кажутся минутами, а минуты томительными часами».

Время, время... На радио и телевидении журналист обязан начинать свои сообщения словом «сегодня»; газетчик еще сохраняет за собой возможность писать в оперативных публикациях наречие «вчера».

Исследователь журналистики Э. Багиров точно определил вопрос о сочетании различных видов периодических сообщений.

«Радио, обгоняя в течение дня все другие средства оперативными лаконичными выпусками новостей, сообщает, ЧТО происходит в мире в данный момент.

Вечером власть переходит к телевидению, и оно в наглядных картинах демонстрирует, КАК это происходило.

На следующее утро газеты дают обстоятельный анализ того, ПОЧЕМУ это произошло».

Эти отличия вызывают и другие особенности типов журналистского труда. Что требует от «своих» журналистов телевидение? Естественно, фотогеничности того, кто часто появляется в кадре. Нет, не красоты Аполлона Бельведерского, но лица выразительного, умного, живого, мимики управляемой, жестов сдержанных и достойных. Совсем нелегкое дело естественно держаться в кадре, «под прицелом» ведущего «в никуда» холодного объектива телекамеры, в окружении величественной аппаратуры. Может случиться — тому немало примеров, — облик говорящего настолько противоречит его словам, что теряется смысл передачи.

Как-то телестудия в период эпидемии гриппа организовала цикл пропагандистских передач о профилактике болезни. В одной из них выступили две женщины — врачи, как видно, прямо после работы попавшие в студию. Обе усталые, озабоченные, скованные, говорили они о мерах профилактики гриппа столь утомленно и бесстрастно, что создавалось впечатление полной бесперспективности борьбы с болезнью. На следующий ве-

чер выступал пожилой врач — остроумно, вдумчиво, уверенно. По смыслу он говорил о том же, но ведь даже два слова можно произнести со множеством вариантов. Что говорить о передаче, где, кроме интонации, «работают» и выражение глаз, и жесты, и улыбка!

Вторая передача достигла цели, первая ее отдалила.

Телегеничность — высокий профессиональный барьер. Профессор Лос-Анджелесского университета А. Меробян подсчитал, что даже в «разговорных» телепередачах пути информации распределяются так: 7 процентов с помощью слова, 38 процентов посредством интонации и голоса и 55 процентов через выражение лица и жесты. Данные не абсолютны, нуждаются в перепроверке, однако ими пользуются, хотя и с оговорками, большинство ведущих советских теоретиков телевидения.

Что же еще, кроме работы в кадре, отличает работу «телевизионщика» от труда коллег в печатной журналистике? Сопряженность с аппаратурой, «кентавризм» (от мифологического кентавра—получеловека, полуконя) человека и машины. Польский теоретик телевидения Е. Теплиц в связи с этим говорит: «Представьте себе журналиста, который ездит с карандашом весом в тонну». Е. Теплиц выразителен, но не точен. Сейчас для прямого телерепортажа нужно привезти и установить на месте события аппаратуру общим весом минимум в 10 тонн. Не слишком-то портативное орудие производства — даже почтовые голуби доставляли при перевозке меньше хлопот, чем нынешние ПТС (передвижные телевизионные станции). Неукротимо нарастает «индустриализация» журналистского производства.

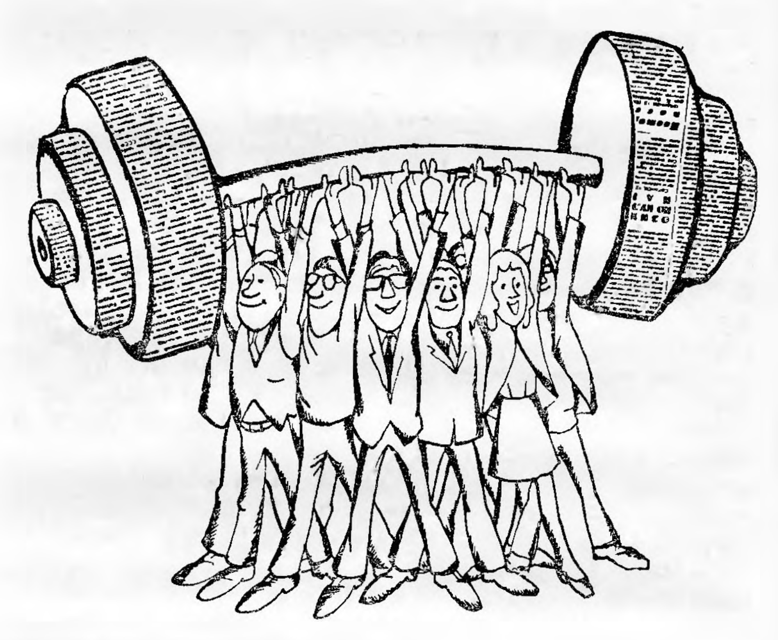
— Чем лучше техника, тем выше качество журналистской продукции?

— О нет, зависимости здесь чрезвычайно сложны. Как и везде, решает дело не техника сама по себе, а люди, задающие ей программу. В нашем случае редакционные коллективы. «Индустриализация» труда предъявляет жесткие требования к согласованности действий, четкости в их организации.

К. Маркс писал в статье «Оправдание мозельского корреспондента»: «...газетный корреспондент может считать себя только частицей многосложного организма, в котором он свободно выбирает себе определенную функцию». Выбрать профессиональную позицию в системе «внутреннего» разделения труда не всегда просто. Во-

круг творческого ядра в журналистике тесно переплетаются орбиты вспомогательных профессий: корректоров, экспедиторов, полиграфистов, связистов и опять-таки почтальонов, без которых, как и в XVII веке, журналистика все еще не обходится.

И поныне в силе ироничные наблюдения К. Чапека о содружестве и взаимоборстве «мамок и нянек» у колыбели газетного номера: «Газету делает редакция, которая пишет, типография, которая набирает и печатает, и отдел объявлений и подписки, который продает и рас-

сылает газету. На первый взгляд все это очень просто, но в действительности такое разделение труда осложнено весьма запутанными отношениями. Редакция, например, проникнута твердым убеждением, что именно она делает газету... Отдел подписки, наоборот, живет глубокой верой в то, что газета существует именно благодаря ему, а редакция систематически портит дело... Наконец типография считает, что у нее два заклятых врага на этом свете: редакция, которая хочет закончить верстку возможно позднее, и отдел подписки с экспедицией, которые хотят получить тираж как можно раньше,

чтобы успеть сдать его на ранние почтовые поезда. Попробуй-ка угоди обоим, твердит типография. Посадить бы этих господ самих сюда, знали бы, что значит делать газету!»

Всегда ли так? Да нет, конечно. Юмористам по рангу свойственно преувеличивать. Однако зависимость каждой части редакционного коллектива от общих интересов дела К. Чапек выразил точно.

А вот как описал последние минуты перед рождением нового номера американский журналист и писатель Р. Сильвестр.

«Итак, первая полоса, заключенная в стальную раму, дожидалась сигнала... В художественном отделе ретушеры ждали снимков Фреда Доула, а этажом ниже, в цинкографии, граверы ждали, когда эти снимки будут отретушированы, чтобы перенести их на химически обработанные металлические пластинки...

В стереотипном цехе стереотиперы ждали матриц первой полосы. Возле огромных металлических динозавров — ротационных машин — рабочие в спецовках и бумажных колпачках, со следами печатной краски на руках и лице ждали стереотипов, которые будут отлиты с этих матриц. На дворе, на невысоких платформах, экспедиторы ждали, когда по эскалаторам потекут наконец кипы газет по пятьдесят штук в каждой кипе. А на улицах выстроились грузовики, борт к борту, в ожидании драгоценного груза.

И по всему городу продавцы газет ждали в своих киосках, всматриваясь в даль, не покажется ли грузовик, и в сотый раз объясняя покупателям, что газета еще не вышла».

Напряженно, слаженно и все же нервно, почти всегда нервно действует многоглавый, многорукий организм — редакция в часы и минуты выпуска. На последнем этапе не перечесть (а ведь, кажется, все-все было предусмотрено и подсчитано!) внезапных осложнений. Это «сверхгорячая» информация с пометкой «срочно в номер!». Это ломка макета из-за топорного снимка (и куда раньше смотрели?), это рекламация из отдела проверки: «Населенный пункт N, упомянутый в материале, в справочнике не значится!» и т. д. и т. п.

Дежурные по номеру буквально сбиваются с ног. В любой редакции, кроме ведущего редактора, за общее исполнение номера отвечают дежурные по сменному

графику. По каждому номеру «Правды» посменно дежурят несколько десятков человек.

А на телевидении? Чтобы обеспечить пятнадцать минут оперативной передачи с места события, нужен труд репортера, редактора, режиссера, его ассистента, помощника режиссера, кинооператора, диктора, звукорежиссера, по меньшей мере двух телеоператоров, осветителей, киномеханика, монтажницы, машинистки, проявщицы, шофера... Как же слаженно должны работать эти звенья, если при этом счет идет на секунды.

О подготовке к одному из выпусков популярной телевизионной программы «Время» рассказала в «Журналисте» постоянная участница передачи Р. Хелимская. Первый такт подготовки: «11.00. Главный выпускающий В. Королев начал летучку. Присутствуют: выпускающая и режиссерская бригады, редакторы союзного и международного отдела Главной редакции информации, Главной редакции спортивных программ, представители технических служб. Уточняется план выпуска программы «Время» на сегодня. До эфира он может измениться неузнаваемо — день впереди. К этому готовы».

Далее идет цепочка напряженных событий. Предпоследняя запись — за час до начала передачи — ее первого выпуска, который в 19 часов по московскому времени смотрят в часовых поясах +2 +3 +4: Омская, Оренбургская, Челябинская, Свердловская, Новосибирская области, республики Средней Азии и Казахстан. Это 60 миллионов телевизоров, а зрителей раза в три-четыре больше.

Итак, «17.58. Звонок Королеву: на программе «Восток» после «Времени» прямая трансляция. Просьба: уйти из эфира в 19.29. Пришло важное сообщение ТАСС — к нему надо срочно найти фото, переделывается дикторская «подводка» к сюжету о Монголии. В 19.24 надо уйти на спорт, в 19.29 — из эфира. Самолет из Иркутска еще летит (с пленками для «Времени». — *В. У.*), пленка из Ленинграда еще не получена. По коридору прошли: генерал царской армии, два гимназиста, народный артист СССР Андрей Попов и дамы в бальных платьях — в соседнем павильоне размеренно-спокойно снимался очередной спектакль».

И вот решающий такт с 11 часов безостановочного процесса — четыре минуты до выхода в эфир.

«18.56. Режиссерский пульт аппаратно-студийного блока № 7. На многочисленных мониторах замер зеленоватый отражатель антенны дальней космической связи. Приведены в готовность все технические службы телецентра, участвующие в выпуске программы. Секундная стрелка на эфирном циферблате неумолимо считает деления... Команда Кисловой (режиссера выпуска. — *В. У.*). Опрокинулась зеленая чаша антенны, призывно пошла в эфир музыка Богословского».

Свершилось. Но труд далеко не закончен. На стол В. Королева ложатся только что переданные по телетайпу свежайшие новости, по бильду — последние фотографии. Наконец-то приземлившийся самолет привез долгожданную пленку из Иркутска. Эти материалы войдут в новый выпуск программы «Время», который выйдет в эфир через полтора часа — в 21.00.

Р. Хелимская четко формулирует свой многолетний творческий опыт: «Электроника. Цвет. Скорость. Телевизионная техника-76. Она — ничто без людей. Их собранности, деловитости, ответственности — качества их работы. Их мастерства. Таланта».

Рабочий день наконец завершается. Репортаж Р. Хелимской тоже. Последний кадр: «В 23.00 главный выпускающий В. Королев вышел на улицу. Дождь кончился. Завтра в 11.00 — летучка».

Здесь прошли эпизоды, которые не увидишь на телеэкране, но только благодаря им телеэкран живет. «Лихорадка» редакционных будней запечатлена в этих кратких записях пристально и любовно. А без радости, без душевной приязни к делу возможно ли творчество?

Такое чувство — веское свидетельство: человек не ошибся профессиональной «дверью». Светло и проникновенно написал об этом лауреат Ленинской премии В. Песков в заметках «Моя профессия»: «...Мне знакома очень большая радость. Ночью, когда город утихнет, дождаться свежего номера газеты. Слышно, как огромное здание вздрагивает. Это пущена ротационная машина... Ждем газету. И вот ее приносят. Она пахнет свежей краской. Мы самые первые ее читатели. Мир еще не видел газеты, но она уже есть. Летят самолеты с матрицами, стучат ротационные машины. Несколько миллионов людей прочтет твое слово. Иногда от мысли об этом становится радостно, иногда жутко».

— Часто силу слова сравнивают с оружием. Да вот

и у Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»

— Это сравнение очень справедливое. История человечества изобилует примерами действенности слова.

«Слово по той мере только и важно, по какой оно ведет к делу», — говорил А. Герцен, оценивая себя в журналистике. Он был убежден в том, что умно организованное слово — прямой и непосредственный предшественник революционного дела. Издавая в течение десяти лет «Колокол», набат которого сотрясал крепостнические устои, всей страстью пламенного публициста доказал А. Герцен правильность своих убеждений, результативность печатного слова.

Трудно найти крупного мастера: литератора, публициста, оратора, педагога, адвоката, — который не отдавал бы себе отчет в великой мощи оружия слова, не испытывал огромной ответственности за него. Из поколения в поколение передавали античные риторы заповедь греческого оратора Исократа: «Сила слов настолько велика, что способна великое сделать малым, малое изобразить огромным, давно известное всем выразить по-новому, а дела недавнего времени представить на старый лад».

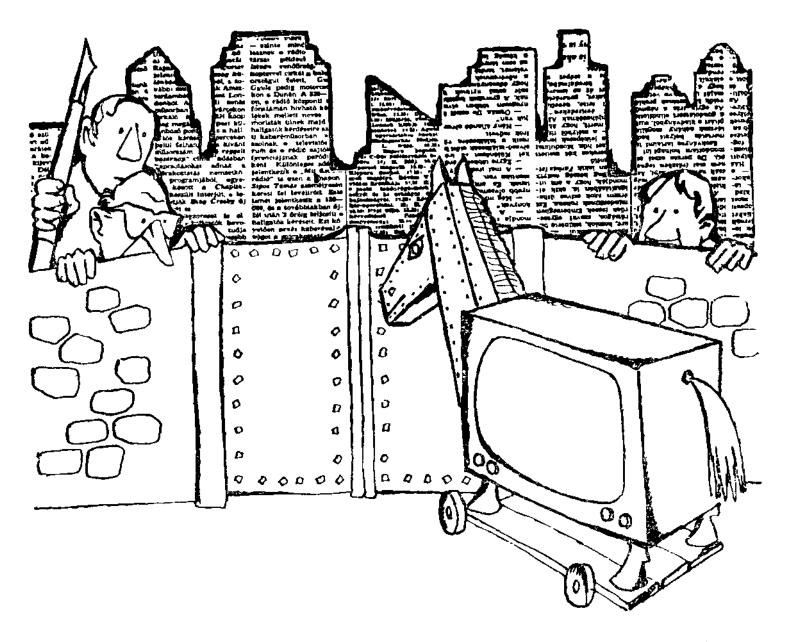
Оружие слова могущественно и обоюдоостро, предупреждает сограждан ритор. Два с лишним тысячелетия, прошедшие со времен Исократа, не выветрили мудрость его суждения. Скорее наоборот, приумножили в той мере, в какой аудитория античного форума отличается от аудитории современных средств массовой информации.

Могущество слова со времен Исократа выросло в той же мере, что и мощь боевого оружия. Метательная катапульта — вершина наступательно-разрушительных конструкций древности. Она способна поразить цель на расстоянии двухсот-трехсот метров. Приблизительно таково же предельное расстояние, на котором без усилителей можно услышать речь человека. Диапазон воздействия отчетливо измерим и нагляден. Количество целей, поражавшихся катапультой, не превышало десятка, не выходило за пределы нескольких сотен число людей, собиравшихся послушать знаменитого оратора.

И дальше в веках постоянные переклички. «Перо могущественнее, чем меч», — утверждали гуманисты, веря в благородную миссию просвещения и письменности. Эту

мысль разделял А. Пушкин. В набросках произведения «Сцены из рыцарских времен» намечен эпизод: лагерь восставших крестьян, разработка планов, нехватка оружия. И тут на помощь восставшим прибывает легендарный доктор Фауст, вооруженный печатным станком. «Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда», — несколько позже раскрывал смысл эпизода писатель.

Современники наполеоновских войн хранили в памя-

ти вполне реальное завоевание крепости «типографическим снарядом». Баварский город Ульм, опора англо-австро-русской коалиции, оказал сопротивление победоносным войскам французского императора. Это грозило расстроить ход рассчитанной Наполеоном кампании. Что предпринять?

В походной типографии Наполеона изготовили свежие оттиски правительственного официоза «Monitor». Обычное расположение сообщений, обычный шрифт. Все как всегда, но сообщения этого номера из абзаца в абзац лживы, он сфабрикован специально для осажденных

и выпущен лишь в нескольких экземплярах. Их тайно пронесут в крепость лазутчики. Защитники узнают из подложной газеты, что в Париже антибонапартистское восстание. А значит, осада закончится со дня на день. Планы осажденных меняются, бдительность угасает, подкрепления, спешившие к крепости, берут курс на Париж. И крепость капитулирует. Типографская краска, приправленная ядом лжи, обернулась крушением, облеченное в свинцовые литеры слово стало разрушителем обороны, роковым оружием в наступлении.

Такова способность «типографического снаряда» вызывать цепную реакцию человеческих поступков. А «цепная реакция» — это уже терминология из эпохи атомного оружия. И действительно, среди зарубежных социологов в большом ходу утверждение: «Средства массовой информации сильнее атомной бомбы».

Опять гипербола? Не столь уж значительная. Соответствие и впрямь порою катастрофически велико.

Студия залита ярким электрическим светом. Включаются камеры. Загорается красное табло: «Передача». На экранах К. Чуббук, тридцатилетняя блондинка, ведущая программу «Санкоуст дайджест» на одной из местных телевизионных станций США. От нее зритель привык слышать краткий обзор событий на курортах Флориды. Но сегодня Кристин ведет себя не совсем обычно. «В программе нашей станции, которая каждый день преподносит вам кровь и насилие, — объявляет она, — сегодня будет уникальная премьера: самоубийство в прямой трансляции». Достав револьвер, Крис приставляет его к виску. Выстрел, кровь, экран гаснет...

Это случилось 15 июля 1974 года в 9 часов 38 минут по местному времени в американском городе Саратога, штат Флорида.

Что послужило толчком к самоубийству недавней выпускницы отделения журналистики Бостонского университета? До конца не выяснено. Но известно, что на следующий день директор телестанции Р. Нелсон потрясал кучей газетных вырезок со словами: «Смотрите, какое паблисити обеспечила нам эта чудачка. О нашей провинциальной телестанции сообщает печать всей страны. Вот это реклама!» Поистине каждому свое.

Один трагичный эпизод «соучастия» средств информации в убийстве сменяется другими, не менее катастрофичными.

Бывший английский капрал Д. Нильсон (созвучие фамилий случайно, но символично) составлял планы преступления, изучая подшивки газет и копируя сюжеты детективных фильмов. На этот раз он прочел в «Дейли экспресс», что юной Л. Уитли оставлено в наследство 300 тысяч фунтов стерлингов. Из того же источника бывший капрал узнал, где находится дом намеченной жертвы, и похитил семнадцатилетнюю девушку, потребовав затем выкуп в 50 тысяч фунтов стерлингов. (Всего-то шестая доля наследства — подумаешь!) Всю схему похищения преступник скопировал из телефильма «Самая длинная ночь», где в тончайших деталях показывалось, как дочь флоридского миллионера была похищена из спальни.

События развивались трагически. Роковую роль в судьбе Л. Уитли с самого начала сыграла пресса. Преступник предупредил родственников жертвы: если сообщите в полицию, девушка погибнет. Как ни старались держать эти страшные переговоры в тайне, вездесущие репортеры до всего докопались...

Что предпочесть — смерть юного человека или фурор сногсшибательного сообщения на тему: следы похитителя обнаружены? Что предпочесть? — вопрос звучит кощунственно, дико...

Как для кого. «Сногсшибательная» новость загуляла по страницам газет, зазвучала по радио. Преступник затянул веревку на шее жертвы. Л. Уитли погибла.

Сюжет телефильма был до деталей повторен в жизни. Не первый, не последний такой сюжет.

Летом 1971 года Сиднейская телевизионная станция в Австралии прервала плановые передачи ради сверхсрочного сообщения. Оно гласило: авиакомпания «Кантас» передала наличными полмиллиона долларов неизвестному, заявившему, что в самолет, следующий рейсом в Лондон, положена мина замедленного действия.

Это выкуп за жизнь 128 пассажиров и экипажа. Неизвестный обещал сказать, как найти и обезвредить мину. После расплаты с шантажистом оказалось, что мина всего лишь розыгрыш.

Преступник действовал, копируя сюжет телефильма. Опыт, растиражированный передачами телестанции, зловещим образом претворился в жизнь. Точность воспроизведения тележурналистикой уголовной ситуации создала новые копии в действительности.

Журналистика в сегодняшнем мире не просто побуждает к тем или иным мыслям, тем или иным поступкам. Она формирует образцы поведения и адресует их миллионным аудиториям. Может ли быть безразлично обществу, какие образцы рекламирует журналистика — гуманные или бесчеловечные, коллективистские или эгоистичные? Оказывается, может. Извращенное общество каждый день силами буржуазной прессы, радио, телевидения демонстрирует миллионные образцы бесчеловечного поведения: насилия, секса, наживы.

Итальянский публицист Энцо Рава пишет о характерном облике газет своей страны: «Читателя, не подозревающего о всех способах, которые использует печать, чтобы отвлечь его от реальных проблем, то и дело ошарашивают грандиозными заголовками через всю страницу: «Я никогда не любила его» (с улыбкой заявляет знаменитая кинозвезда, обнимая своих трех незаконнорожденных детей); «Бей меня, бей сильнее, любовь моя!» — восклицает пышнотелая брюнетка в одежде из двух крошечных нашлепок на груди (из уважения к цензуре); «Ультра вновь угрожают: мы повесим последнего священника на кишках последнего капиталиста»; «Пять миллионов лир за килограмм живого веса центрфорварда!» или, наконец: «Старичок пенсионер задушил певщую по ночам соседку и сварил мыло из ее трупа...» Шесть колонок «сенсации» оттеснили на второй план сообщение о массовой забастовке металлистов, в другой раз они затмевают сообщения о борьбе трудящихся против безработицы, об американской агрессии во Вьетнаме, о правительственном кризисе, повышении налогов или фашистских вылазках в парламенте».

Вместо правды с кончика пера журналистов изливаются ядовитые капли лжи, цинизма, опустошенности, обывательской пошлости, жажды обогащения — сейчас, сегодня, немедленно и любой ценой. Причем сфера деятельности затрагивает не только взрослых, но и детей.

Зарубежные социологи подсчитали: дети первого «телевизионного поколения» Америки провели в школе 12 тысяч часов, а перед телевизором — в полтора раза больше. Что же они увидели? И это дотошно сосчитано: за 10 лет дети в возрасте от 5 до 15 лет приблизительно 13 400 человеческих убийств. Лидируют программы Эй-би-си — около пяти убийств в неделю со всеми подробностями. Гангстерские фильмы и рекламные шоу с раз-

ных сторон возбуждают интерес к насилию, просто-таки навязывают его.

Мультфильмы для самых маленьких: гангстер-великан не без садизма убивает одного за другим четырех детей... За что? Неужто без всякой причины? Причина есть, и очень веская: дети отказались есть пудинг с наклейкой фирмы-рекламодателя. Отсюда и гангстер — что ж его бояться? Это ведь только реклама.

Не только. Еще и образец поведения, подражания для детей и взрослых.

Вершителей тележурналистики пытались призвать к ответу здравомыслящие. Ответ одного из телепродюсеров гласит: «Я не знаю почему, но постановки, связанные со смертью, являются единственными, которые аудитория желает видеть в достаточно больших количествах. Это делает серии экономически выгодными». Вот так: что выгодно, то и гуманно.

Не у всех, разумеется, в западном обществе только такое кредо. Иные активно протестуют. Газеты сообщили: на одной из центральных площадей города Детройта остановилась машина. Из нее выскочил разъяренный мужчина. Мужчина вынул из автомобиля один за другим два телевизора: цветного и черно-белого изображения. Грохнул их о мостовую. Ломом разбил на мелкие куски на глазах у изумленных прохожих. Кучу обломков полил бензином и поджег. На вопрос полицейского сердитый мужчина ответил, что не видит другого способа бороться с телевизионными компаниями, пичкающими зрителей кровавыми фильмами о гангстерах и садистах. Вряд ли это эффективный способ очеловечить коммерческую журналистику.

Вот другой пример. Американский гражданин Р. Кэйни, ставший жертвой бандитского нападения, после которого попал в больницу, возбудил уголовное дело против американской телевизионной компании Эн-би-си. Он обвинил компанию в преступной деятельности. Р. Кэйни обратился в суд после того, как полиция задержала покушавшегося на его жизнь Р. Спэка. Злоумышленник заявил, что идею и детали нападения на Р. Кэйни, так же как и других своих преступлений, он позаимствовал из телевизионных передач Эн-би-си под названием «Полицейские истории». Р. Кэйни обвинил компанию в том, что она явилась «сценаристом» преступлений, совершенных Р. Спэком, и потребовал от нее возмещения причи-

ненного ему и другим пострадавшим ущерба в размере 5 миллионов 848 тысяч долларов.

Что и говорить: каждый обороняется как умеет. Меж тем монополии и подобные факты используют ради своего «паблисити», то есть громкой известности и новых шумих. А слово по-прежнему превращается в орудие убийства и шантажа.

— Право, трудно поверить в то, что газетные магнаты задались сознательной целью взращивать убийц и преступников.

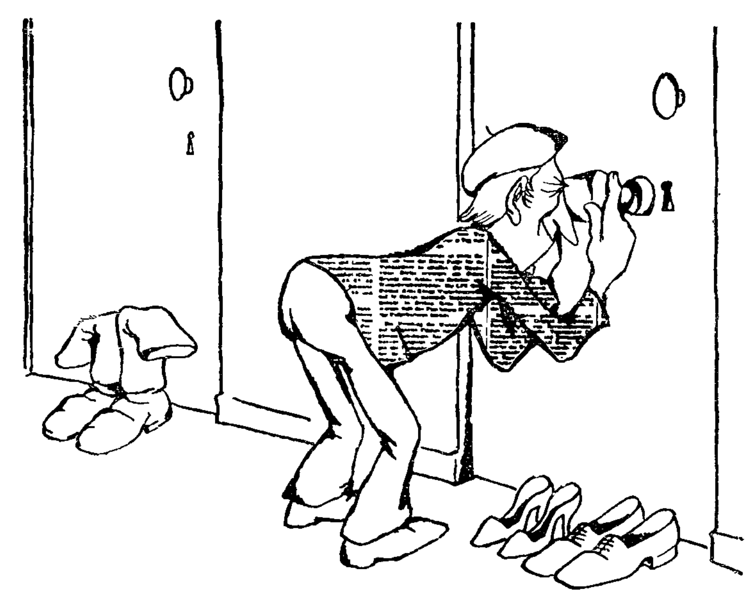
— Цель у них иная — получить прибыль, выжить в конкурентной борьбе. Эта цель в глазах бизнесмена и оправдывает любые средства.

Более века назад К. Маркс писал: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Вот на этих дрожжах как раз и замешено варево сенсации в буржуазной журналистике. Это варево не случайность, не редкий деликатес. Готовить его начинающих журналистов обучают планомерно и методично. Обучение восходит к заповеди Р. Херста-старшего — основателя империи «желтой» прессы в Соединенных Штатах Америки.

Почему «желтой»? В борьбе за читателя он первым догадался сочинять «прессу для неграмотных» — комиксы. Минимум слов и максимум всем понятных рисунков — рассказы в картинках с бесконечными продолжениями. Первые циклы повествовали о приключениях «желтого» мальчика. Они имели успех, «пресса для неграмотных» обогатила инициатора и даровала его потомкам наследственный трон магнатов «желтой» журналистики. Свою заповедь Р. Херст-старший сформулировал в 1927 году: «Читатель интересуется прежде всего событиями, которые содержат элементы его собственной примитивной природы. Таковыми являются: 1) самосохранение, 2) любовь и размножение, 3) тщеславие. Материалы, содержащие один этот элемент, хороши. Если они содержат два этих элемента, они лучше, но если они содержат все три элемента, то это первоклассный информационный материал».

Такова сенсация. Но для чего она? В чем подлинные цели поиска и тиражирования материала? Потрафить обывателю, пощекотать нервишки, а дальше что? На это ответил великий русский сатирик М. Салтыков-Щедрин задолго до теоретизирующих обобщений Р. Херста. Спросите такого газетчика, рекомендовал он, «чего он хочет, какие цели преследует его газета? — и ежели в нем еще сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите ответ: хочу подписчика!.. О, господи, спаси и помилуй! О каких же тут целях может идти речь, кроме

уловления подписчика? «Scripta» (письмена. — *В. У.*) исчезают бесследно, не оставляя в памяти ничего, кроме мути; но подписчик остается (вон он, слоняется по улице! — где у тебя портмоне... дур-рак!), и запах его имеет одуряющие свойства. Надо изловить его; а чтоб достигнуть этого, необходимо давать ему именно ту умственную пищу, которая ему по вкусу... Всякая новость передается в газете бойко, весело, облитая пикантным соусом. Завтра девять десятых этих слухов окажутся лишенными основания, но зато они заменятся таким же количеством других слухов, которые окажутся ложными послезавтра. По части слухов, кроме системы приспеш-

ничества, много способствует и дар выдумки. Существует целая армия сотрудников, репортеров, странствующих витязей, которых единственное назначение заключается в том, чтобы оживлять столбцы и занимать читателя целым ворохом небывальщины».

Да, небывальщина — это еще одно херстовское кредо. Оно звучит приблизительно так: истинный ас журналистики не только ищет сенсацию, но и создает ее сам.

Хрестоматийный пример продемонстрировал сам «дедушка» Р. Херст. «Обеспечьте публикацию снимков начала войны между США и Испанией», — дал он приказ по редакции в 1898 году. «Но война не началась», — удивились подчиненные. «Опубликуем снимки, и она начнется», — спокойно парировал босс.

Война действительно началась, так как положение давно уже было весьма напряженным. Необходимой искрой в груде сухого хвороста оказалась провокационная публикация сфабрикованных снимков.

Фельетонист В. Дорошевич сочинил подобную сцену в сатирической миниатюре из жизни русских буржуазных газетчиков «Южные журналисты».

Редактор дает поручение едва начавшему свой путь репортеру:

«— Когда нет новостей, их надо выдумывать. Самые интересные политические новости — это всегда те, которые выдумываются. Вы помните этот огромный успех, который имело наше известие о бешенстве Гладстона-внука?

— Да, но потом пришлось опровергнуть.

— Ничего не значит. Публике это доставило только удовольствие. Все сказали: «И слава богу, что этого не случилось». Все очень любят этого государственного человека. А что сегодня у наших конкурентов?

— Описание революции в Испании, которой не было.

— Ничего не значит. Публика с интересом будет читать подробности...»

А вот отрывки из саркастической миниатюры А. Чехова, работавшего газетчиком-фельетонистом под псевдонимом Антоша Чехонте.

«Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек обрюзглый, сырой и тусклый, стоял посреди своего номера и любовно поглядывал на потолок, где торчал крючок, приспособленный для лампы. В руках у него болталась веревка,

«Выдержит или не выдержит? — думал он. — Оборвется чего доброго — и крючком по голове... Жизнь анафемская! Даже повеситься путем негде!»

Не знаю, чем кончились бы размышления безумца, если бы не отворилась дверь и не вошел в номер приятель Рыбкина Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда предатель», живой, веселый, розовый.

— Здорово, Вася! — начал он, садясь. — Я за тобой... Едем! В Выборгской покушение на убийство, строк на тридцать... Какая-то шельма резала и недорезала. Резал бы уж на целых сто строк, подлец! Часто, брат, я думаю и даже хочу об этом писать: если бы человечество было гуманно и знало, как нам жрать хочется, то оно вешалось бы, горело и судилось во сто раз чаще».

Репортер замечает мрачные приготовления приятеля к самоубийству и изумляется — в чем причина?! Не о чем стало писать, объясняет тот и ударяется в мечтанье.

«— А вот если бы, — сказал он, — случилось что-нибудь особенное, этакое, знаешь, зашибательное, что-нибудь мерзейшее, распереподлое, такое, чтоб черти с перепугу передохли, ну, тогда ожил бы я! Прошла бы земля сквозь хвост кометы, что ли, Бисмарк бы в магометанскую Веру перешел, или турки Калугу приступом взяли бы... Одним словом, что-нибудь зажигательное, отчаянное, — ах, как бы я зажил тогда!»

Но ничего такого не происходит, и на глазах недоумевающего приятеля незадачливый репортер кончает счеты с жизнью. Зато его самоутвердившийся товарищ «сел за стол и в один миг написал: заметку о самоубийстве, некролог Рыбкина, фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой на самоубийц, и еще несколько других статей на ту же тему. Написав все это, он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали мзда, слава и читатели».

Не только под едким пером фельетониста, но и в реальной жизни чудище сенсации больно поражает подчас и самых своих ярых служителей. Семейство Херстов стало его жертвой после того, как сотни раз приносило в жертву других людей.

4 февраля 1974 года внучка первого магната Р. Херста Патриция Херст была похищена из своего дома. Эта история побила все рекорды в прессе и на теле-

экране. На протяжении двух лет не было такого события из похождений «блудной дочери», которое не попало бы на страницы газет. Более того, не собрало бы столь обильного урожая заголовков, строк и повышенных гонораров. Еще бы: похищение, ограбление банка, убийства, исчезновения, а по классификации Херстадеда: самосохранение, любовь, тщеславие — все в избыточных, прямо-таки чудовищных количествах присутствовало в этой истории. Что и говорить, зловещая расплата за нажитый на сенсации капитал.

В буржуазной журналистике разработаны очень тонкие, психологически изощренные способы установления контактов. И здесь же, рядом, самые беспардонные способы извлечения дефицитной информации, перешагивание через любые барьеры — такта, нравственности, порядочности, уважения к человеческому достоинству. Не без гордости, не без профессионального гонора рассказывает о своей карьере французский буржуазный репортер: «Благодаря журналистике я соприкасался с королями и мошенниками, с учеными, убийцами и сумасшедшими; я познакомился с бурными заседаниями палаты, с рыданиями в зале уголовного суда и слышал ропот мятежей; в течение многих лет, вставая рано и возвращаясь поздно, я приближался к людям великим и ничтожным в самый важный момент их существования, когда смерть или жандарм, богатство или слава собирались войти к ним... Так, например, я вспоминаю себя в один дождливый зимний вечер на окраине города у дома, заселенного рабочими.

— Пойдите к этой женщине, — сказали мне в редакции. — Ее сыну отказано в помиловании. Его казнят. Она вам, быть может, расскажет что-нибудь интересное. Главным образом, постарайтесь получить фотографию.

Я пошел... Это было мое ремесло».

Рубить сплеча, рубить по живому, не задумываясь о боли жертвы, которая очередной раз воздается божеству Сенсации, — так вырабатывается специфический профессиональный облик. Иногда он влечет за собой почти полную утрату облика человеческого.

Постепенно формируются и специфические, извращенные запросы и интересы аудитории. Интересы, «настоенные на клубничке», приноровленные к замочной скважине, далекие от забот о мире и человечестве.

Об этом в атмосфере наглеющего фашизма с большой тревогой писала поэтесса М. Цветаева:

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!» —
Качаются — тщетой
Накачиваются.
Что́ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!
Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

— И все-таки не сенсация в буржуазной прессе источник золотого дождя. Персона номер один — это реклама.

— Совершенно верно. Сенсация — главный механизм сбыта журналистской продукции. Источник же чистой прибыли — реклама.

Чикагский суд в 1976 году слушал дело фирмы «Сирс, Робак и К°». Предпринимателей уличили в крупном мошенничестве. Казалось бы, событие, соответствующее нормам «ньюс». Казалось бы, невыдуманная сенсация. А местные газеты как в рот воды набрали. Опытные, крупные редакции: «Чикаго трибюн», «Чикаго сан-таймс», «Чикаго дейли ньюс» — ни строки! В чем дело? Неоперативность, лень, внезапное переключение интересов на более высокие материи? Ни первое, ни второе, ни третье. Переплетение интересов фирмы и редакций — причина стоического молчания газетчиков среди бушующего моря молвы.

Все же на десятый день процесса «Чикаго сан-таймс» сообщила, что суд идет, в коротенькой заметке на фоне пространных статей с крупными заголовками о менее ярких событиях. Потом принесли запоздалую дань «объективности» и конкурирующие издания.

Так где же причина такой поразительной скромности?

Ее без особого труда объяснил нью-йоркский журнал «Коламбия джорнализм ревю», посвященный проблемам журналистики. Отбросив лицемерие ради собственной популярности, журнал напомнил, что судимая фирма — третья в США по величине затрат на рекламу. В частности, на рекламу в газете «Чикаго трибюн» фирма тра-

тит ежегодно пять миллионов долларов. Другие чикагские газеты, радио и телевидение тоже не обижены корпорацией.

Удивительно ли, что обласканные редакции не торопились скомпрометировать источники собственных прибылей, предав гласности неблаговидные деяния хозяев.

Кому же в здравом уме придет в голову рубить сук, на котором сидишь, душить курицу, исправно несущую золотые яйца? Суд минует, страсти улягутся, бизнесмены заплатят посильный штраф во славу богини правосу-

дия Фемиды — и жизнь потечет своим чередом. А вместе с ней новые заказы на рекламу в редакции чикагских газет, оплаченные по высшим ставкам.

Общие доходы от рекламы у ежедневных американских газет приближаются к 10 миллиардам долларов в год. Около половины этой суммы составляют доходы телевидения.

Американские исследователи журналистики не скрывают, а подчеркивают, что в наши дни 60 процентов площади в рядовой газете отведено рекламе, которая и дает не менее трех четвертей общего дохода. Львиная доля «эфирного времени» служит тому же.

Но получить рекламу можно лишь от тех, кто доверяет газете, «дружит» с нею, уверен в ее поддержке. А как оправдать это доверие?

«Если в отеле, — рассказывают американские теоретики журналистики, — случается смерть или самоубийство, название его редко упоминается». Можно «спугнуть» постояльцев мрачными ассоциациями. «Если крупный рекламодатель женится, — продолжают они, — можно ручаться, что в разделе светской хроники эта свадьба будет подана крупным планом. А если он разводится, газеты частенько игнорируют этот факт, невзирая даже на самые сочные подробности. Имена магазинных воров и растратчиков публикуют, но названия обкраденных магазинов и фирм стараются по возможности опускать».

Вот так, даже всевластной Сенсации порой приходится потесниться перед еще более властной Рекламой. Но обычно пружины спроса и бизнеса отнюдь не мешают, а помогают друг другу.

В американском телевидении есть важное понятие «рейтинг». Это спрос на ту или другую программу, учет ее популярности. От «рейтинга» зависит цена рекламы в данной передаче. Сто долларов за минуту в передаче с высоким «рейтингом» — вот плата за популярность. А популярность обеспечивает... все та же сенсация.

Американский журнал «Нью-Йорк» опубликовал в 1977 году сравнительную шкалу сюжетов высокого «рейтинга». Своеобразный прейскурант. О нем рассказал в корреспонденции из США советский журналист Г. Боровик под точным заголовком «Почем нынче открытые раны?». По этому ценнику убийство, «соответственно обставленное», получает 50 очков, уничтожение города тоже 50, покушение на убийство — 30, показ результатов убийства — 25, тяжелое ранение (открытая рана, течет кровь) — 30 очков, ранение средней тяжести — 18, убийство упоминаемое — 5.

Такова современная, утонченно разработанная интерпретация старого репортерского правила «Смерть продать легче, чем рождение».

«Нет, мы не идем на поводу у рекламодателей. Нет, нет, мы свободны в выражении своих мнений», — говорил на встрече с группой советских журналистов М. Говард, редактор газеты «Рокки маунтин ньюс» (штат Колорадо, США). И приводил доказательства:

«Они, например, настаивают на публикации непристойных рисунков, однако мы их не печатаем. Или, скажем, в объявлении о нашумевшем порнографическом фильме мы можем вообще выбросить слово из заголовка».

Не слишком веские доводы. Куда убедительней и реалистичней пример отлучения от журнального амвона редактора Дж. Харриса. В ежемесячнике «Сайколоджи тудей», который он вел не первый год, Дж. Харрис опубликовал весьма доказательную статью о росте алкоголизма в США. «Спиртные короли» восстали. Посыпались серьезные замечания и предупреждения главе корпорации, и нарушивший «правила игры» журналист немедленно был уволен. Ни профессиональный опыт, ни давний стаж работы на корпорацию не предотвратили сурового финала.

Очень уместно вспомнить здесь выводы известного французского исследователя журналистики Ж. Кайзера. Вершителям бизнеса, говорит он, «нет нужды спорить о «линии» газеты с ее владельцем, потому что последний автоматически делается защитником интересов рекламодателя. Последствия этого сговора, этого отождествления тяжелы. Они приводят большинство крупных газет к аполитичности, к опустошенности и уклонению от борьбы, отказу от выражения своего мнения».

Зато им остается почти неограниченная свобода искать самый выигрышный фон и самый завлекательный стиль для рекламных трюков. Ну, например: «Несколько капель духов фирмы придают такую неотразимость, что вас непременно изнасилуют на Пятой авеню».

Или еще. Пилот, летевший над Англией на высоте три тысячи метров, сообщил: «Вижу шестнадцатиметровую розовую свинью, предупреждаю опасность столкновения». Возгласы недоумения и раздражения встретили радиограмму: «Что еще за глупые шутки?» Новость попала в газеты — рекламодатели достигли цели. Надувная резиновая свинья оказалась рекламой изощрявшейся в остроумии фирмы. Многозначительный символ...

— В рекламных целях порой создаются донельзя экстравагантные издания.

— Не только экстравагантные. Случаются просто монстры. Взять хоть недавно вышедший в штате Нью-Йорк журнал «Ассассин», что означает «Убийца».

«Возможно, это просто розыгрыш? — глядя на обложку нового журнала, может подумать нормальный че-

ловек. — Какая-нибудь малоудачная острота, невинный рекламный трюк?» Думая так, он забывает, что живет в капиталистическом обществе, где процветает пропаганда садизма, рождающая все новые и новые перлы. Им посвящен журнал «Ассассин», который, в частности, повествует: «Убийство главы государства вряд ли можно осуществить меньше, чем за три миллиона. Оно требует сил поддержки, второго вооруженного эшелона, обеспечения путей отхода, нескольких групп убийц и значительного количества официальных бумаг для со-

крытия следов. Обычной тактикой является использование огнестрельного оружия с крыш, в стиле убийства Джона Кеннеди». Затем читателю дотошно разъясняют, что убийство по контракту предполагает четыре этапа: усвоение переданной информации, планирование, шпионаж за жертвой и само кровопролитие. В отдельной статье подробно обсуждается «проект убийства Фиделя Кастро». А на обложке журнала — лицо человека. На него наложена сетка оптического прицела. Рядом вопрос: «Как вы это осуществите?»

Что это? Бред умалишенного, распечатанный для острастки здоровых? Рекламная модель на тему «свобо-

да печати»? Или бесовский шабаш растления, превзошедший все допустимые границы? Как ни поразительно — последнее. На журнал открыта подписка с середины 1977 года. Номер стоит один доллар с четвертью. Этот опыт, как бы он ни закончился, не прошел незамеченным. Журнал нашел подписчиков.

Дотошные любители курьезов рассказывают, что счет им в американской журналистике ведется не первое столетие. В 1849 году петербургский журнал «Библиотека для чтения» сообщал о заокеанских коллегах, которые придумали великолепное средство избавиться от типографских расходов. «Все выглядит так. Вы подписываетесь на местную газету — платите безделицу — и дважды в неделю посылаете в редакцию свой носовой платок. На этом платке редакция приказывает отпечатать для вас грязью политические и литературные новости, полученные с последней почтой. Прочитав свой платок, вы отдаете его в стирку, а затем снова отправляете в редакцию и... получаете следующий номер этой весьма своеобразной... газеты». Это, конечно, выдумка, хоть и весьма саркастическая. Автор статьи в «Библиотеке для чтения» едко высмеивает любовь кое-каких журналистов к грязному белью, посредством которого можно, оказывается, целиком обеспечить процветающий периодический орган. Но и эта мрачная выдумка звучит куда веселее, чем невыдуманный реальный журнал «Убийца».

Счет курьезным изданиям далеко не закрыт. Недавно журнал «Знание — сила» сообщил о некоторых из них. Чаще всего с такими забавами знакомятся парижане. В столице Франции выходит, например, газета «Ла Гурмандиз» («Лакомство»), которую печатают на эластичном вафельном листе безвредной типографской краской. Прочитав такую газету, ее можно съесть, запивая чаем. Но, если верить читателям, эта газета не удовлетворяет ни их духовные запросы, ни желудки.

Газета «Ле бьен етр» («Хорошее самочувствие») обещает тем подписчикам, которые выпишут ее сразу на сорок лет, дополнительную пенсию и бесплатные похороны, однако такой блестящей перспективой соблазнились немногие. Одно время пользовалась некоторым успехом газета «Ле мушуар» («Носовой платок»). Она печаталась на тончайшей японской бумаге и действительно могла служить носовым платком или салфет-

кой. Однако типографская краска оставляла пятна на носу и губах, и газета постепенно лишалась подписчиков.

И наконец, последний опыт: газета «Ла бон нувель» («Хорошая новость»). Она преподносила своим читателям только приятные сообщения, чтобы поддерживать у них хорошее настроение. Однако после выхода восемнадцати номеров газета разорилась: по-видимому, иссякли источники для хороших новостей.

В последнем случае парижане были неоригинальны. Их опередил калифорниец Б. Бэйли. В самом начале семидесятых годов двадцатого века в местечке Фаа-Окс, недалеко от столицы Калифорнии Сакраменто, Б. Бэйли заявил об издании «Эквэриэн таймс», «первой в мире газеты, печатающей только хорошие новости». Прожила она недолго — надежными подписчиками оказались лишь любители курьезов и журналисты, обыгрывающие ее в своих фельетонах.

Вот еще один редкий образец периодического издания: самая маленькая газета в мире под названием «Эсфуэрсито». В переводе с испанского — «Маленькое усилие». Подзаголовок звучит громко: «Периодический голос на службе народа». Газета выходит в перуанском городе Пуно, расположенном на берегу озера Титикака. Она печатается в обычной типографии двумя красками на двадцати страницах размером 12 на 17 сантиметров. Тираж малютки совсем не мал — 10 тысяч экземпляров. «Маленькое усилие» работает как большое: публикует злободневную информацию и развлекательные материалы.

С начала 1977 года в Лондоне предпринят выпуск ежемесячника под названием «Бедствия». Редактор в обращении к читателям высказал поистине беспрецедентную для журналиста надежду: как можно скорее прекратить издание. Издание журнала «Бедствия», по словам организаторов, вызвано лавиной стихийных катастроф, которые обрушились на Европу в 1976 году. Основатели журнала считают, что при более умелом использовании спасательных средств и научном подходе к борьбе со стихийными бедствиями можно значительно сократить количество жертв.

Именно этим задачам редакция собирается посвятить свой труд. Как долго продержится столь необычайный дебют на журналистской арене? Возможно, желание редактора осуществится много скорее, чем он полагает, —

издание прекратится. Но не потому, что выполнит свои задачи, а потому, что иссякнут финансы в его поддержку.

В заключение пример хоть и курьезного, но более расчетливого издания под названием «Миллиард». Этот ежемесячник выпущен в Париже издателем К. Тибо. Предназначен он для мультимиллионеров или для тех, кто ведет жизнь миллионера, фактически не являясь таковым. Тираж журнала — 20 тысяч экземпляров. «Миллиард» не продают в киосках, дабы пуще подчеркнуть и оградить его «избранность», дабы превратить его в безусловный символ истинного богатства. Список предполагаемых подписчиков был составлен в результате двухлетних целенаправленных изысканий. Предприниматель, учитывая скаредность богачей, разослал первый номер потенциальным подписчикам бесплатно. О долговечности очередного курьеза судить пока трудно — он заявил о себе лишь в канун 1977 года.

Изобретения продолжаются. Какие еще зловещие и странные газетные курьезы ожидают западных подписчиков в будущем?

— Наверное, каждый слышал, что высосанная из пальца сенсация, ложная информация именуется «уткой». Чем же провинилась эта кроткая птица?

— Провинилась случайно, как во многом случайно происхождение вполне серьезных терминов, тем более профессиональных жаргонных словечек.

Выражение «газетная утка» имеет давнее происхождение. Ему почти столько же лет, сколько самой журналистике, около трехсот. Оно возникло в XVII веке в Германии. После сомнительных, хотя и соблазнительных для роста тиража известий газетчики, считавшие себя добропорядочными, ставили пометку из двух букв: NT — эн-те (non testatur — не проверено). Такой пометкой завершалось, к примеру, известие: «На территории графства Таксис рождено дитя о двух головах и с шестыми пальцами подле мизинцев».

Условный знак звучал как «энте», что по-немецки значит «утка». Так вполне безобидная птица стала символом самых беззастенчивых журналистских измышлений.

Журнал «Наука и жизнь» в разделе «Кунсткамера» рассказал читателям, что одна из самых знаменитых «уток» вылетела в 1835 году из-под пера редактора газе-

ты «Нью-Йорк сан». В том году известный британский астроном Дж. Гершель отправился в Южную Африку в надежде найти идеальное место для наблюдений Луны.

Астроном еще не успел распаковать свою аппаратуру, как в нью-йоркской газете появилось первое сообщение: «Новый телескоп, самый мощный из всех, созданных до настоящего времени, позволил ученому рассмотреть поверхность Луны как на ладони и первым в мире увидеть ее обитателей!» Последующие выпуски газеты подробно знакомили читателей с жизнью селенитов — жителей Луны (Селены).

Вся мировая печать клюнула на «утку». Даже авторитетные научные журналы помещали статьи с иллюстрациями, сделанными по описаниям газеты. «Утка» погибла, когда сбившийся с курса корабль случайно доставил Дж. Гершелю несколько газет, описывавших его открытия. Ученый немедленно разослал письма с опровержением.

Другая столь же поразившая воображение «утка» принадлежит радиожурналистике и тоже связана с космосом. Ее, как правило, приводят в пример социальные психологи, раскрывая «механизм» коллективного подражания, внушения и паники.

30 октября 1938 года северо-восток США потрясло необычайнейшее происшествие. По радио передавали инсценировку фантастического романа Г. Уэллса «Война миров» о нашествии марсиан на Землю. Передача была сделана в виде репортажа с места высадки воинственных существ, которые сеяли вокруг себя смерть и разрушение. Перед тем как развернулись бои с марсианами, радиослушателей ознакомили с вымышленными сообщениями из обсерваторий и комментариями «маститых» астрономов о якобы приближавшихся к Земле «марсианских объектах».

Передача продолжалась около двух часов. Через час после ее начала в штате Нью-Джерси, на территории которого будто бы шло побоище, поднялась невероятная паника. На дорогах штата теснились машины, рейсовые автобусы брались с бою. Люди стремились поскорее выбраться из опасного района, паника улеглась только через несколько часов.

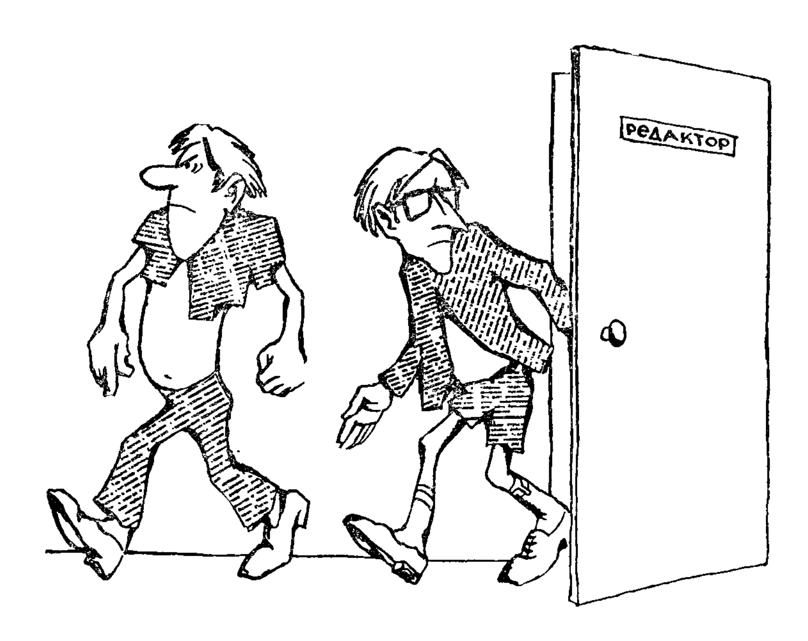
Полагают, что в данном случае «утка» возникла независимо от воли журналистов, как бы сама собой вы-

лупилась, оперилась и захлопала крыльями на страх аудитории.

Гуси Рим спасли, а «утки» могут мир погубить — такой из этой истории впору сделать вывод.

У других профессиональных терминов и «словечек» менее примечательная история. И все же...

Редактор «Комсомольской правды» в годы войны Б. Бурков вспоминает тяжелые будни редакционной работы. Жесткий продовольственный паек, холодное помещение, тревожное ожидание вестей с фронта — о про-

движении армии, о своих близких, фронтовых полпредах — корреспондентах.

И вот в сдержанный рассказ о безмерно трудном времени врывается рассказ-шутка. Его автор — журналист С. Крушинский, в ту пору фронтовой корреспондент «Комсомольской правды». Рассказ относится к середине 1943 года. В короткий перерыв между оперативными заданиями журналист хотел развеселить коллег, и это ему удалось. Вот эта юмореска, сохраненная и опубликованная Б. Бурковым.

«На днях в нашу редакцию забрел непросвещенный

посетитель. Первые же услышанные слова привели его в ужас.

— Полоса загорелась, — громко сказал кто-то по телефону.

К удивлению посетителя, никто не побежал тушить полосу. Но это было только начало. Тот же голос спокойно продолжал:

— Борис Сергеевич, сегодня получен кусок Карельштейна.

Боже мой, что же с беднягой случилось, если его доставляют кусками?

— ...Непомнящий и Андреев? Они в загоне.

В загоне зимой? Хотя бы дали место в крытом сарае.

— ...Корабль склишировали. Я думаю, нужно утопить его в подвале.

В подвале? Целый корабль?!

... — Борис Сергеевич, что будем делать с Гуторовичем?

— Да уже устарел, разобрать его...

Разобрать человека, какой ужас!

— ...Потом вот что. Щеглова-то опять недотравили.

Опять? Значит, это уже не в первый раз. Хотя бы уж сразу, один конец.

— ...А так вообще все в порядке. Крушинскому отрубили хвост. Думаю, еще придется его сегодня зарезать...

Посетитель не дослушал телефонного разговора, боясь, что и до него дойдет очередь, он прыгнул с площадки шестого этажа в лестничный пролет».

Ну как? Все ли тут понятно непосвященным, против которых профессионалы составляют свой терминологический «заговор»? Стоит ли объяснять современному эрудированному читателю, что «загон» — это папка с подготовленными, но неоперативными материалами, что «подвал» — это место в нижней части газетной страницы так же, как «чердак» в верхней? Что «разобрать» устаревшую публикацию — значит рассыпать гранки набора и тем самым лишить автора надежды увидеть эту публикацию в газете?

А вот то, что «травление» — это важнейший процесс производства «клише», то есть заготовок иллюстративного материала для постановки в талер (специальный стол в типографии, где весь текст газеты собирается в металле), наверное, известно не каждому.

«Резать», «рубить хвосты», что называется, «ежу понятно» — сокращать уже готовые куски, которые не «встают» в отведенное для них макетом пространство. Мучительная операция — недаром именуется так зловеще. Нет такого журналиста, который бы спокойно перенес, как его публикацию «режут» по живому — сокращают. Ощущение и вправду похоже на то, что режут тебя самого. Выверен каждый слог, отточена каждая фраза, каждый абзац. И вдруг на тебе! — не терпящий возражения приказ секретариата: сократить на 20, а то и 50 строк. Два-три абзаца! У необстрелянных авторов в этот момент на глаза набегают слезы. Рождается протест: пусть совсем не печатают, чем в искореженном виде!

Но время проходит — новичок привыкает. Во-первых, писать покороче, во-вторых, сокращать себя самого даже в самый последний момент, даже по «живому».

А чтобы сокращения проходили как можно быстрее и наименее болезненно, в информационных публикациях принят метод «лида». «Лид» от английского слова lead — «вести», «ведущий» означает, что суть события излагается предельно сжато в первом же абзаце: что произошло, где и когда. А вот почему произошло и с какими последствиями — это можно изложить во втором абзаце. Собственные впечатления от события — в третьем. Материал, выстроенный по методу «лида», всегда сокращают с конца. И он немного теряет при передаче существа события. А выход номера убыстряется.

Не все советские газеты считают приемлемым метод «лида», да и не всегда он, конечно, нужен. Но уметь им пользоваться необходимо. Телеграфные агентства всего мира, и ТАСС в том числе, применяют «лид» широко и результативно.

— Так ли велик профессиональный риск в буржуазной журналистике, как иногда рассказывают?

— Это действительно так. Во-первых, риск состоит в том, что из-за неугодной строки в любой момент можно лишиться работы. Но страшнее всего, что журналист, прогневив сильных мира сего, нередко расплачивается жизнью.

Ранним июльским утром 1973 года в квартиру римского корреспондента американской радиотелевизионной компании Эй-би-си Дж. Бигона вошли двое. Грубое требование показать бумаги. Обыск. Опытный журна-

лист, знакомый с нравами своей страны, решил, что имеет дело с агентами ФБР. Попытался сопротивляться, но получил сильный удар по лицу. Дж. Бигон на время смирился. Перевернув квартиру вверх дном и покончив с обыском, неизвестные приказали журналисту следовать за ними. Дальше аэропорт Фьюмичино, Амстердам, Чикаго.

Так журналиста Дж. Бигона похитила агентура мафии. За что? За типичный профессиональный «грех»— он не только многое узнал о грандиозных валютных ма-

хинациях мафиози, он решил эти знания обнародовать. За год до того журналист уже дал одну разоблачительную корреспонденцию — сейчас он копнул глубже. Как раз в день похищения Дж. Бигон собирался в Палермо, где сержант полиции А. Сорино ждал его с пачкой важных документов. Встреча не состоялась. Журналиста наемники мафии переправили в Америку. Сержанта А. Сорино спустя полгода нашли убитым на улице.

Гангстеры мафии очередной раз торжествовали победу. После пыток и истязаний, серии уколов для «помутнения сознания» Дж. Бигону разрешили вернуться в Италию. Он выжил. Но лишился работы.

Журналиста провозгласили помешанным, похищение расценили как выдумку. И человек, отважившийся на схватку с мафией, смиренно склоняет голову перед немилостью своих хозяев. Он пишет работодателям униженное письмо: «Мой страховой полис, моя пенсия, моя репутация журналиста, моя вся жизнь и каждый заработанный цент зависят от работы в Эй-би-си».

Хозяева радиотелевизионной компании завершили месть, которую не закончила мафия, уволив журналиста за избыток инициативы, за расследование, не санкционированное хозяевами, за международную огласку его похищения.

Еще более трагична судьба репортера американской газеты «Аризона рипаблик» Д. Боллса.

В жаркий июньский полдень 1976 года на автомобильной стоянке перед отелем «Клерендон» в столице штата Аризона Фениксе раздался оглушительный взрыв. Люди, подбежавшие к развороченной машине, увидели на земле изуродованного человека, который безуспешно пытался встать из лужи крови.

«Они все-таки добрались до меня...» — прошептал он.

Через одиннадцать дней, перенеся несколько мучительных операций, Д. Боллс умер в городском госпитале.

Следствие выяснило: следы преступления ведут к организованной гангстерской клике штата, но не только к ней. Д. Боллс работал в газете четырнадцать лет и почти все это время держал в поле зрения крупные земельные спекуляции, которые вели заправилы штата. Незадолго до смерти предприимчивый репортер обнаружил связь бывшего кандидата в президенты Б. Голдуотера и его брата с преступным миром штата и всей страны.

Взрыв в Аризоне глубоко потряс лучшую часть журналистского мира Америки. Тридцать шесть репортеров со всей страны приехали в Феникс для того, чтобы продолжить расследование, которое оборвала смерть коллеги. Итогом стала серия из 23 статей — сто тысяч слов, как подсчитали иные, не писавшие этих публикаций собратья по перу. Событие примечательное, задуманное как благородный акт профессиональной солидарности, как противодействие здоровых сил нации распоясавшейся реакции и насилию.

Но что же в итоге? Результаты расследования опубли-

ковали несколько провинциальных газет с небольшими тиражами. «Левиафаны» американской журналистики, газеты «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс» дали несколько выдержек из разоблачительных материалов, снабженных своими «суперразоблачительными» комментариями. Комментарии ставили под сомнение правдоподобность фактов из Аризоны. «Левиафаны» иронизировали над вздорной идеей профессиональной солидарности, которая-де подрывает основы конкуренции в журналистике. А где же без конкуренции стимул к творчеству?

В итоге редакторы провинциальных газет, отдавшие дань назревавшей сенсации, идут на попятный, униженно расшаркиваются за опрометчивость непродуманных публикаций из штата Аризона.

Кончает самоубийством заведующий редакцией «Аризона рипаблик», еще один не переживший душевного кризиса честный журналист Т. Сэнфорд.

Непомерно высокая цена за не доведенное до конца разоблачение. Корреспондент «Литературной газеты» И. Андронов, побывав в Аризоне, рассказал о «веселой жизни» одного из друзей и соратников Д. Боллса: «Вот уже больше года, как в столице штата Аризона городе Феникс мой знакомый Элберт Ситтер ежедневно играет в прятки со смертью. Каждый вечер, закончив работу, он выходит на улицу Ван Бурен и осторожно подходит к своему автомобилю. Эл не спешит взяться за руль — он сперва обходит вокруг машины, проверяет, целы ли на дверцах, на багажнике и капоте приклеенные им кусочки прозрачной пленки. Потом тщательно осматривает кузов снизу: а вдруг там прилепили магнитную или пластиковую бомбу? И только убедившись, что все в порядке, Эл включает стартер. Мне он сказал с невеселой улыбкой:

— Бедняга Дон вот так же однажды завел свой новенький «датцун» и взлетел на воздух. Могут и меня прикончить».

Много лет мужественно играет в прятки со смертью и западногерманский репортер Г. Вальраф.

В ресторане «Шнелленбург», одном из самых дорогих в Дюссельдорфе, проходила встреча. За столом разместилось семь человек: четверо немцев и трое иностранцев — по облику и говору выходцы из Южной Европы.

Холеный пожилой господин с седыми полубаками на

отвислых щеках, в темных очках (остальные называли его «Генерал Вальтер») смаковал жареную оленину.

— Здесь отлично готовят, — сказал он. — Но теперь к делу!

Беседа велась через переводчика: генерал перешел с английского, на котором изъяснялся с трудом, на явно родной ему португальский.

— Вас, полагаю, обрадует, что наша организация насчитывает сейчас более ста тысяч человек, опытных, активных бойцов. Наш главный враг — коммунистическая партия. Задача — ликвидировать эти новые интернациональные бригады в нашей стране.

— Физически? — спросил один из немецких собеседников.

— Безусловно, — кивнул генерал. И, отведав шампанского из бокала, добавил: — Пора кончать маскарад. Я испытываю к вам полное доверие. — С этими словами он снял темные очки и привычным движением вставил под бровь монокль. Немцы переглянулись. Сомнений не было. Перед ними сидел экс-президент Португалии Антониу ди Спинола, изгнанный год назад из своей страны за попытку контрреволюционного путча.

Встреча происходила в ту самую пору, когда революционная Португалия готовилась к выборам высшего законодательного органа. Выборы должны были состояться 25 апреля 1976 года, в день второй годовщины республики. Реакция пустила в ход все: от прямого террора до посулов незамедлительной помощи, кредитов, подачек отступникам. Все силы мировой реакции направлены к одному: остановить, замедлить, прервать революционный процесс, вернуть Португалию к военной диктатуре. Главная ставка делается на «сильную личность», на выброшенного из республики генерала Антониу ди Спинола.

Разъезжая по странам большей частью инкогнито, он плетет заговоры, сколачивает силы давления на молодую республику, кроит и перекраивает план интервенции. Нити заговоров из Аргентины тянутся во Францию и Испанию. И вот ФРГ — встреча в Дюссельдорфе с руководителями неонацистов. Самый активный из собеседников генерала назвал себя Гансом, отрекомендовался секретарем подпольной неонацистской организации. Идут переговоры о поставках оружия португальским контрреволюционерам. Спинола вручает Гансу

длинный список заказанного оружия: пистолеты и реактивные минометы, мины под названием «Черная вдова». Зачем оружие? Генерал отвечает подробно: контрреволюционный мятеж назначен на июнь 1976 года, незадолго до выборов президента. Надежны ли связи? «Еще бы!» — взвинчивает свой престиж генерал. Он перечисляет сообщников в Лиссабоне, в армии, в партии «Демократический социальный центр», называет каналы связи, доверительно делится своей политической программой. Ее суть — без пощады перебить коммунистов, социалистов, либералов, вернуть предприятия и латифундии прежним владельцам.

Встреча окончена. Репортер Гюнтер Вальраф (он же секретарь Ганс) благодарит генерала за обстоятельную беседу. Все ее подробности станут известны широким кругам общественности из публикации Г. Вальрафа 6 апреля 1976 года. Рухнул заговор. Затрещала по швам политическая карьера зловещего генерала. После разоблачительного репортажа отреклись от связей с генералом многие политические деятели ФРГ, правительство Швейцарии выслало Спинолу из страны за нарушение правил для эмигрантов. Слово прогрессивного публициста помогло предотвратить путч, спасло немало человеческих жизней.

Это далеко не первая моральная и политическая победа прогрессивного журналиста. В середине шестидесятых годов, когда миролюбивое человечество боролось против кровопролития во Вьетнаме, Г. Вальраф провел дерзкий эксперимент. От имени западногерманского промышленника, якобы получившего выгодный заказ на напалмовые бомбы, репортер разослал письма видным представителям католической церкви ФРГ. Письма содержали вопрос: может ли сочетаться производство бомб с нормами христианской морали? Не возьмет ли автор письма грех на душу, если примет заказ?

Ответы пришли. Они составили очень простой по композиции и убийственный по обличительной силе материал для журнала. Цитаты из писем говорили сами за себя: если цель — уничтожение коммунистов, то господь бог простит напалм. Благословляем!

Журналист своей публикацией действительно взорвал бомбу. Богобоязненные клирики ФРГ даже не пытались отрицать свое авторство.

В уме мужественного репортера тем временем созре-

вало новое, поистине героическое решение. Он отправился в Грецию, где в ту пору хозяйничали «черные полковники», с чемоданом листовок. На центральной площади Конституции Г. Вальраф разбрасывал листовки с призывом к демократическим реформам. Его зверски избили, бросили в застенок. Речь мужественного антифашиста в афинском суде облетела мировую печать. Освобождение пришло только после свержения хунты. Все, что пережил журналист, он описал в книге «Греция — фашизм по соседству».

Нарастает острота событий в Португалии, и вот Г. Вальраф уже колесит по дорогам борющейся страны, приобретает доверие конспиративных контрреволюционных группировок, прослеживает нити заговора...

Героическая борьба. Но борьба почти в одиночку. Западногерманский репортер не лишен либералистских иллюзий, когда личное мужество готовы считать ключом к переустройству мира. Г. Вальраф уже в постоянной осаде провокационных звонков, враждебных анонимных писем, злобных выкриков в спину. После публикаций с разоблачением А. Спинолы «неизвестные» совершили поджог квартиры Г. Вальрафа. Сгорело две трети кровью обагренных архивов. Но журналист не сдался. Он вновь ринулся в борьбу со смертельной опасностью, уехав в «неизвестном направлении» собирать материал в кризисной точке планеты.

— Пожалуй, журналист нередко попадает под своенравную власть Его Величества Случая.

— Власть Случая действительно своенравна, но все же не безгранична. Здесь как и везде: Случай улыбается тем, кто умеет им пользоваться.

В Париже вышла книга К. Бренкура и М. Леблана «Репортеры» с подзаголовком «Закулисные истории и секреты одного ремесла». Большинство рассказанных в ней историй — о власти случая в журналистике. Или скорее о силе воли в достижении цели.

Жозетта Алия, одна из лучших репортеров французского журнала «Нувель обсерватер», летит в Кувейт для репортажа о визите президента Туниса Бургибы к эмиру Кувейта. Она прибывает на место в два часа ночи, но ее не желают выпускать из здания аэровокзала. Час поздний, никого говорящего по-французски не находится, она не понимает, что происходит.

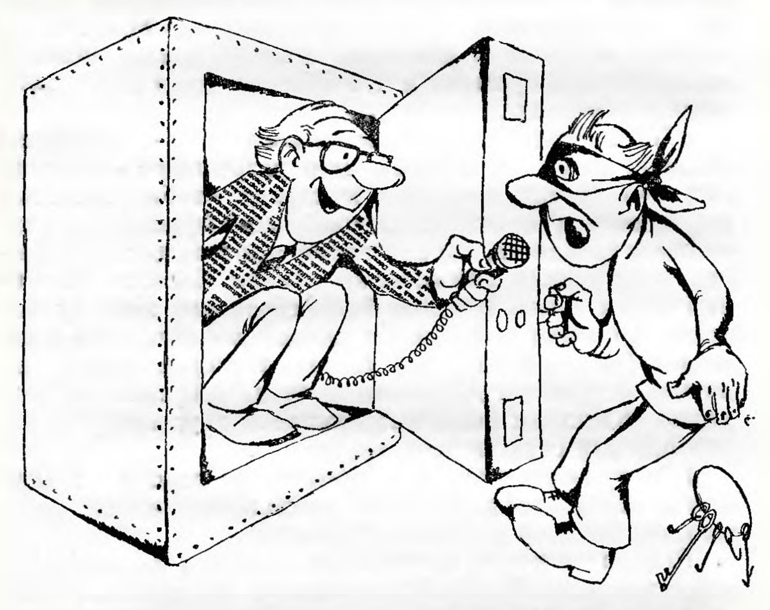
«Вдруг, — вспоминает она, — один ливанец, который летел в том же самолете, спрашивает меня, в чем дело.

— Меня не пускают в Кувейт!

— Скажите, вы прилетели со спутником? Или вас встречают?

— Да нет же! Я журналистка. Я привыкла путешествовать одна. И никто меня встречать не должен, так как о моем прибытии никто пока не извещен.

— Тогда дела плохи. Вы никогда не пройдете. В Кувейте законы строгие, и один из них запрещает оди-

ноким молодым женщинам въезд в страну. Полицейские как раз силятся объяснить, что вам придется улетать обратно первым попутным самолетом.

— Так что же мне делать?

— Что делать? Я вам помогу! Я скажу, что вы моя жена. Вас это устраивает?

— Если вам удастся убедить в этом полицейского...»

Это было делом нелегким, ибо Жозетта Алия пыталась пройти уже три или четыре раза и полицейские прекрасно видели, что она одна. Завязывается долгое препирательство, потом приносят книгу. Это святой Коран! Ливанцу предлагают поклясться на нем, что моло-

дая женщина действительно его жена. Очутившись на воле, Жозетта не знает, как его благодарить:

«— Вы поклялись на Коране. Вы для меня принесли ложную клятву. Благодарю вас тысячу раз.

— О, клятва меня совершенно не тревожит, — отвечает ливанец, — ведь я христианин-маронит».

Вот это и есть везение! Впрочем, оно не покидает Жозетту и дальше. Она узнает, что тунисская делегация и журналисты размещены во дворце эмира, и направляется туда. Да, корреспондента «Нувель обсерватер» во дворце ожидает комната. Но выясняется, что ждали журналиста отнюдь не женского пола, что комната находится в мужской половине дворца, где пребывание женщины недопустимо, и что Жозетте надо снова складывать чемоданы.

«Телохранители отвели меня в гарем, — вспоминает Жозетта Алия. — Правда, мне разрешалось свободно выходить оттуда, и когда я выходила, чтобы работать с Бургибой и тунисской делегацией, меня признавали в качестве журналиста. Но как только я возвращалась во дворец, меня направляли обратно в гарем. Это был роскошный гарем. Залы купален были огромные, как бальные залы. Они были украшены прекрасными золотыми мозаиками. Здесь обитали все женщины дворца: жены, служанки, бабушки... Жили они в очень современных комнатах. Женщины пели, рассказывали друг другу всякие истории или слушали пластинки».

В результате возник репортаж из гарема с деталями, каких давно уже не приходилось читать европейцам.

Велико ли в этой истории «всевластие» случая? Или, напротив, случайные обстоятельства подчинились целеустремленности репортера?

Рассказы о случаях — излюбленный сюжет журналистских перекуров и «трепа» в специально отведенных для этого местах, которые есть в любой редакции. «Журналист» долго печатал специальную рубрику «А вот еще был случай»...

Приобщение к таким рассказам тоже профессиональный опыт, хотя из чужих рук. Все же крупицы этого опыта обогащают начинающего журналиста, могут подсказать решение в, казалось бы, безвыходных положениях.

Член редколлегии «Правды» В. Овчинников много лет

работал собственным корреспондентом в Японии, написал несколько публицистических книг. В беседах с молодыми коллегами он нередко рассказывает о поединках, в которых скрещивают свои шпаги его превосходительство Случай и его величество Опыт.

«Однажды вечером, — вспоминает В. Овчинников, — сидя у телевизора в Токио, я узнал, что на следующее утро в порт Сасебо войдет американская подводная лодка «Морской дракон». В Японии ширятся манифестации против подобных акций. Эти сведения нужно срочно передать в редакцию «Правды». Порт недалеко от Нагасаки, на самом юге страны, добираться туда сложно. Корреспондент помчался на аэродром, с большим трудом втиснулся в уже переполненный журналистами самолет. Несмотря на серию приключений, в порт Сасебо ему удалось прибыть точно в срок. Но главные осложнения, как выяснилось, только начинались.

В самый разгар демонстрации я почувствовал на своем плече чью-то увесистую руку... Оборачиваюсь: передо мной стоят два здоровенных американца из военной полиции и спрашивают:

— Почему без каски? Вы журналист?

— Да, журналист.

— Почему же ваша редакция не снабдила вас каской с названием газеты? Ведь вы видите, что здесь все — и полицейские, и репортеры, и демонстранты — в касках. Сейчас тут начнется такая катавасия, что вам голову могут проломить... Вам непременно нужна каска.

Поблагодарив за совет, я подумал: «Представляю себе реакцию этих военных полисменов, если бы на голове у меня была каска с надписью «Правда».

Быстро набросав четыре странички, помчался в первое же почтовое отделение, чтобы передать мое сообщение по телефону в Москву, зная, что в три по местному — или в девять утра по московскому — мой токийский номер должна вызвать «Правда». Но оказалось, что все каналы телефонной связи с Сасебо заняты.

Самое ужасное для журналиста, когда у него в руках готовый материал, а передать его в редакцию нет возможности. Мелькнула мысль: у американцев здесь, в Сасебо, наверняка есть канал связи с Токио. И я направился к клубу американских офицеров. Смелым шагом вошел туда между двух стоявших у входа морских пехо-

тинцев. Увидев первый попавшийся телефон, спрашиваю:

— Как позвонить в Токио?

— Очень просто — наберите индекс.

Набрав номер токийского международного пресс-клуба и услышав знакомый голос швейцара, я сказал ему:

— Хироси-сан, позвоните, пожалуйста, на международную телефонную станцию и скажите, когда будут вызывать из Москвы Офуцин никофу, — я произнес фамилию так, как ее пишут и произносят японцы, — что я нахожусь в Сасебо по такому-то телефону.

Швейцар ответил: «Хорошо, сэр!» — и повесил трубку.

Сел за столик, заказал пиво. Не успел выпить бокал, как зазвонил телефон. Американец с военной повязкой на рукаве обратился ко мне:

— Вы просили Токио?

Беру трубку и слышу раздраженный голос нашей правдинской стенографистки Серафимы Дмитриевны:

— Передавать будете?

— Буду.

Начинаю диктовать свои четыре странички, названия даю по буквам. Тем временем вокруг меня начинается какая-то суета, беготня... Возле меня появляется дежурный из американского офицерского клуба с повязкой на рукаве, подходят еще двое...

— Простите, а кто вы такой будете? Как вы оказались здесь?

— Я из международного клуба журналистов в Токио.

— А какую газету вы представляете?

— Московскую газету «Правда».

Выставили за дверь, а у меня гора с плеч: репортаж-то в Москве».

Не растеряться в критической ситуации — это и есть верный способ умилостивить Случай.

«Дом номер двадцать девять был обыкновенным, слегка закопченным домом боковой парижской магистрали. Нижний этаж занят автомобильной прокатной конторой и гаражом. Во втором этаже на двери несколько табличек с надписями. Позвонили...

Уже пятнадцать минут, как нас пригласили сесть. На коленях лежит фотографический аппарат. Мой француз уже скучает. А я нет! Я бы просидел еще столько

же, разглядывая полуприкрытыми глазами эту заурядную и невероятную комнату.

Ведь стул, на котором я сижу, — он стоит не в партере театра, где ставят историко-революционную пьесу. Ведь здесь — настоящий царский военный штаб через пятнадцать лет после полного разгрома и изгнания белых армий!»

Таковы вступительные такты репортажа М. Кольцова «В норе у зверя». Он создан и опубликован в 1932 году. Репортер проник в самое сердце эмигрантской контрреволюции под видом французского журналиста. И вот он ждет...

«Начальник первого отдела — генерал Павел Николаевич Шатилов.

Из боковой двери выходит еще не старый мужчина с длинной кавалерийской талией. Он оправляет на ходу пиджак. И предупредительно улыбается двум приподнявшимся со стульев французским журналистам».

Бесценна важность пристальных наблюдений советского журналиста за повадками притаившегося зверя, за обликом белоэмигрантского врага: «На стене у начальника штаба русской белогвардейщины — маленькая карта Европы и большая карта Маньчжурии. На столе, поверх бумаг, пачка номеров московского журнала «Плановое хозяйство». Зверь, забившись в берлогу, все еще собирает силы к прыжку. Он не выпускает из глаз те места, в какие ему хотелось бы раньше всего вцепиться когтями и зубами...

— ...Мон женераль, вы разрешите сделать снимок?

Он что-то кокетливо бормочет о плохом освещении комнаты. Но доволен, почти в восторге. Он уже видит себя, отпечатанного нежно-коричневой краской во всю страницу роскошного французского журнала. И, предвкушает галантный текст: «Известный — ле селебр — русский генерал Поль Шатилофф, глава храбрых русских комбатантов во Франции...» Нет, милый, ты прогадал. Это совсем из другой фильмы...»

Глава российской контрреволюции тридцатых годов прогадал в заигрывании с международной реакцией, в ставке на расширение своей популярности, как и глава португальской правой эмиграции семидесятых годов. Прогрессивные журналисты во все времена проявляли массу изобретательности и отваги, чтобы выставить на публичное осмеяние зловещие призраки прошлого.

И напротив: создать всенародную поддержку, протянуть надежную руку дружбы борцам за свободу, узникам фашистских застенков.

Однажды с поезда, прибывшего в захолустный немецкий городок Зонненбург, знаменитый не парками или памятниками, а тюрьмой, сошел молодой респектабельный мужчина и уверенно направился к зданию тюрьмы. Сейчас он пройдет через три двора, через караулы и контроли, минует вместе с надзирателем «целую систему безупречно белых и безупречно стальных решеток». Кто он? Зачем пожаловал сюда? Об этом он сам расскажет, когда уедет из Зонненбурга и покинет Германию. Но сейчас ему нужно не выдать себя, сдержаться, увидев заключенного Макса Гельца.

М. Гельц, немецкий революционер-пролетарий, участник вооруженных боев в революции 1923 года, приговорен к пожизненному заключению по ложному обвинению как уголовный преступник. На борьбу за пересмотр приговора поднялись международные пролетарские силы. Каждый коммунистический митинг, каждое рабочее собрание настойчиво требуют свободы для зонненбургского узника, каждая революционная демонстрация протестует против юридической расправы, совершенной классовым судом над политическим противником. И вот сквозь систему «безупречно стальных» решеток к заключенному вестником международной солидарности проникает советский журналист. Это снова М. Кольцов, скрывшийся за псевдонимом. Это снова не просто командировка журналиста, а военный маневр, рискованная операция, подвиг. А за ним миллионный тираж публикаций об узнике зонненбургской тюрьмы, о его положении и самочувствии и бурная волна откликов, поднимающая на протест и борьбу пролетарские массы.

М. Гельц спустя годы так рассказывал об этой встрече:

«...Однажды товарищ Михаил Кольцов предстал передо мной в кабинете директора ...Зонненбургской тюрьмы. Вот он здесь, он приветствует меня, вот он обнимает меня, наполненный жизнерадостностью и солидарностью. Товарищ из первого рабочего государства явился с приветом от русских рабочих и крестьян и передал этот привет немецким товарищам, томящимся в тюрьме! Если бы директор Зонненбургской тюрьмы знал, кто со мной разговаривал, он бы в ярости немедленно прика-

зал отвести меня обратно в камеру, а Кольцову указал бы на дверь... Еще неделями и месяцами после этого события мы разговаривали в тюрьме об удаче «неистового журналиста». Эта удача принесла огромную радость всем нам и значительно отвлекла нас от ужасного одиночества тюремного заключения...»

— Говорят, для истинного журналиста не существует невыполнимых заданий.

— Думаю, говорят справедливо. В годы войны, например, знали только одну причину, по которой материал не поступал в газету: в редакцию не вернулся... Погиб.

У парадной лестницы в Центральном Доме журналистов в Москве золотом по мрамору написаны имена. Это имена журналистов, погибших при выполнении заданий в боях Великой Отечественой войны. Сто шестьдесят пять имен. Но это далеко не все. Поиски героев-журналистов, создание летописи их подвигов, увековечение их памяти продолжается.

Во многих редакциях областных, республиканских, почти во всех редакциях центральных газет созданы мемориалы в честь людей, которые не изменили профессиональному долгу под угрозой смерти.

В честь этих героев вышли четыре сборника «В редакцию не вернулся...». Здесь строки воспоминаний о тех, кто погиб, не выпуская из рук перо, разившее как штык, не опуская плавящуюся от близости огневых позиций фотокамеру. Эти книги — безмолвный торжественный реквием правофланговым профессии, их героической самоотверженности.

На титуле первой — стихи бессменного фронтового журналиста К. Симонова:

Слышишь, как порохом пахнуть стали
Передовые статьи и стихи?
Перья штампуют из той же стали,
Которая завтра пойдет на штыки.

Жестокая, ранящая сердце строка: «При выполнении боевого задания погиб военный корреспондент «Комсомольской правды» Николай Маркевич». После смерти остался дневник. На предпоследнем листке оборванная на полуслове запись:

«Мне сказали:

— Есть возможность отправиться с воздушным десантом в тыл врага.

Первое мгновенное ощущение — страх.

Но сразу же — опасение, что задание может быть передано другому, и гордость — это предложено мне. И я равнодушно говорю:

— Очень хорошо!»

Героизм без пышных слов. Главное — надо дать полноценную публикацию с самых сложных участков фронта.

Самолет, на котором летел в тыл врага журналист Н. Маркевич, сбит в районе Великих Лук. Об этом стро-

ки поэта А. Калинина, посвященные погибшему журналисту:

В крови в кармане гимнастерки
Осколки вечного пера,
В крови и он, блокнот потертый,
Со строчкой, начатой вчера...

Мысль о смертельном риске не остановила журналиста, не изменила его решения лететь на задание. Такое же решение он принял бы снова, если бы остался жить.

За образцовое выполнение задания корреспонденту армейской газеты «Знамя Родины» С. Борзенко присвоено звание Героя Советского Союза. Это произошло в октябре 1943 года. Советские войска по всему фронту перешли в наступление. Готовилось освобождение Крыма. Десант на Перекоп — заминированный, запертый перешеек — символ героизма красных бойцов «на той далекой, на гражданской». Первая высадка — разведочная, безмерно рискованная, но и безмерно необходимая. Редактор предложил: кто пойдет добровольцем? С. Борзенко быстрее других произнес «я».

Редактор заметил, что на первой полосе будет оставлено место на пятьдесят строк. Без них газета не выйдет.

Ночь выдалась штормовой, и враг не ожидал десанта. Поэтому первую часть пути миновали сносно. И вдруг три оглушительных взрыва подряд — десантники наткнулись на мины. Враг обрушил на выходящие к берегу части шквальный огонь. С. Борзенко с группой моряков оказался в первых рядах наступления. Офицера убило. Он принял командование. И вот уже освобожденный от врага поселок. Здесь десант должен занять оборону, покуда сможет прийти подкрепление...

...Пятьдесят строк остро нужны газете. Нужны для идущих на подмогу, нужны для десантников. Нужно, чтобы люди знали все, что произошло штормовой ночью, — своих героев, свои резервы. И журналист пишет эти пятьдесят строк в хмуром, как бы неуверенном еще в себе рассвете. Курьеру удалось переправить материал репортера-десантника на Большую землю. Газета вышла в срок. На первой полосе над репортажем в пятьдесят строк стоял заголовок «Наши войска ворвались в Крым». И подпись — майор С. Борзенко.

С первых дней войны стал фронтовым журналистом В. Белов, сотрудник «Московского комсомольца». Он возглавил дивизионную газету «Воин Родины», прошел с редакцией до Берлина. Это была одна из лучших дивизионных газет армии.

...29 апреля 1945 года. Последние бои в осажденном Берлине. Небольшой белый домик с выбитыми стеклами неподалеку от тюрьмы Моабит. Здесь разместилась «дивизионка». Идет обсуждение очередного номера — первомайского, праздничного, победного. «Первую полосу отвести целиком под материалы с передовых позиций», — отдает распоряжение редактор.

И вот он уже в редакционной машине по пути на командный пункт дивизии, совсем рядом с рейхстагом, доживающим последние часы.

Внезапный взрыв фаустпатрона — немцы открыли прицельный огонь по редакционной группе. Осколок фаустпатрона для редактора стал смертельным.

На следующий день победоносные войска ворвались в рейхстаг. На штурм шли солдаты 150-й стрелковой дивизии. В их карманах лежал свежий номер газеты «Воин Родины» — последний номер, подписанный редактором В. Беловым.

Еще одна судьба — ленинградский журналист Вл. Ардашников. Человек, никогда не служивший в армии, слабый здоровьем и близорукий, он с первых дней войны ушел на передовые позиции. Стал сотрудником газеты Ленинградского фронта «На страже Родины» и погиб как солдат, в наступлении. В память Вл. Ардашникова сложены стихи его другом, коллегой, поэтом Вс. Азаровым. Их трудно читать без волнения.

Был недолгим привал. Он статью не успел дописать.
Он погиб в наступленьи. Он жил ожиданьем рассвета.
Я пишу потому, что грозóвы опять небеса.
И проходит сквозь бурю бессонная наша планета.
Я пишу потому, что, подобное стали штыка,
Это слово в сказаньях победы оставило след свой.
Я пишу потому, что его боевая строка,
Мир и счастье храня, переходит к живым, как наследство!

Неподалеку от Брянска, в знаменитых партизанских лесах, стоит небольшой постамент-памятник погибшим журналистам фронтовой газеты. На этом месте был подорван миной нехитрый реквизит походной типографии, смерть настигла почти весь коллектив редакции.

Это пока единственный памятник именно фронтовым журналистам. Их будет больше — в камне, мраморе, бронзе — и журналистам-героям, и редакционным коллективам.

Но главный памятник воздвигнут ими самими — это номера армейских, дивизионных, партизанских газет, это строки фронтовых корреспонденций, пропитанные кровью сражений, это газетная летопись подвига советского народа.

Газетную летопись времен войны создавали не только профессиональные журналисты. Ее писал весь народ.

На оккупированных территориях, в партизанских отрядах регулярно выходили боевые листки, подпольные газеты — вестники несгибаемого народного духа, неукротимой воли к победе. Гильза патрона заменяла чернильницу, кусок обоев — газетную бумагу, «печатались» материалы от руки, издавались подчас в одном экземпляре. Но издавались. И укрепляли в людях стойкость, мужество, веру в победу правого дела. Об одной из партизанских газет, «Коммуне», «Правда» писала 8 мая 1942 года: «Крохотные странички «Коммуны» несут населению оккупированных немцами районов слова великой большевистской правды. В музее Отечественной войны комплект этой газеты займет почетное место наравне с грозным боевым оружием».

Незадолго до тридцатилетия Победы «Правда» вернулась к страницам прославленной партизанской газеты. Ее сотрудник И. Виноградов рассказал: «Газету набирали прямо в болоте, маскируясь от фашистских самолетов, а ночью выезжали в село и на обычном деревенском столе устанавливали полосу. Печатник Егоров брал в руки лист бумаги, слегка опрыскивал его водой, накладывал на шрифт, а сверху постукивал простой сапожной щеткой. И так четыреста раз, пока не был отпечатан весь тираж».

И вот уже истосковавшиеся по родному слову читатели слушают (газета нередко читалась сообща) правду, несущую веру и надежду. Вот сообщение под заголовком «Как Иван Сусанин»:

«Фашистам, вдоволь поиздевавшимся над крестьянами деревни Мухарево, понадобилось в Гнилице. Проводником они взяли Семенова Михаила. Он поступил с немцами так, как в далекие времена сделал Иван Сусанин: завел вражескую колонну в лес, великолепно зная дорогу, всю ночь плутал, а под утро привел гитлеровцев опять же к Мухареву. Погибая от руки ненавистных оккупантов, Семенов бросил им в лицо: — А вы думали — русский человек вам, гадам, помогать будет?»

В таких и подобных бесхитростных строках запечатлен беспримерный подвиг народа.

Советские журналисты свято хранят память о погибших на посту коллегах. Писатель, прошедший в качестве журналиста дорогами войны, К. Симонов прекрасно сказал о них: «...Вместе с нами, дожившими до конца войны и писавшими свои последние военные корреспон-

денции с берегов Эльбы, из Кенигсберга, Берлина, Праги, Вены, там незримо присутствовали и наши товарищи, не дожившие до грозных и счастливых дней победы, но, пока они дышали, жили, держали в руках перо, делавшие все, что было в их человеческих силах, ради того, чтобы эта победа пришла!»

— Как по-вашему, что такое журналистский талант? В чем основа призвания?

— О природе любого таланта усиленно спорят ученые и не находят достаточно строгих определений. Со мной, разумеется, тоже не все согласятся. Но я глубоко убежден: в основе призвания к журналистике лежит особый склад души, непременный стержень характера. Имя ему — социальная активность.

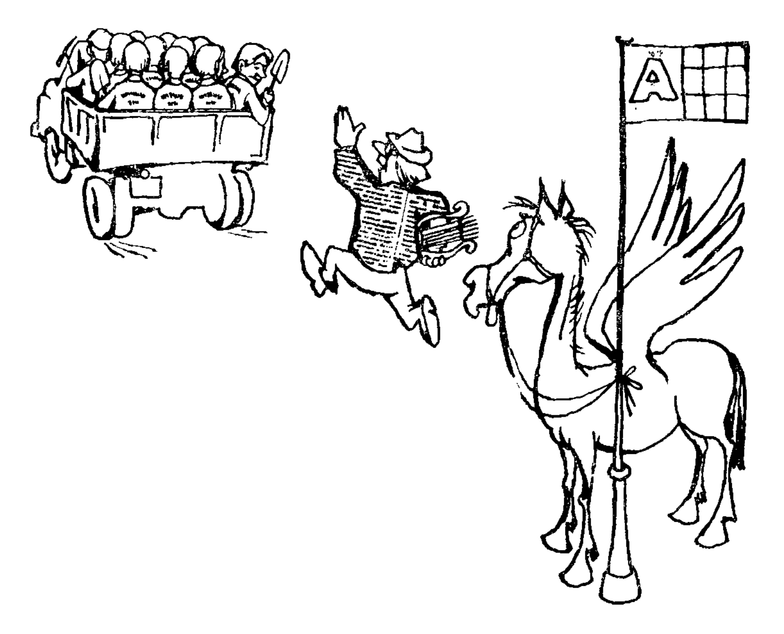
Известный английский драматург Б. Шоу говорил шутя, что любая профессия — это заговор против профанов. В ней всегда есть пружины, скрытые от посторонних глаз. Но именно они-то и оказываются главными. С этой точки зрения журналистика прямо-таки ловушка для профанов. Первый уровень заблуждений выражается словами: «Я решил стать журналистом, потому что мне показалось, что писать очень легко». Это слишком уж наивное мнение, с которым и спорить не стоит.

Но вот другое заблуждение, посерьезней. Оно в том, что мастерство журналиста измеряется только мастерством владения словом. Это неверно. Корреспондент Т. Чугай точно высказалась на этот счет на страницах «Журналиста»: «Конечно, уметь писать — обязательно, причем это умение совершенствуется всю жизнь... Но оно не цель, а средство, не существо журналистского дела, а только условие для того, чтобы заниматься этим делом. Вы не скажете, к примеру, что зрение — суть работы шофера. Однако слепого шофера быть не может, зрение — обязательное условие для вождения автомобиля. Так и здесь».

Уметь чувствовать слово, шлифовать фразу, точно выражать свою и не свою мысль — качества для журналиста абсолютно необходимые. Но журналисту необходимо иметь талант и другого рода. Он должен обладать живостью темперамента, стремлением активно вмешиваться в жизнь общества, готовностью к постоянному поиску нового, к преодолению инерции взглядов. Такое отношение обязательно должно предшествовать «мукам

слова», хотя вовсе не заменяет, не устраняет их. Лучшие из журналистов не раз и не два отмечали неизбежность именно такого «отсчета» по шкале профессиональных достоинств.

В. Ленин с глубоким огорчением писал о журналистской неполноценности яркого литератора А. Богданова: «Политическая точка зрения на сотрудничество того или другого литератора в рабочей прессе состоит в том, чтобы судить об этом не с точки зрения стиля, остроумия, популяризаторского таланта данного писателя, а с точ-

ки зрения его направления в целом, с точки зрения того, *что́* несет он своим учением в рабочие массы».

Быть журналистом — значит не только ездить, смотреть, отбирать, писать — это значит особым образом жить. Эта мысль высказана журналистом М. Кольцовым и заверена каждым днем его творческой биографии, каждой строкой его произведений. Сам он судил об этом так: «Почтой начинается «первый рабочий день». В нем нет ничего от традиционного литературного образа жизни. Разъезды по заседаниям и учреждениям, частые визиты в суд и в контрольную комиссию, где решаются в

присутствии автора судьбы его невыдуманных героев, бесчисленные встречи с бесчисленными людьми... Фабрика, студенческие общежития, научные лаборатории — все мелькает перед глазами, все кричит о себе непрерывными победами и завоеваниями создающейся социалистической страны и одновременно вопиющими своими недостатками и прорехами. Все надо посмотреть, почувствовать, оценить и не ошибиться. Надо быть честным «ухом и глазом» своих читателей, не злоупотреблять их доверием, не утруждать их чепухой под видом важного и не упускать мелочи, определяющие собой крупное!

После обеда — «второй рабочий день», от шести до двенадцати. Очень часто начинается он с докладов или выступлений на заводе. Затем — прием посетителей в редакции. И, наконец, около десяти вечера, после всего описанного, начинается диктовка фельетона».

К этому темпу и ритму жизни необходимо иметь или врожденную, или приобретенную склонность, то самое, что можно назвать журналистским талантом, призванием.

Иначе почти неизбежно исподволь накапливаются раздражение и усталость, ощущение, что газетная текучка «заедает жизнь», что на главное — на писательский труд, на глобальные размышления — не хватает времени. Где уж тут выкроить время «для чистого творчества» при кольцовском распорядке дня! Но он выкраивал, хотя и с оттенком грусти шутил при этом: «Очень часто я напоминаю себе трамвай, набитый пассажирами, как селедками, обвисший людьми на подножках и буферах, дико трезвонящий на прохожих, пропускающий остановки».

«Верен ли выбор?» — спрашивал журнал «Журналист» в конце 1975 года читателей, которые прислали в редакцию письма о своем стремлении стать журналистами, просили совета.

Все эти письма — признания в любви к «сочинительству». Но ведь любовь к сочинениям и стихам совсем еще не означает любовь к журналистике. Публицист журнала А. Щербаков разъясняет: «Можно научиться сносно писать. Можно усвоить те или иные знания. Но если, кроме благородной страсти печататься, вы не испытываете еще стремления, не боясь синяков и шишек, вмешиваться в жизнь, в ее конкретные ситуации, непро-

стые, трудные, не всегда приятные, если вы не готовы к таким часто совсем не романтичным делам, отбросьте мысль о журналистике, она пришла к вам от незнания профессии. А в ней, несмотря на всю ее привлекательность, как и в любой профессии, всего больше черновых работ и трудов».

Каждая профессия «заговор против профанов» как раз потому, что предстает перед ними всегда своей «итоговой» частью, конечными результатами, в «парадном мундире». Но тем, кто идет не на парад, а в трудные будни профессии, полезно не раз и не два примерить ее «рабочую робу». И тогда, только тогда отыщутся подлинные ответы на вопросы, подобные тем, которыми открыл очередной разговор о призвании журнал «Журналист». Дискуссия начиналась письмом, типичным по «уровням заблуждений»:

«Почему сегодня многим хочется писать? Может, этим многим кажется, что писать легче, чем стоять у станка или добывать руду? А может, этим многим просто хочется запечатлеть свою фамилию и инициалы на газетной странице; или у них работа журналиста ассоциируется с богатыми гостиницами в различных городах мира и с возможностью завести многочисленные знакомства?

Все эти вопросы беспрестанно преследуют меня... Ведь я хочу стать журналистом.

...Но передо мной встает еще один вопрос, и, наверное, самый главный. Стоит ли мне поступать на этот факультет? Будет ли мне радостно писать, будет ли это смыслом жизни? Будет ли интересно? Не знаю...»

«Чтобы понять, нужно эмпирически начать понимание...» — замечает в «Философских тетрадях» В. Ленин. Чтобы ответить на вопрос о призвании, надо деятельно, а не умозрительно соприкоснуться с ним. Для тех, кто мечтает о журналистике, это значит начать нештатное сотрудничество в ближайшей газете. В нашей стране такой путь открыт для всех.

— Вот так-таки взять и начать сотрудничать... Что-то это чересчур оптимистично звучит. А вдруг не получится! Скорее всего первый текст любого нештатного автора будет неуклюж, «размазан». Его, конечно, не напечатают.

— Может быть, в первый раз не напечатают. Но под-

скажут, помогут, объяснят неудачу. И обязательно предложат пробовать еще и еще раз.

Статья пятидесятая Основного Закона Союза Советских Социалистических Республик, всенародно обсужденной и принятой Конституции, гласит: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио».

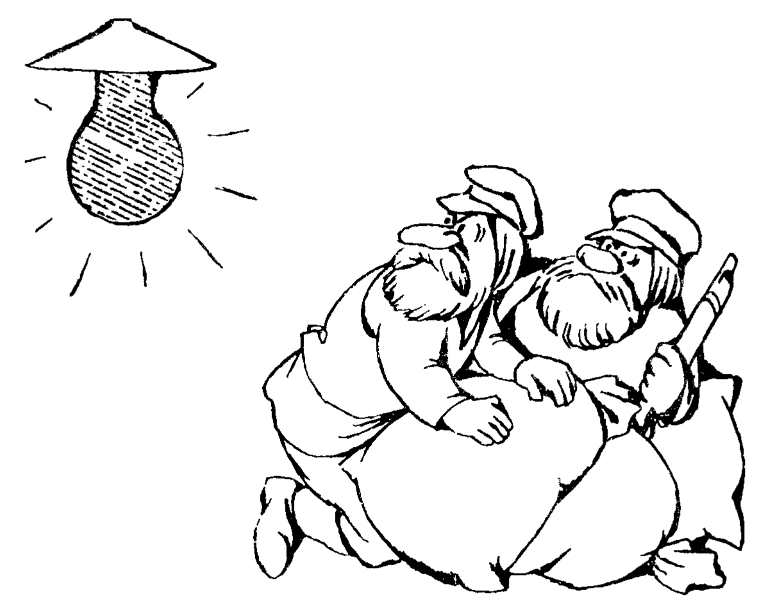
Право каждого человека быть выслушанным другими, вынести свои соображения (разумеется, соображения здравые, обоснованные) на всенародную трибуну газетного, журнального листа лежит в основе всей редакционной работы. По нашим профессиональным нормам больше половины публикаций в общественно-политическом издании принадлежит нештатным авторам: рабочим, колхозникам, педагогам, ученым — полпредам народа. Журналистика выступает гибким, оперативным, предельно демократичным инструментом народной власти.

Для нас стало привычным, что, разворачивая любую газету, мы видим подписи бригадира, ткачихи, начальника отдела, пенсионера, учащегося... Как правило, таких подписей больше, чем имен профессиональных журналистов. Достигнуть этого и сегодня бывает непросто — не всегда люди других профессий находят возможность, время и желание внести свою лепту в журналистику. Приходится убеждать, помогать, подсказывать... Снова и снова доносить до сознания каждого мысль К. Маркса: журналистика лишь тогда жизненна и полезна, когда до тонкостей выражает подлинный дух народа.

Сейчас присутствие на страницах газет «миллиона единственных друзей» газеты, как выразился В. Маяковский, — необходимая норма повседневной работы. Путь к ней был далеко не прямой и гладкий. С первых шагов своей редакторской деятельности В. Ленин настаивал на необходимости работы с нештатными сотрудниками. «Это недоразумение, — писал он, — будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональ-

ном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов».

Уметь находить, обучать, воспитывать нештатных авторов для любого издания ничуть не менее важно, чем уметь писать самому. «Нештатный отдел», «рабкоровский пост», «клуб друзей газеты» — понятия, рожденные новым типом советской журналистики, их формиро-

вали с первых послереволюционных лет. Массовые органы печати для рабочих и крестьян «Беднота» и «Рабочая газета» впервые вынесли на свои страницы имена участников «широких коллегий» — рядовых читателей, избранных в редколлегию.

«Как же случилось, что и я сделался писателем в крестьянской газете «Беднота»? — с юмором рассказывал на совещании крестьянских корреспондентов в 1923 году член «широкой коллегии», потомственный крестьянин О. Чернов. — Да очень просто. Нам случилось зайти в редакцию «Бедноты» к тов. Грандову (в ту пору заместитель редактора. — *В. У.*). Детина он очень бес-

церемонный. Схватил нас за шиворот, да и приказал сделаться корреспондентами. И получился толк. Я назад тому три года ни одной строчки не писал, а теперь, вы видите, я могу передавать свои мысли как следует».

За шуткой скрывалась глубокая правда о формировании принципиально новых связей с читателями принципиально нового типа прессы.

А вот что предприняла «Рабочая газета» для расширения круга друзей газеты, для пробуждения в массах людей «благородной страсти печататься». В одном из апрельских номеров 1923 года сообщалось: «Мы открываем «Зал депеш» — отделение редакции в рабочем районе... Какова задача отделения и что это за штука «Зал депеш»? Подвинуть газету ближе к рабочим массам, заинтересовать всех — вот его основная задача. Для этого «Зал депеш» дает на своих окнах, стенах, специальных щитах и на световом экране самые свежие новости, последние телеграммы. Сообщения будут меняться несколько раз в день.

О чем будет сообщать «Зал депеш»?

Обо всем, что может интересовать рабочего: о последних событиях в Руре, о новых декретах Советской власти, о перемене часов работы районной бани. Сообщения будут снабжаться фотографиями, световым экраном, шаржами, карикатурами, портретами.

В «Зале депеш» рабочий может получить любую справку: адрес страховой кассы, цену билета в театре, номер телефона пожарной части, адрес инспектора труда, расписание отхода и прихода поездов. Если рабочий нуждается в юридической помощи, в том, чтобы разобраться в законах жилищных, охраны труда и др., «Зал депеш» немедленно приходит ему на помощь. На всякий вопрос из области науки, искусства, политики немедленно или на другой день ему дается ответ. Если вопрос имеет общий интерес, он подробно освещается либо в «Рабочей газете», либо путем специальной лекции».

В то далекое время профессиональный ежемесячник «Журналист» вел постоянную рубрику «Под огнем». Вражеская пуля нередко настигала рабочих и сельских корреспондентов из народа, тех, кто раскрывал происки сломленного, но несдавшегося классового врага Угрозы, подкупы, ножи, обрезы — все идет в ход, когда слабеющие силы прошлого стремятся задушить голос правды, помешать ему.

Я листал
Журнал «Журналист».
Я прочитал
Этот черный лист.
Перед глазами стоит с тех пор
Мелких строчек немой укор:
«Ранен рабкор...»,
«Избит рабкор...»,
«Ранен селькор...»,
«Убит селькор...»
. . . .
Бережно сжал
В обложках журнал
Черный траурный лист.
Это — как памятник тем,
Кто пал
В боях за социализм.

Вся страна встала в почетный караул у праха погибших в этих схватках народных журналистов Н. Спиридонова, Г. Маликова, П. Спирина, И. Давыдова. Типографская краска вновь и вновь обагрялась кровью, но это не останавливало советских рабселькоров и журналистов.

В степном селении Дымовка принял смерть от кулацких убийц селькор Г. Малиновский. Страна ответила на этот злодейский поступок призывом множить ряды добровольных помощников рабоче-крестьянских газет. Призыв был услышан — приток рабселькоровских материалов в редакции заметно увеличился.

В. Маяковский писал, обращаясь к народным полпредам журналистики:

Знаем
печатного слова вес,
не устрашит
ни донос,
ни обрез.
Пишет рабкор.
Рабкор —
проводник
ленинских дел
и ленинских книг...
И от того,
что пишет рабкор,
сохнет
белогвардеец и вор.
Вперед, рабкоры!
Лозунг рабкорин:
— Пишите в упор!
— Смотрите в корень!

Традиции эти живут в наши дни. При редакциях центральных и областных газет работают общественные приемные, где журналисты, юристы встречаются с читателями. Существует и много других форм организационно-массовой работы в советской журналистике.

Встречались в новом деле, до того неизвестном мировой практике — в рабселькоровском движении, — неизбежные накладки. Таким оказался поход за выборность рабселькоров. На человека возлагали общественное поручение — регулярно писать в газету. Далеко не всегда он был способен такое поручение выполнить, тем более если не было желания, внутренней потребности. Поэтому обязательный статус «друзей газеты» сменился добровольным, хотя и весьма желательным.

Случалось, борьба за число нештатных друзей газеты приводила к превышению реальных потребностей. Сотрудник «Правды» тридцатых годов С. Гершберг рассказал в книге воспоминаний об одном из рейдов на Донецком металлургическом заводе, проведенном в конце ноября 1931 года. По предложению журналистов партком завода решил проверить силами рабочих состояние дел одновременно на двухстах объектах — производственных, снабженческих, бытовых — и осветить это в печати. «Требовалась примерно тысяча человек — по 5 членов в каждую рейдовую бригаду. Накануне дня рейда возникло беспокойство — соберется ли столько людей? Но каково было наше удивление, когда в назначенный день, ранним утром 25 ноября, к месту сбора — заводскому парткому — начали приходить колонны людей со знаменами и оркестрами! Это шли целые смены!

Удивление уступило место волнению, волнение — тревоге, тревога — страху: что же мы будем делать с такой массой? Судя по рапортичкам цехпарторгов, пришло три тысячи человек! В спешном порядке пришлось число проверяемых объектов удвоить. Но на второй день рейда явилось пять тысяч! Разбужены духи, с которыми мы совладать не сможем. Куда посылать людей? Такой силы хватило бы, чтобы проверить и перетрясти половину Донбасса. Пришлось только часть взять для рейда... В конце концов это послужило большой встряской, насытило боевым духом всю общественную жизнь завода. Политическая активность стала особенно зримой, вещной».

Газета «Правда», опубликовав главные итоги массо-

вого рейда, резко критиковала руководство завода за невнимание к быту рабочих. Но выявить недостатки — это еще полдела. Как их устранять? И здесь журналисты бросили новый клич: «Проверяли тысячи — тысячи возьмутся за ликвидацию прорыва». Что это означало практически? На десятках участков были созданы постоянные контрольные рабкоровские посты. Любые неполадки оперативно выносились на суд общественности, виновные в халатности, ротозействе, просчетах, неповоротливости получали порицание. Рабкоровские посты давали хорошие результаты.

Ночь на контрольном посту.

«Звонки, звонки, звонки... Нет угля. «Забурились» пути. Не подают паровоза. Сломали кран. Не на месте разгрузили руду. Кто виноват? Хочется распутать один случай — хотя бы с неправильной разгрузкой руды. Десятники сваливают вину на экспедиторов, экспедиторы — на агентов, агенты — на коммерческий отдел, коммерческий отдел — на железнодорожный цех, железнодорожники — на десятников, десятники — опять на экспедиторов... И начинай сначала!

Рабкоровские посты были ценны, между прочим, и тем, что выявляли конкретных виновников больших и малых происшествий, писали о них в газету, требовали привлечения к ответу».

Деловая, конкретная помощь газеты, казалось, открывала второе и третье дыхание у тех, кто сражался в самых горячих местах трудового фронта.

И в годы войны не прерывалась эта традиция. «Комсомольская правда» за военный период сформировала тридцать восемь выездных редакций. Они действовали в Кривом Роге и в Башкирии, на заводах Куйбышева и на шахтах Донбасса, на Днепрогэсе и в Вологде. Двенадцать номеров и пять специальных выпусков «выездные» «Комсомолки» создали и распространили в тылу врага.

А сегодня? Сегодня у «Комсомольской правды» семь подшефных строек: БАМ, Нечерноземье, «Атоммаш», строительство города Нижневартовска, Саяно-Шушенская ГЭС, Чебоксарский тракторострой и хлопчатобумажное объединение в Душанбе. О последнем шефстве стоит рассказать особо.

Корреспонденты «Комсомолки» В. Фронин и Е. Чернов помогали провести Всесоюзное комсомольское собрание под девизом «Решения XXV съезда КПСС — вы-

полним!» на Душанбинском хлопчатобумажном комбинате. Это головное предприятие отрасли уже одиннадцать лет находится в затяжном прорыве, не выполняет государственный план. Комсомольское собрание решило: объявить отстающий комбинат республиканской комсомольской стройкой качества, просить «Комсомольскую правду» стать шефом предприятия.

И началась борьба за выход из прорыва. Газета выступила координатором в работе заинтересованных ведомств, стала во главе коренной перестройки управления на комбинате. Состоялось обсуждение в Министерстве легкой промышленности СССР. В Душанбе выехала бригада ученых-специалистов. И вновь ярко заявила о себе давняя журналистская традиция конкурсов.

«Комсомольская правда» объявила конкурс молодых командиров производства, претендентов на замещение должностей начальников трех отстающих цехов. Об этом газета сообщила 3 июля 1976 года. Жюри конкурса возглавили министр легкой промышленности Таджикистана Т. Мирхаликов и первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана А. Сатаров.

Семь дней продолжался смотр командиров производства. Восемь претендентов прошли перед жюри. Они изучали уровень технологии и организации производства в отстающих цехах, стремились найти узкие места, разобраться в расстановке сил, в том, чем дышат люди на разных производственных участках. Свои наблюдения, мысли и предложения претенденты изложили в рефератах, а затем защищали их в присутствии десятков людей. Они поочередно под наблюдением жюри работали как начальники цехов, рассматривали заявления об увольнении, докладные записки мастеров, выступали перед учениками подшефной школы, оформляли зал образцов тканей, рецензировали фильмы и книги по профессии.

Общественный всесоюзный выбор молодых командиров производства сделан. Газета продолжает пристально следить за трудом победителей открытого конкурса, за ритмичной работой комбината.

А на редакционных планерках в Голубом зале «Комсомолки» рождаются новые планы. И тот, кто решил стать журналистом, должен помнить, говоря словами поэтессы Н. Матвеевой, что он «не факты воспевать, а действовать пришел». Подтверждения этих слов — в ежедневной работе лучших советских журналистов.

— Можно ли в единой краткой формуле выразить основную суть журналистской профессии?

— Думаю, да. Такая формула существует. Это определение В. Ленина: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

В. Ленин высказал эту идею, ставшую научным и политическим открытием, создавая газету «Искра». У него нашлись ярые оппоненты: российские социал-демократы недоумевали, как можно организационно обеспечить напечатанные в газете слова. В. Ленин объяснял: необходимо совместить работу в газете с революционно-преобразующей деятельностью тех, кто станет под знамя «Искры».

С тех пор стало правилом: советскому журналисту надо не только уметь думать, уметь писать. Столь же важно энергично, целенаправленно, по-партийному умно объединять людей, побуждать их к действию. И действовать самому не ради узкой журналистской корысти, не только ради нескольких строчек в газете. Порой и просто ради поддержки доброго дела, проверки ценной идеи, борьбы с житейской несправедливостью. Если с помощью журналистов важная цель достигнута, что-то в жизни изменено к лучшему, строки об этом найдут дорогу и в эфир, и на газетную полосу.

«Кому быть дирижером?» — этот вопрос корреспондент «Правды» В. Шилов задал не в связи с программой симфонического оркестра, а по поводу организации дела на одном из крупнейших участков энергетического строительства — индустриальном гиганте «Атоммаше». Стройка, устремленная в будущее: здесь создается завод для серийного выпуска мощных атомных электростанций. В разгаре отлаженных плановых работ неожиданно затянувшееся нарушение графиков. В чем причина? Корреспондент «Правды» тщательно ее исследует. Цель журналиста — проанализировав причины прорыва, досконально и всесторонне объяснить не только строителям «Атоммаша», но и многим людям, так или иначе связанным со стройкой, на чем сосредоточить поиск и помощь. И причина была найдена: недостаточная четкость в координации действий различных отраслей, обслуживающих стройку. Анализ показал, что необходимо изменить структуру комплексного руководства стройкой.

«Представьте такую ситуацию, — пишет корреспондент. — Музыканты заняли свои стулья. Вот уже и третий звонок, а место у пульта с раскрытой партитурой пустует. Допустим, что, не дожидаясь дирижера, скрипачи вскинут смычки, пианист ударит по клавишам, тромбонисты дунут в трубы Сколько бы индивидуального мастерства они ни проявляли, единого ансамбля не получится».

Сопоставление не надуманно, не поверхностно. Тридцать специализированных подразделений «Атоммаша»

перевыполнили свои полугодовые планы, а общий план строительства оказался за тот же период сорван. В чем же дело? Корреспондент формулирует коренную причину: «В сводном строительном оркестре постоянно пустует дирижерское место».

Из публикации очевидно — надо совершенствовать экономические и организационные методы управления капитальным строительством. «Правда» не ограничивает эту проблему только преодолимыми просчетами на «Атоммаше». Газета ставит вопрос о новом качестве руководства промышленно-территориальными комплексами вообще, подсказывая варианты решений, выдвигает их

на всеобщий суд. И тем самым будит коллективную мысль, народную инициативу, концентрирует усилия общества.

Публикация «Правды» организационно очень помогла «Атоммашу». Коллегии связанных со строительством министерств обсудили вопрос газеты «кому быть дирижером?» и, разумеется, нашли решение.

А без помощи журналиста решения бы не нашли? — удивится иной читатель. Отчего же, нашли бы со временем «дирижера» и без тактичной подсказки прессы. Но ушло бы драгоценное время. А потеря темпа в гигантском строительстве — легко представить себе, что это значит. Журналист-организатор ускоряет темпы и тем сберегает общественное время и силы.

Еще одна серьезная проблема.

Как улучшить работу с подростками в родном городе, на своей улице, в своем дворе? Многие журналисты размышляют над этим, много советов, рекомендаций появилось за последние годы на страницах книг, газет, на телеэкранах.

Журналисты орловской молодежной газеты решили от советов и пожеланий перейти к решительным действиям. Однажды в полосе появилась афишка: объявляется конкурс самодеятельных гитаристов. Возраст без ограничения. Хочешь прийти — напиши заявку, укажи названия трех песен, которые намерен исполнить. Главный приз за исполнение — гитара, за лучшую авторскую песню — годовой пропуск на концерты филармонии.

Отклик на объявление редакция получила не сразу. Но вот пришел один подросток, за ним еще трое. И потянулись желающие принять участие в конкурсе.

Наконец долгожданный день конкурса. Проверка ребячьих талантов? Не только. Проверка и ценности редакционной затеи. Придет ли кто-нибудь слушать самодеятельных музыкантов? Удастся ли продолжить задуманное?

Удалось.

Зрительный зал едва смог вместить пришедших «болеть» за друзей и знакомых. В итоге этой журналистской «акции» возник при редакции клуб «Семь нот в тишине». Вошли туда и победители и побежденные. Начали готовить широкое представление в жанре политической песни.

Затем второй тур состязания «Большая гитара».

На него именными приглашениями собрали «трудных» подростков, стоящих на учете в милиции. Многие откликнулись, пришли на концерт.

Обо всем этом орловские журналисты регулярно по пятницам рассказывали в газете. Ответ — новые заявки в клуб политической песни от ребят, и новые запросы, и новые письма. Из «глубинки» Орловской области пришло письмо: «Дорогой политический клуб! Спрашиваю у тебя совета — больше не у кого спросить. Вот берешь аккорд в мажоре. Указательный палец на второй струне, средний — здесь (нарисовал), а чем зажать четвертую струну?»

И к этому, и к другим подобным письмам орловские журналисты относятся серьезно. Дело их продолжается.

Вместе с ним продолжается давняя традиция советской журналистики — прямое участие редакций в острейших заботах повседневности.

«Но однажды это случается. Однажды случается, — говорят авторы книги о тележурналистах «Репортаж с линии горизонта». — Журналист натыкается на самое главное дело в жизни. Паста в авторучке еще не высохла, а копирка в машинке заряжена в трех экземплярах, и микрофон пока что не отказал, но все это внезапно становится не самым важным. Человек вдруг надевает маску электросварщика, по ночам лихорадочно листает путеводитель по горному Тибету, неумело принимает из рук медсестры шприц для подкожных инъекций...

Кто-то спускается на морское дно, кто-то отправляется на поиски снежного человека, а еще кто-то начинает латать списанные дирижабли.

Виталий Вишневский — комментатор Ленинградского телевидения, хорошо знакомый зрителям по выпускам «Горизонта», — взял однажды отпуск за свой счет и вывез сто двадцать отъявленных сорванцов, так называемых «трудных» подростков, в самодеятельный лагерь, который был разбит за триста километров от города».

Так началась «закадровая» жизнь телевизионного журналиста. И длилась несколько летних отпусков. А поводом к этому неожиданному занятию была работа над передачей под рубрикой «Каким ты станешь, парень?». Но только поводом — не причиной. Причина в жажде докопаться до сути трудных судеб неблагополучных подростков и не просто сообщить об этих судьбах

(пусть другие принимают меры), но сейчас, немедленно, безотлагательно своими силами что-то изменить в них.

Жизнь на время как бы оттеснила журналистику. Организация лагеря стала главной заботой В. Вишневского, для основного дела как будто побочной. Лагерь создавался не ради телепрограммы — для ребят и только для ребят. То, что воспитателем выступает телекомментатор, никак не определяло смысл и стиль лагерной жизни.

Журналист позднее рассказывал: «И стали мы жить. Легко сказать — жить... Ребят надо было занять двадцать четыре часа в сутки, всех накормить, сделать так, чтобы всем было интересно и не произошло что-нибудь, что могло поставить под сомнение идею лагеря в целом.

В общем, спать приходилось по два-три часа. Единственно, на что меня не хватало, так это на журналистику. Дело, конечно, было не в лени и не в безумной занятости, а в том, что у меня установились такие отношения с ребятами, которые исключали возможность рассматривать моих мальчиков как некий «телевизионный объект».

Нужно было найти единственно верную интонацию разговора и решить для себя, что можно, что нельзя. В противном случае получилось бы, что я выступаю чуть ли не в роли соглядатая! Предаю их, что ли... Ведь они часто делились со мной тем, чем вряд ли поделились бы с журналистом. Это все равно, что жениться на девушке и еженедельно вести телерепортаж: «Как себя чувствует моя жена».

Конечно, впоследствии весь огромный запас впечатлений журналист использовал в своей профессиональной работе. Но важно уметь сконцентрировать этот запас, не разменяться по мелочам, выдержать разумную дистанцию: «сначала жить — потом писать».

Наводит на подобные размышления и яркий пример из творческого опыта очеркиста «Комсомольской правды» А. Иващенко. Готовя один из очерков, он обнаружил поразительные свидетельства о высокой урожайности пшеницы, которой в давние времена достигали русские полеводы. Приемы, к которым они прибегали, с тех пор забылись. Журналист выступил с предложением восстановить ценнейший опыт. Материал вызвал бурную и разноречивую реакцию. Мнения научных авторитетов разделились: одни горячо приветствовали вы-

ступление газеты, другие не менее горячо опровергали.

А что же журналист? Спокойно наблюдал, отойдя в сторонку и радуясь произведенному эффекту? Пожалуй, если и так, никто не вправе был бы его обвинить. Его роль — рупора гласности, глашатая передовых идей как будто исполнена. Но в том-то и дело, что идея нуждалась в дополнительных доказательствах. При активной поддержке газеты заложены опытные делянки на Кубани, Украине, в Подмосковье, Прибалтике. По словам редактора «Комсомольской правды» той поры Б. Панкина, «возникло... необычное научно-исследовательское объединение с «председателем» в лице Иващенко, «головным учреждением» в виде двух комнат отдела сельской молодежи «Комсомольской правды» и «филиалами» по всей стране под опекой энтузиастов разных возрастов и званий».

Итоги деятельности экспериментаторов, журналистов и газеты обсудило заседание ВАСХНИЛ. С докладом в этом высшем научно-сельскохозяйственном учреждении страны наряду с известным академиком выступил и журналист А. Иващенко. Специалисты, обсудив полученные экспериментально данные, безоговорочно одобрили дело, за которое боролась газета. Организационная работа подтвердила действенность газетных строк.

— Я вижу, с выпуском в свет публикации заботы журналиста о ней не кончаются.

— Главные заботы, бывает, только тогда и начинаются. В профессиональном разговоре часто звучит термин «действенность» выступления. Имеются в виду перемены в жизни, которые произошли после выступления журналиста.

Действенность — норма советской журналистики. В 1962 году издано постановление ЦК КПСС «О повышении действенности выступлений советской печати». Оно касается и радио и тележурналистики. Программное требование Центрального Комитета партии — ответ делом на выступления периодических органов. Оно адресовано всем без исключения — от руководителей министерств до самых «партикулярных» личностей.

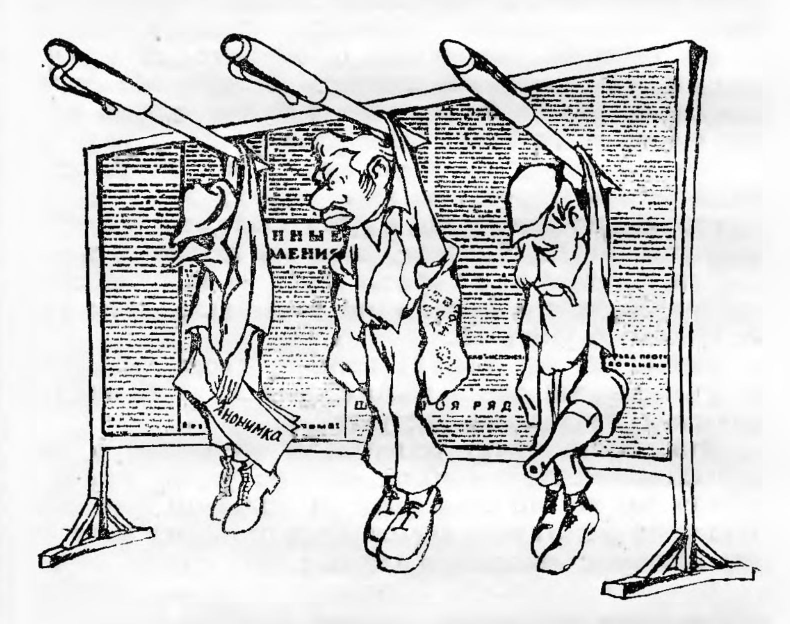
В январе 1977 года ЦК КПСС обсудил, как помогает действенности журналистики Томский обком КПСС. Итогом стало постановление «О руководстве Томского обкома КПСС средствами массовой информации и про-

паганды». Это программа партийной и журналистской работы на длительный период.

На самом почетном месте в наших газетах рубрики: «По следам выступлений», «Резонанс», «Официальный ответ», «Возвращаясь к напечатанному». Это общественный контроль за тем, как слова журналиста обрастают делами.

Чтобы добиться результатов, журналистам приходится не раз и не два писать об одном и том же.

«Объявление.

В помещении Песчанского Дома культуры состоится открытое партийное собрание колхоза им. Ленина.

С повесткой дня:

Обсуждение статей газеты «Комсомольская правда» «Неродные люди?» за 21 декабря 1975 года и «Песчаное ждет перемен» за 14 февраля 1976 года.

На собрание приглашаются коммунисты и комсомольцы и все желающие жители сел Песчаного и Гербина.

Партийный комитет колхоза им. Ленина».

А вот как прокомментировала это объявление Л. Графова, автор двух упомянутых в нем публикаций, в статье третьей под рубрикой «Возвращаясь к напечатанному».

«Все места в зале Дома культуры заняты, всевозможные стулья принесены, а «желающие жители» все прибывают. И становятся вдоль стен, у сцены, плотно занимают проходы между рядами. Так они простоят десять часов подряд — собрание, начавшееся в одиннадцать утра, кончится только в десятом вечера. Никто не покинет зал раньше.

Что будет? Как повернется? В холодном Доме культуры (его топили всю ночь — не помогло) спрессовалась такая напряженная, раскаленная тишина, что трудно дышать. Когда первый секретарь райкома партии С. И. Просенюк, отказавшись от вступительного слова, говорит, что правильнее прочесть (вслух!) обе статьи газеты, по залу пробегает невнятный шум, шорох, и все это вместе — глубокий вздох. Признаться, я тоже замираю, как перед экзаменом. Если б мы, журналисты, представляли заранее, что наши строчки будут звучать при таком стечении народа, в присутствии всех действующих лиц, наверно б, проще, яснее мы писали. Впрочем, собранию сейчас не до красот стиля — ведь секретарь райкома с трибуны читает о том, о чем еще недавно в селе говорилось шепотом...

Пятьдесят три человека возьмут слово. «Правду, я буду говорить одну только правду...», «Мне никогда раньше не приходилось выступать...»

Что общего между техническим прогрессом и двадцатью килограммами яблок, которые просил у председателя только что вышедший из больницы пенсионер Илларион Петрунец, а председатель отказался выписать эти яблоки с колхозного склада? Что общего между техническим прогрессом и шифером на крышу («многострадальным шифером»), который пожилая колхозница Анна Бобик заработала своим трудом на киевском заводе (ее посылал колхоз), а потом три года обивала пороги правления — председатель в ответ: «Не нервь меня! Выдь из кабинета!» Что общего? Оказывается, есть общее, есть связь, и колхозники очень диалектично доказывают это председателю. Ни один человек не должен чувствовать себя в колхозе обиженным, «неродным». Тогда председательские хлопоты об индустриализации села станут насущным делом каждого. Тогда легче станет председателю «тянуть тяжелую колымагу» в прекрасное завтра. Молодой животновод, повар кормокухни Коретнянский формулирует: «Хорошее настроение

людей — надежный двигатель технического прогресса».

В тугой узел стягивает жизнь работу и настроение людей, производственные и нравственные отношения. К такому узлу с мечом и топором не подступишься. И расплести его «изнутри» бывает до невозможности трудно. А журналист — опытный, умный, тактичный — такой журналист расплетает сложнейшие узлы не раз, не два и не три за время своей работы.

Трижды выступала журналистка Л. Графова в «Комсомольской правде» о стиле жизни села Песчаного. А на четвертый опубликованы официальные ответы Одесского обкома Компартии Украины и Балтского районного комитета. К ответу райкома — приложение на десяти страницах. В нем план из тридцати пяти пунктов по улучшению труда и быта людей. План составлен из предложений колхозников, обсуждавших на открытом партийном собрании критические статьи Л. Графовой.

В подобных итогах реальный повседневный КПД труда журналистов. Многим людям они помогли и каждый день помогают, многие конфликты разрешили, многим коллективам подсказали единственно верные решения, выводы, поступки.

Нередкое явление — напряженная обстановка в цеховом коллективе. Передовая ткачиха комбината в городе Тейково Ивановской области крайне ревниво относилась к своей заслуженной, но долгое время монопольной славе. На комбинате три смены: в одной лучшая ткачиха обслуживает восемь станков, в двух других сменах «восьмерочниц» долго не находилось. Однако мастер участка убедил еще двух ткачих освоить передовую форму труда. Заработала — и успешно — сквозная, в три смены, «восьмерка». Но начались осложнения. Самолюбие первой «восьмерочницы» задели успехи новых сменщиц: их показатели все повышались, у нее оставались прежними. И решила женщина не свои недостатки устранять, а жаловаться: пошла в партком комбината, в горком партии. И встретила понимание. Престиж собственного «маяка», известного на всю область, оказался весомей интересов предприятия — сквозную «восьмерку» решили расформировать.

Вот здесь-то и пришли на помощь подлинным интересам дела мысль, перо, авторитет журналиста. «Правда» опубликовала корреспонденцию Г. Паламарчук

«Свое мнение». В ней тщательный разбор всех обстоятельств дела, позиций главных участников, ложных и истинных доводов. Журналистка тактично анализирует побуждения мелкие, своекорыстные и деловые, гражданственные, подлинно общественные. Публикация вскрывает один конфликт, но помогает решению и многих других, которые чем-либо похожи на события в Тейкове.

Очеркист «Известий» Н. Александрова однажды сказала: «Как бы ни был умен журналист, без умения вобрать в себя мысли, мнения десятков людей ничего серьезного написать он не сможет... Это, если хотите, своеобразный коллективный разум». И далее она поделилась творческой историей очерка «Разоренное гнездо», который вызвал огромное число откликов — реакцию самых разных слоев читателей. Потому что написан материал, что называется, «кровью сердца и соком нервов», как призывал писать М. Горький.

История такова: женщина растила трех детей — свою дочь и приемных — мальчика и девочку. Приемные — дети ее второго мужа, с которым прожила до его внезапной смерти около двух лет. Жили дружно, Мария любила и растила всех детей как своих. После смерти мужа она официально оформила опекунство. Но... чем-то не угодила соседям по лестничной клетке. И началась страшная травля. Начались доносы в районо, что дети без присмотра, начались депутации в жилуправление, что Мария незаконно занимает площадь после смерти мужа. Затравленная женщина переехала в заводское общежитие, по-прежнему все свободное время отдавая детям. А детей — Люду и Сережу — тем временем соседи, обходя закон, «сдали» в детский дом. На четвертый день ребятишки из детского дома сбежали.

Очеркист восстановила события: «С собой у ребят было десять копеек. Часть пути они отшагали, часть проехали на автобусе. Вошли в Томск, в свой двор... Но своей двери они не узнали. Вместо нее была новая, другая, с новым замком, и поперек, на тонкой ниточке, висел, как монетка, маленький металлический кружок. Квартира опечатана. Дети этого не поняли. Сережа дернул, и ниточка легко оборвалась.

Почти тотчас они забыли об этой странной ниточке, зачем она тут, и пустились на кирпичный завод к маме. На заводе их знали, и, проникнув сквозь все посты, дети попали к ней в цех. Мария в сапогах, в куртке, про-

питанной углем, увидела беглецов, схватила их и задохнулась, не могла отпустить от себя. Не ждала, не чаяла. Кто-то из работниц тотчас встал на место Марии, и все трое из цеха, как после смены, пошли в душ. Мария помыла там своего Сереженьку. По-домашнему накормила ребят. Ночевали у нее. Своего дома у них уже не было».

Корреспондентка попыталась проникновенно разобраться во всех тонкостях этой очень запутанной человеческой драмы, воссоздать детали событий. Каким способом воссоздать? Собрав и обсудив множество разноречивых свидетельств. Шестьдесят два человека опросила Н. Александрова в Томске, готовя очерк «Разоренное гнездо». Только так и можно было написать строго правдивый, всецело убедительный материал. Его обсуждали затем на многих уровнях: на бюро Томского горкома партии, в исполкоме Томского городского Совета, в исполкоме Киевского района города Томска, на открытых партийных собраниях, в отделах Томского облисполкома и в местных Советах области.

Разговор вышел далеко за рамки единичного случая. Речь шла о качестве работы с жалобами трудящихся, о приеме посетителей, о тщательной подготовке документов к каждому заседанию исполкома. Речь шла о высоких нормах социалистической гуманности и обязательной чуткости — законах нашей жизни.

Журналистка сконцентрировала в очерке взгляды добрых и порядочных людей, живших рядом с Марией, и вынесла коллективный приговор корыстным и недобросовестным. И ответом на это была коллективная реакция — лавина писем, вызванных выступлением. Шестьдесят два человека вместе с Н. Александровой создавали очерк, сотни поделились своими чувствами, мыслями, для многих сотен других читателей публикация стала крупицей освоенного — через газету — жизненного опыта.

«Кодекс петровцев» называлась статья, опубликованная «Литературной газетой». В ней шел разговор о «Своде социальных норм коллектива завода», принятом в Днепропетровске на металлургическом заводе имени Петровского. Права и обязанности рабочих нашли в этом кодексе конкретное воплощение. Публикацию «Литературки» перепечатали многие периодические издания (со ссылкой на первоисточник). Опыт петровцев

применили у себя предприятия 120 городов страны. Воздействие журналистского слова здесь почти количественно исчислимо.

Когда видишь, как настойчиво, мудро, тактично журналист-организатор способствует переменам к лучшему в жизни многолюдного коллектива, способствует ощутимо и без промедлений, становится понятным преклонение поэта перед трудом журналиста:

...Любую
Из лучших поэтических слав
Не приравняю
к простому
к газетному факту.
Если
так
ему
рукоплещет Ярославль...

Статьям «Комсомольской правды» рукоплескала Одессщина. Отзвук этих аплодисментов в сегодняшней жизни Песчаного и длящейся уже годы переписке Л. Графовой с жителями этого села, Г. Паламарчук с тейковскими текстильщицами, «Литературной газеты» со своими постоянными читателями-корреспондентами.

— Просматривая газеты, невольно обращаешь внимание на сообщения такого рода: «За месяц получено столько-то читательских писем». И цифры просто астрономические. Ясно, что опубликовать такую махину никаких резервов не хватит. Как с ними поступают?

— Да, полмиллиона писем в год в «Правду», «Известия», «Комсомолку» — цифра внушительная. Но она не пугает, а радует журналистов.

Письма пишут разные:
Слезные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще — бесполезные.

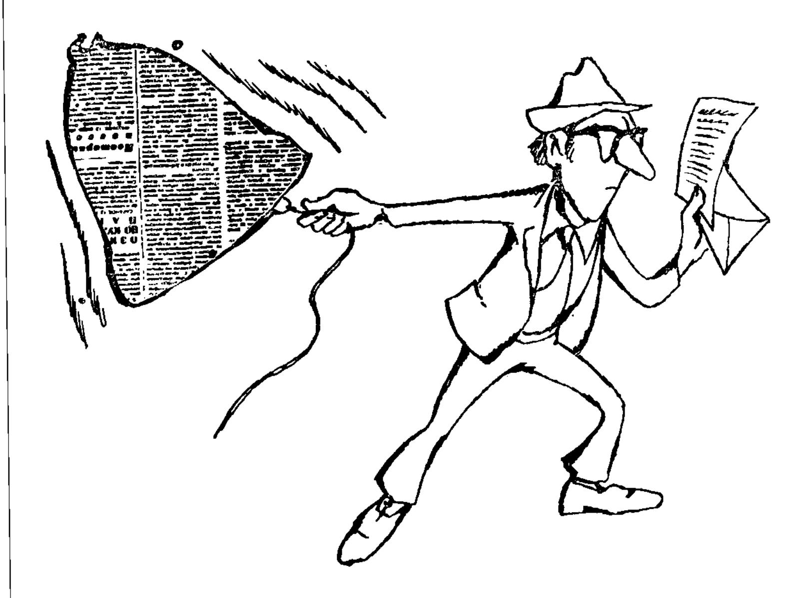
Известная строфа К. Симонова — лирическое отношение поэта к частной переписке. Для редакции бесполезных писем, как правило, не бывает. Любое может натолкнуть на тему, вызвать на разговор, побудить к спору или просто заставить задуматься. А есть и такие, которые звучат как сигнал бедствия, призывают на помощь. Писательницей Ф. Вигдоровой создан сборник из произведений, рожденных письмами-зовом. Очерки в нем на-

писаны на сюжеты, которые неистощимо изобретает жизнь.

«Дорогая редакция, уважаемые товарищи, пожалуйста, помогите. Я прошу: не отвечайте по почте, позвоните, вызовите меня, сделайте это скорее... Мой ученик попал под суд и приговорен к пяти годам заключения. Я прошу вас: выслушайте меня. Я приду и все расскажу вам. Скорее!»

Этим письмом открывается первый очерк сборника.

Журналист никогда не пройдет мимо такого человеческого документа. Вмешаться немедленно в конфликт, предотвратить возможную трагедию — профессиональная заповедь.

Не только срочная медицинская помощь спасает людей от катастроф. Порой столь же срочно необходима помощь душевная: внимание, участие, просто доброе слово. Иногда лишь за ним, добрым словом, советом, и обращаются в газету. И нередко, высказав все, что наболело, заверяют редакцию: «Ответ мне не нужен».

Именно этими словами заканчивается читательская исповедь, помещенная «Литературной газетой» в новой рубрике «Письма о нравственности». «Я ничего от вас не

хочу. Мне просто надо было кому-то рассказать, как все было, с чего началось и чем закончилось. Спасибо, что написанное мною кто-то прочитал. В моей душе будет немного спокойнее, что обо мне кто-то знает».

Читаешь такие строки и думаешь, как точен был А. Герцен, одинаково внимательно относившийся к переписке и с друзьями и с недругами, ибо и в той и в другой, как он говорил, «запеклась кровь событий» — воплотились истинные движения души.

Лучшие наши редакции бережно работают с каждым без исключения письмом. А приходит их немало. Зависимость такова: чем тщательней, внимательней редакция работает с письмами, тем ярче и действенней ее материалы, тем больше приток новых писем — откликов, благодарностей, просьб о помощи, заявок на публикации.

Бывают вовсе экзотические посылки — мячи для тенниса, например, набор слесарных инструментов. Что это, зачем, откуда взялось? Обычно объясняется все просто: читатель откликнулся делом на упоминавшиеся в газете недостатки. В спортсекции недостает теннисных мячей — вот посылаю. В школе не оборудован кабинет труда — примите мою помощь.

И в каждой редакции — от центральной до многотиражной — есть отдел писем, есть час письма. Возможно, отдел и громко сказано. В многотиражке бывает всего-то одна штатная должность. Но и в этом случае за письма — их учет, хранение, обработку — строжайшая ответственность.

«Час письма» в «Комсомольской правде» — многолетняя традиция. Редколлегия обсуждает читательские сообщения. Среди них и самые сложные по постановке вопросов, и самые спорные по предложенным мерам, и самые срочные по наболевшим конфликтам...

Думает редактор, обмениваются репликами заведующие отделами: «Это может пойти в следующий номер», «Эти дадим под рубрику «Письма спорят», «Это используем в передовой»...

«Час письма» — так называется и постоянная полоса в «Комсомольской правде». В «Правде» отведена той же цели страница с крупным аншлагом: «Письма», в «Известиях» подобная тематическая страница выходит под заголовком «Письма читателей».

В «Известия» пришло письмо от водителей автобусов из Харькова. Авторы писали: «Наверное, всем хорошо из-

вестно, сколь тяжела наша работа, какого требует напряжения. Чтобы отработать смену, водителю нужен полноценный отдых. В последнее время в нашем молодежном общежитии значительно улучшились бытовые условия. Работает буфет, есть гладильные комнаты, библиотека пополнилась новыми книгами, появилась комната для занятий. На окнах теперь шторы, на полу дорожки, на столах графины. Казалось бы, живи и радуйся. Но все же общежитие не стало для нас родным домом. Причина? Комендант Белякова. Не хочется после работы идти к себе, чтобы с ней не встречаться. Груба, заносчива, может запросто обидеть человека, обозвать. Диктует свою волю, требует выполнения нелепых распоряжений...»

Нередкая житейская история. Редакция, получив такое письмо, может послать его для проверки и принятия мер в местные руководящие органы. А может силами своих журналистов изучить конфликт, определить разумную позицию, дать варианты решения. Как правило, житейские конфликты расследовать особенно тяжело. «Сколько людей, — говорят, — столько характеров». Не сложиться добрые отношения могут и без чьей-либо явной вины — просто из-за несходства характеров. Ученые подсчитали, что психологическая совместимость требует сочетания почти по пятидесяти признакам. Не потому ли истинные содружества — редкость. А сучки и задоринки довольно частое явление. Так нет ли раздраженного преувеличения в письме харьковчан?

Такие сомнения — неизбежный этап работы с письмом. Бывает, они оправдываются. Но об этом позднее.

Корреспондент «Известий» Г. Комраков по следам письма направился в Харьков. И размышлял в пути о грозной комендантше. И представлялась она «фигурой редкостных габаритов», этаким фельдфебелем в юбке — громогласным и несокрушимым. «А встретила меня, — продолжает журналист, — женщина хрупкая, миловидная, молодая, с удивленными глазами: «Из Москвы? Вот мороки задали!» И уже через десять минут я знал, что комендантом Ольга Ивановна работает недавно, а раньше служила бухгалтером. Что именно при ней в общежитии появились гладильные комнаты, буфет, комната для занятий, шторы на окнах, графины на столах.

— А до вас ничего не было?

— До меня общежитие называли бараком. Спросите кого угодно, подтвердят.

Спрашивал. Подтвердили».

Значит, старается человек, за дело болеет, кругом одобрения заслуживает? Нет, не кругом. Журналист увидел: старается, но не всегда так, как подобает, — жалобы водителей законны. Публикация Г. Комракова «Комендантский час» вызвала поток писем из общежитий со сходными условиями. Газета затронула очень важные вопросы повседневного быта.

Заметной вехой в истории работы с письмами стала рубрика «Литературной газеты» «Если бы директором был я...». Открытая весной 1974 года, она действует вот уже более трех лет и каждый раз поднимает насущные проблемы. Она постоянно побуждает читателей к поиску, к проявлению гражданственной активности. Причем не завтра, не когда-нибудь, а сейчас, немедленно. Оглянись вокруг, как бы приглашает газета, посмотри, что и как можно улучшить, и напиши нам. Потом «Патентное бюро» на страницах «Литературки» публикует краткие деловые предложения:

«ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я, то создал бы дубль-Эрмитажи, дубль-Третьяковки — из копий, одних только копий, которые отличаются от оригинала только в глазах большого специалиста.

И послал бы свои «дубли» на постоянное жительство в новые города, которые когда еще обзаведутся своими оригинальными музеями. А в переполненных Эрмитаже и Третьяковке, может быть, стало бы чуточку свободнее».

«ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я, то сократил бы на вокзалах, в аэропортах число носильщиков, а увеличил бы число тележек. Тележки выдавал бы бесплатно, как в хороших универсамах, где введено самообслуживание».

Через некоторое время к «Патентному бюро» прибавились рубрики «Продолжение темы» и «По следам директорских идей».

Затянувшуюся историю одной «директорской» идеи легко проследить по заголовкам.

«Ночной автобус?» — робко спросила первой ленинградка М. Росина в номере «ЛГ» от 17 апреля 1974 года и убедительно обосновала свое предложение о введении ночного транспорта.

«Ночной автобус. Нужен ли он?» — спрашивал заголовок обзора писем, посвященного предложению ленин-

градской читательницы. Там приводились аргументы пассажиров, которые дружно, безоговорочно выступили за ночной автобус, и аргументы некоторых руководителей предприятий пассажирского транспорта, которые были уверены, что пассажирам ночной автобус не нужен.

«Ночной автобус, вероятно, будет...» — сообщалось в заголовке нового обзора почты.

Потом пришло несколько ликующих писем: только что ночной автобус пущен во Львове! Затем — в Киеве, затем — во Владивостоке. Автору этого «директорского» предложения редакция присудила шутливый (но одновременно и серьезный!) «Диплом директора» № 1 вместе с премией — квитанцией на годовую подписку «Литературной газеты».

В течение трех лет свои идеи и предложения прислали в редакцию более 8 тысяч читателей. И среди них буквально единицы продиктованы узкими частными интересами. Основная масса писем вызвана заботой об общем деле, об интересах родного предприятия, страны в целом. Были, как водится, и комичные факты. Один автор из Запорожья считает, что изучение иностранных языков надо формировать следующим образом: «...в классах с 1-го по 3-й надо изучать английский, с 4-го по 6-й — немецкий, с 7-го по 9-й — французский, в 10-м — эсперанто».

Другой, из Тулы, предлагает начать обучение раньше: в яслях и детском саду давать уроки шахмат, шашек, тенниса, катания на коньках и волейбола, знакомить с русскими и зарубежными поэтами-классиками.

Редакция комментирует: «А не уплотнить ли, — подумали мы, — программу яслей — заканчивать еще там изучение немецкого, английского, французского, в старшей группе — эсперанто? А с русской и зарубежной классикой покончить на следующей ступени — уже в младшей группе детского сада. Очень тогда легко будет учить в средней школе! Не будет проблемы перегрузки школьников, над которой столько сейчас бьются. Останутся непройденными лишь игры в песочнице и пускание мыльных пузырей. Этим можно будет заняться с первого по десятый класс».

В данном случае заблуждение читателей бесспорно. Не называя их фамилий, дать им это понять — значит помочь скорректировать неправильные взгляды.

Ну а если заблуждение, высказанное в письме, не

частность, не курьез, а глубоко и принципиально? Здесь вряд ли помогут обстоятельный ответ или юмористическая реплика. Здесь поможет широкая дискуссия, в которой выскажутся десятки, иногда и сотни людей. Перед лавиной убедительных доказательств неверные позиции, как правило, дают трещину. Хоть те, кто их отстаивает, и не торопятся в этом признаться.

Широкий резонанс, бурный обмен мнениями вызвало письмо в «Комсомолку» «Моя хата с... кафелем». Под таким заголовком редакция опубликовала письмо, которое прозвучало буквально гимном накопительству смолоду. В нем говорилось: «...За пять лет мы не имели ни выходных, ни праздников, ни малейшего свободного времени. И вот на месте старенького деревенского домика возник двухэтажный особняк с отоплением, газом, ванной, классически выложенной кафелем кухней — неосуществимой мечтой большинства хозяек, и пр. и пр. И этот полированный, роскошный рай мы создали сами.

Нам по 24 года. У нас есть все, чего другие достигают лишь на склоне лет... Наш бюджет составляет около 300 рублей в месяц. Еще у нас есть сад (45 соток), где и яблочки, и клубничка, и огурчики с помидорчиками произрастают. Еще не забывайте, что мы строители: можем и подзарабатывать. Проще: калымить...

Вот так мы и живем — «оголтелые частные собственники». И заметьте, очень довольны жизнью, имеем всегда хорошее настроение и железное здоровье». Подпись: «Андрей и Лариса К.» Обратного адреса не значится.

Есть мнение газетчиков, что такие вот письма, фактически анонимные, нужно без проволочек сдавать в архив. Правильнее, однако, другое: разобраться по существу конфликта. Редакция «Комсомольской правды» увидела в этом письме своеобразную декларацию, отразившую острые проблемы текущей жизни. Она увидела в этом письме как бы оселок, на котором можно отточить различные позиции и взгляды молодых читателей. «Затравку» дискуссии дало послесловие к письму, предлагавшее как бы полярные варианты отношения: «...Представим себе такой возможный диалог:

— Это письмо пугает. Шесть лет — лучшие годы! — истрачены на что? Лишь на себя.

— Это письмо радует: ни дня безделья! Без разделения на «себя» и «общество»...»

В столкновении различных мнений прочерчивается русло дискуссии: «На этот счет высказаны крайние точки зрения. Утверждают, что в таких случаях истина лежит посредине. Думается, в данном случае лежит проблема. Это — ценности жизни.

Ценности истинные и мнимые.

Ценности современные и устаревшие.

Ценности, которые можно оценить, и ничем не оценимые ценности.

Ценности, наконец, мои и наши.

Проблему давайте обсуждать сообща».

Замысел оказался точен: ближайшие две недели после публикации принесли почти полторы тысячи откликов. Письма спорили, иронизировали, сомневались, возмущались. Авторы — уже потому, что взялись за перо — думали, действовали, переживали, боролись. Через три с половиной месяца — ко 2 июля 1977 года свой взгляд на ценности истинные и мнимые по письму «Моя хата с... кафелем» изложило 4045 читателей. Предварительный итог дискуссии подвела тематическая полоса под заголовком «Труд: мотивы, цель, результат». Центральным в полосе стоял материал старшего лейтенанта из Таллина В. Тыцких «Формула счастья». Он завершился словами: «Я воспринимаю таких, как Андрей и Лариса, как глубоко несчастных людей (хотя они и не подозревают об этом). Они сами отказались (хорошо, если на время, а не навсегда) от настоящей жизни, которая дает неизмеримо больше человеку, чем любое мыслимое материальное богатство. Такие люди не вызывают желания помочь им, ибо беда их — порождение их собственных «принципов». В конце концов выбор пути к счастью, определение его формулы — дело в значительной степени личное. Тут, если не просят, вмешиваться трудно.

Но и не вмешиваться — нельзя».

Журналистская строка к этому и призвана — вмешиваться и помогать.

— Оказывается, с письмами сам собой идет в редакции поток почти готовых статей! Мне кажется, не очень трудно прокомментировать интересное письмо. Вероятно, в массе профессиональных забот это не самое сложное.

— Решительно не согласен. Профессиональных сложностей в работе с письмами огромное множество. В связи с этим недавно вышло постановление ЦК КПСС

«О дальнейшем совершенствовании работы с письмами трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС».

В. Ленин настойчиво призывал своих соратников по журналистской и партийной работе крайне бережно относиться к письмам. «Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!» — так говорил Ильич редактору газеты «Беднота» В. Карпинскому и называл почту этой газеты «крестьянским барометром». В январе 1922 года В. Ленин направляет В. Карпинскому просьбу присылать регулярно раз в два месяца краткое обозрение писем, в котором указывать:

«а) среднее число писем,

β) настроения,

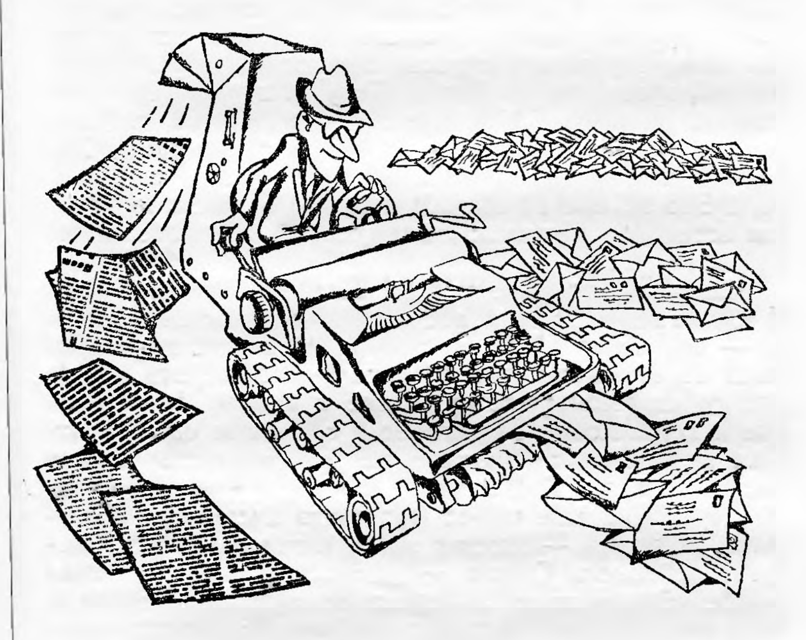
γ) важнейшие «злобы дня»...»

По этому ориентиру В. Ленин сверял точность курса государственной политики. Можно ли сомневаться, что и сейчас это ценнейший ориентир в работе периодических изданий, в стратегии журналистских действий.

И сейчас в центральных массово-политических редакциях ежемесячно составляется общий деловой обзор почты для служебного использования. Кроме того, создаются и другие обзоры — сводки читательских сигналов по наиболее злободневным проблемам. Отдел писем «Правды» каждый месяц готовит шесть-десять таких обзорных сводок. Их делают не для того, чтобы положить на полку или просто отдать в статистическое бюро. Они руководство к действию.

В начале 1976 года читательская почта «Известий» принесла тревожные сигналы о непорядках в строительстве и работе детских садов и яслей. Газета вынесла этот вопрос на свои страницы, обратилась с запросом в ответственные организации. Сводку писем на эту тему, подготовленную редакцией, обсудил Президиум Совета Министров РСФСР, принял деловые оперативные меры. Весь год под рубрикой «Строительство детских садов и яслей под контроль «Известий» газета публиковала сведения из различных городов и сел. И вслед за тем официальные ответы исполкомов Воронежского областного Совета, Оренбургского городского Совета, Ленинградского городского Совета, Совета Министров Татарской АССР, Черкасского обкома партии. Дело заметно сдвинулось с места. Это не замедлило сказаться на характере читательской почты.

Показатель действенности такой работы — рубрика «По следам письма» или «Хотя письмо и не напечатано». В январской полосе «Час письма» 1977 года «Комсомолка» сообщила: за месяц получена 81 тысяча писем; среди них 1200 официальных ответов на критические запросы редакции и читателей. Как правило, это ответы под девизом «меры приняты». Но и принятые меры приходится перепроверять. Тогда рождаются повторные критические замечания под рубриками «Сигнал не услышан» или «Проверено — безответственность».

ЦК КПСС призывает чрезвычайно ответственно относиться к выступлениям печати: «Партийным комитетам придется поправлять тех, кто пытается отмахнуться от деловой критики, равнодушно относится к постановке в печати важных проблем, к публикуемым в ней письмам трудящихся», — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду.

Работа с письмами требует не только оперативности, энергии, внимания, но и особой проницательности, как бы чутья на фальшь. Ибо ведь и такое случается.

В центральную газету пришло письмо. Оно рассказы-

вало о героическом поступке колхозного механизатора Н. Иванова: рискуя жизнью, он вынес из горящего дома двух детей. Автор писал подробно: в горящем доме, заполненном едким дымом, с трудом нашел Николай детей, которые забились под кровать, один из них уже терял сознание. На спасителе тлела рубашка, обгорели брови, но ребятишек он вынес. Письмо подписали счастливые родители спасенных детей. Они настоятельно просили газету опубликовать материал о героическом поступке односельчанина. Доброе, прочувствованное письмо отредактировали и поставили в полосу под традиционную рубрику «Письма читателей». Однако в последний момент редактор спросил журналиста, готовившего письмо, проверены ли факты. Есть ли в названном колхозе механизатор Н. Иванов, горел ли дом и т. п. Началась проверка. Оказалось — письмо вымышленное. Совпало с действительностью лишь одно — имя механизатора. Это он, сам Н. Иванов, написал о себе в газету, а все остальное выдумал: пожар, детей, признательность односельчан...

Часты ли подобные случаи? Нет, чрезвычайно редки. И тем не менее достоверность любой публикуемой строчки — непреложный закон коммунистической журналистики. И это обязывает досконально проверять любые письма читателей: восторженные и печальные, хвалебные и критические. Характерный случай из своей практики припоминает многолетний руководитель отдела писем «Правды» Е. Шацкая.

«Пришлось мне как-то проверять письмо из Казахстана. Женщина — бывшая заведующая райсобесом, депутат районного Совета — умоляла разобраться в ее судьбе. «Злые» люди оговорили ее, приписали такое, к чему она не имеет никакого отношения: несвоевременную выдачу пенсий и даже присвоение их.

Ехала туда с горячим желанием защитить человека. Но первая же встреча с автором письма насторожила. Женщина эта не ожидала, что приедет корреспондент, будет копаться в бумагах, разговаривать с людьми, выяснять обстоятельства происшедшего. Некоторые факты, изложенные в письме, теперь, в личном пересказе, выглядели совсем иначе. Ну, например, бывшей заведующей райсобесом предъявлялось обвинение в том, что она оформляла пенсии на «мертвых душ» и сама получала за них деньги. Автор же письма утверждала, что ника-

ких «мертвых душ» не было, что люди эти жили здесь, в районе, но сейчас выбыли, а райсобес просто не успел вовремя перевести им пенсию. Выбыли и не сообщили куда. Кто знает, где теперь они, Ивановы да Сидоровы. Жили-жили, а потом взяли да и уехали, затерялись, словно иголка в сене.

— Ну а деньги-то их кто получал? — спрашиваю. В ответ молчание. Много дней вместе с представителями райкома партии, местными и областными ревизорами шли мы по следам этих фактов. Во всем была виновата она, заведующая райсобесом. Объективные, квалифицированные ревизоры (самой бы мне с этим не справиться) вскрыли множество фактов злоупотреблений служебным положением и нарушений финансовой дисциплины.

Когда проверка закончилась и мы говорили с автором письма в последний раз, она сказала: «Ну никак не думала, что приедет корреспондент и будет копаться в этой истории. Неужели мое письмо было таким неубедительным?»

Возможны случаи совсем непредвиденные, например, отказ корреспондента от авторства. Иногда выясняется, что ошибочные сведения в письме — искреннее заблуждение, а подчас и корыстный оговор.

Еще один случай из опыта «Правды». Известный на заводе «Красная звезда» (город Кировоград) бригадир слесарей-резчиков Григорий Т. в свободный вечер писал письмо: «Мне сорок шесть лет. Более половины их отдал заводу. Полюбил коллектив, сроднился с ним. Но не могу мириться с тем, что итоги соревнования у нас подводят шиворот-навыворот, «победители» заранее запланированы. Гремит в цехе слава бригады Н. Склифуса, а ведь такой бригады нет. Числящиеся в ней люди работают каждый сам по себе... Не хотелось выносить «сор из избы», но и молчать больше не могу. Прошу вашего корреспондента приехать и во всем разобраться».

Выстраданной искренностью звучит такое письмо — почти неизбежен первый порыв: скорее вмешаться, немедленно опубликовать. За таким порывом, вполне благородным и понятным, неопытных журналистов ожидают серьезные «проколы». Профессионализм в том, чтобы благородные эмоции порывов подчинять документальной логике фактов. Правдисты тотчас откликнулись на тревожное письмо Григория Т. — не срочной публикацией, а срочной командировкой в Кировоград опытно-

го журналиста В. Чачина. А затем «Правда» опубликовала по следам этого письма очерк В. Чачина «Зависть». Как ни покажется это странным, но ни один факт из письма Григория Т. не подтвердился. Журналист обнаружил: на заводе «Красная звезда» итоги соревнования не только подводятся, но и в любое время любой рабочий может видеть, кто впереди, а кто отстает. Перед каждой сменой мастера на «пятиминутке» анализируют минувший день, сопоставляют итоги, определяют задачи. «Знают ли резчики бригаду Н. Склифуса?» — спросил корреспондент. В ответ удивление: «Да кто ее не знает! На всю область гремит. У Склифуса очень дружные парни. Чего захотят, добьются». Журналист беседовал с автором письма, спрашивал, что побудило его ко лжи, — ответа не добился. А оказался Григорий Т. вполне уважаемым на заводе человеком. Письмо-загадка, психологический срыв. Журналист поставил диагноз — зависть. К тем, кто обгоняет, к тем, кто идет впереди. И публикация по письму, убедительная, интересная, многих заставит поразмышлять над собственной жизнью.

Может быть, примеры недобросовестных писем должны скептически настроить начинающего журналиста? Это был бы крайне неверный, узкий, необоснованный вывод. Подобных писем всегда единицы в многомиллионном потоке читательских обращений в родную газету. В главном именно письма питают периодическое издание, дают импульсы журналистским публикациям, становятся мерилом эффективности труда журналистов.

— Поистине читательская почта — сокровищница тем для журналиста. Но есть ведь и другие источники...

— И главный среди них — тематический план редакции. Его составляет «штаб газеты» — секретариат — конечно, с участием всех отделов, под руководством главного редактора. Есть планы квартальные, месячные, недельные. И планы очередного номера. В них определены ведущие, наиболее острые, злободневные темы. А дальше постоянный поиск...

А. Аграновский рассказал в «Журналисте» о работе над одной из тем редакционного плана, «гвоздевой» проблемой сегодняшней жизни, «С чего начинается качество». Вызвал редактор, поручил проблемное выступление. А с чего его начинать? О чем конкретно думать? Конкретные адреса берегут записные книжки. Туда их

заносит опытный мастер пера заблаговременно, впрок. А. Аграновский, как он пишет, имел в «загашнике» кое-что: «...Две поездки в ГДР, изучение опыта работы «Большого АМТ» (аналога нашего Госстандарта), беседы с министром финансов З. Бёмом, заместителем председателя Совета Министров ГДР Г. Вайсом. И даже статья в «Известиях» о знаке «Q» — немецком Знаке качества. Были в блокнотах и еще какие-то мысли, наблюдения, записи поездок на наши заводы и стройки, записи прежних споров и бесед...»

И вот по контурам прежних «замет» новые беседы: с председателем комитета стандартов СССР В. Бойцовым, с заместителем министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности Д. Глаголевым, с секретарем МГК КПСС А. Борисовым. Более тридцати бесед. Неудивительно, что и резонанс публикации «С чего начинается качество» оказался высок. И меры, которые журналист предложил, чтобы было «во всех смыслах выгодно работать хорошо и во всех смыслах невыгодно работать плохо», приняли на вооружение многие предприятия и ведомства.

Откуда они берутся — завидные журналистские темы? Конечно, из жизни, из способности журналиста наблюдать, сопоставлять, думать. «Прежде чем писать, — советовал начинающим литераторам А. Экзюпери, — нужно потрудиться не над выработкой стиля, а над умением мыслить и видеть».

Рождение темы — всегда рождение мысли, злободневной, общественно важной. Но случается, не находя серьезных поводов, журналист высасывает тему «из пальца», пытается строить многозначительные рассуждения по пустяковому поводу. А. Чехов показал, как можно облачить многослойными словесами даже тему «выеденного яйца».

«Чем, по-твоему, плохо выеденное яйцо? Масса вопросов!

Во-первых, когда ты видишь перед собой выеденное яйцо, тебя охватывает негодование, ты возмущен!! Яйцо, предназначенное для воспроизведения жизни индивидуума... понимаешь! жизни!.. жизни, которая, в свою очередь, дала бы жизнь целому поколению, а это поколение тысячам будущих поколений, вдруг съедено, стало жертвою чревоугодия, прихоти! Это яйцо дало бы курицу, курица в течение всей своей жизни снесла бы тысячи яиц... — вот тебе, как на ладони, подрыв экономического строя, заедание будущего! Во-вторых, глядя на выеденное яйцо, ты радуешься: если яйцо съедено, то значит на Руси хорошо питаются... В-третьих, тебе приходит на мысль, что яичной скорлупой удобряют землю, и ты советуешь читателю дорожить отбросами. В-четвертых, выеденное яйцо наводит тебя на мысль о бренности всего земного: жило, и нет его! В-пятых... Да что́ я считаю? На сто нумеров хватит!»

В нашей журналистике подобные изобретатели тематических вариаций не приживаются. Но рецидивы случаются. Они в мелкотемье, заурядности иных сообщений и рассуждениях «плоских как выкройки» (А. Вознесенский).

Лауреат премии Союза журналистов СССР 1977 года очеркист «Правды» С. Богатко сказал о такой «внезапности» иных озарений:

«...С нами бывает: ищем тему, изобретаем конфликты, а проблема написана на плакате, что висит поперек улицы».

Бывает. На привычное, примелькавшееся взглянуть другими глазами совсем не просто.

Неоценимо важен при этом обмен мнений, дружеская «переброска» впечатлений в кругу коллег, в редакционных «кулуарах» в редкие минуты делового затишья, что наступают порой во время дежурства по номеру.

— Слушай, старик, а ведь это тема! — вдруг раздается в пылу оживленного разговора торжествующий клич, и отзвуки его начинают заинтересованно обговаривать в разных «отсеках» дружного редакционного корабля.

Давно уже не тайна: в дружных коллективах «урожай» интересных тем и выступлений многократно выше, чем в тех, что засушены повышенной авторитарностью и «застегнуты на все пуговицы».

О рождении темы в специально посвященной этому книге рассказывает журналист Е. Рябчиков.

«Когда самолет летел над синим-синим Байкалом, отражавшим в своем зеркале белые вершины Хамар-Дабана, я взял томик Лермонтова, и вдруг хорошо известное с детства стихотворение, наизусть выученное еще в школе, зазвучало по-новому:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!..

Возможно, повлияла необычность обстановки авиационной трассы, шум авиационных моторов, синева ясного неба, вид заснеженных вершин Хамар-Дабана, голубое свечение Байкала. Но в те минуты я совсем по-новому воспринял стихи. Мне показалось, что в лермонтовских поэтических строках есть какой-то особый, еще не осознанный, но очень важный для меня, журналиста, скрытый смысл. Чтобы не забыть об этом и разгадать смысл стихов, я записал в своей дорожной записной книжке, в которую, как правило, записываю все рождающиеся во время путешествий темы:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!.. —

и в скобках для себя пометил: «Узнать в Гидрометеослужбе».

Результатом переговоров журналиста с руководителями Гидрометеослужбы был его вылет на самолете с красными молниями на фюзеляже. С борта самолета

Е. Рябчиков вел репортаж о работниках летающей лаборатории, исследующих природу ураганов. Публикация в «Огоньке» «Самолет ищет бурю» стала для многих читателей открытием прежде неведомой области. А началось оно с открытия журналистом темы, подсказанной строфой М. Лермонтова.

«Что труднее всего увидеть?» — спросил однажды себя В. Гёте. И ответил так: «То, что лежит перед самыми твоими глазами». Часто кажется, что именно в экзотике — россыпи журналистских тем. Однако их можно не меньше открыть и в явлениях обыденных. Если уметь видеть не по типу «выеденного яйца», а по подобию сильного магнита.

Представим себе сильный магнит, поднесенный к разнофигурным, разноцветным железным опилкам. Их вытягивают и притягивают друг к другу, заряжают силы сцепления. Причудливо выглядят узоры опилок, скрепленные магнитным притяжением. Вот так и «крупинки» информации извлекает из невидимых убежищ интеллектуальный магнит сильного публициста.

Так можно представить себе процесс «конденсации» темы из потока впечатлений, который постоянно захватывает журналиста, обрушивается на него. Когда этот поток особенно интенсивен и хаотичен, бывает нелегко увидеть в нем главное. Как найти опорные вехи, определить систему координат? О чем же писать в первую очередь?

Этот вопрос лихорадочно задавал себе начинающий репортер пражской газеты «Богемия» Эгон Эрвин Киш, один из наиболее прославленных журналистов начала столетия. Совсем не до помыслов о славе было ему тогда, на первом в жизни оперативном задании редакции.

«Моя новая профессия казалась мне детски легкой... до той ночи, когда мне предстояло впервые испытать себя на месте действия. Шитткауэровы мельницы объяло пламя.

Я ринулся туда.

Огонь намеревался обратить в прах и пепел весь комплекс мельниц, символ города с незапамятных времен. И — что еще хуже — вся свора репортеров была уже тут, в гуще усердной работы.

Под фонарем, на повозке с гидрантом, все обозревая и видимый всеми, восседал папаша Вейвара. Он строчил и строчил. Полицейские и пожарники подбегали к нему,

выкладывали информацию и поспешали дальше. Время от времени показывались на велосипедах посыльные из редакции. Папаша Вейвара протягивал им рукопись и продолжал писать.

Я же, я не знал, о чем писать. Ни одной строки не мог я извлечь из этого окутанного паром фургонограда, из перекрестного огня водяных струй, из этих маневров пожарной команды. Я протиснулся сквозь оцепление. Минуло полчаса, прежде чем мне удалось обойти весь район пылающих мельниц в надежде как-нибудь, где-нибудь, что-нибудь разузнать. Я ничего не разузнал.

Мне ничего не оставалось, как смиренным просителем приблизиться к подножию бронзового трона, на котором царствовал папаша Вейвара. Он склонился ко мне, я вытянул ему навстречу шею, навострив нос и уши, чтобы не пропустить ни звука из сенсации, которую он собирался мне доверить. Но его шепот донес до меня лишь одно: «Горит».

Отчаяние заставило меня пропустить издевку мимо ушей. Я взмолился, чтоб он все же дал мне несколько деталей. Он указал на пламя: разве я не вижу здесь достаточно деталей? Нет, деталей я не видел. Я видел только пламя, орудующих пожарников да своих коллег, орудующих еще энергичней...

Я решительно стал пробиваться локтями к коменданту пожарной охраны. Но когда я уже оказался перед ним, я вспомнил, что даже не знаю, о чем его расспрашивать...

Я спросил о причине пожара.

— Ничего еще не установлено.

Как и у меня. Ничего-то я не установил, и пустым оставался мой блокнот. Слезы не смогли бы погасить мой стыд. Даже если паровой тушитель въехал бы в мои глаза, то и он не смог бы погасить мой стыд. Никогда, никогда не поверил бы я, что я так бездарен. К чертям мои попытки описать пожар! К черту репортаж!»

В качестве сопоставления и контраста вспоминается репортаж о пожаре современного известного журналиста Г. Бочарова. Для него, как и для давнего предшественника, самым сложным оказался выбор темы выступления. Что признать наиважнейшим в сложной жизненной ситуации?

Первое соприкосновение с темой дает обычно лишь ее общий контур, условный эскиз будущего произведе-

ния. Замысел, отталкиваясь от исходных фактов, всегда обрастает новыми данными. Их плоть деформирует первоначальные хрупкие контуры темы, порой разрушая их до основания.

В «Комсомольскую правду» пришло известие корреспондента ТАСС: на перегоне Новосибирск — Омск в дальневосточном экспрессе вспыхнул пожар. В борьбе с пожаром проявил особое мужество научный сотрудник из Новосибирска В. Шмидт. В бессознательном состоянии он доставлен в омскую больницу. Кровь семи добровольных доноров спасла героя.

Контуры темы оформились для журналиста Г. Бочарова, пока он летел по следу этой телеграммы в Омск. Планировал репортаж о мужестве, стойкости, самоотверженности в трудную минуту. И вот омская больница, первые встречи. Оказалось, В. Шмидт никого не спасал, а сам едва спасся из охваченного пламенем вагона. Оказалось, причина пожара — преступное поведение пассажира, забывшего погасить сигарету, а затем спешно сбежавшего вместе с приятелем из пылающего купе. «С помощью свидетелей, участников происшествия, показаний, данных людьми при свете пожара прямо на насыпи, с помощью разговоров с неподвижным В. Шмидтом, омскими врачами, санитарами «Скорой помощи», работниками железнодорожных служб, своих собственных ощущений во время обследования дымящегося вагона — с помощью десятков людей мне как будто удалось восстановить всю картину пожара и поведения пассажиров в охваченном пламенем вагоне. И я его написал — этот репортаж. В нем было все конкретно: имена людей пострадавших и имена людей, спасавших шкуры». Так рассказывал впоследствии Г. Бочаров о работе над темой, которая первоначально казалась отчетливой и определенной.

Превратности журналистского поиска: строчки стихов, всплывшие в сознании Е. Рябчикова, безотказно вывели на точную тему, а вот строки официальной информации оказались менее точны и вывели Г. Бочарова первоначально на ложный след. Это очень непросто — переменить намеченный замысел, отказаться от желаемого ради действительного. Г. Бочаров переработал несколько вариантов репортажа, пережил острую борьбу с самим собой, пока линия «наибольшего сопротивления» вывела его тему на след истины.

Процесс рождения темы, как правило, проходит непросто. Журналист телевидения Л. Маграчев рассказывает: «Выбор темы — период для меня лично длительный, а иногда и мучительный. Задание редакции — это готовая тема и, казалось бы, процесс тем самым облегчается. Но это только на первый взгляд... Задание редакции — это тема, рожденная другим человеком, это как приемный ребенок. К нему надо привыкнуть, его надо сделать своим».

Ни опыт, ни квалификация не облегчают мучительности процесса, хотя и значительно убыстряют его. В самом зените своего творчества М. Кольцов писал: «Скажу по секрету, что 95 процентов всей моей фельетонной работы состоит в отсеивании тем, в чтении огромного количества материалов — писем, докладных записок, газет, отдельных газетных вырезок, присылаемых мне, уходит на посещение разного рода заседаний, где рассказываются всякие вещи, могущие быть интересными, на прием посетителей и разговоры с ними. Все это — процесс отсеивания. Остальные 5 процентов — это уже работа над отсеянным материалом... Когда тема отобрана, вы начинаете обдумывать материал».

А случается теме вызревать в «скрытом состоянии» долгое время. Такой эпизод из своей творческой биографии как-то рассказал журналист «Известий» Ж. Миндубаев.

Группа инженеров Нижнекамского нефтехимического комбината пожаловалась в «Известия» на слабую работу начальника экономического бюро О. Антиповой. Авторы письма сообщали, что у начальницы нет специального образования, а молодые, способные специалисты находятся не у дел. Приехал журналист, проверил — все факты подтвердились. Под началом руководителя, у которого за плечами лишь техникум, — десяток инженеров и экономистов с высшим образованием. Тема выступления обрисовалась четко: «Буду писать о зажиме молодежи и неправильной расстановке кадров», — решил журналист.

По твердому правилу опытного газетчика «посмотреть в глаза» Ж. Миндубаев встретился с О. Антиповой. Она ничего не опровергала, все подтвердила. Но намерения журналиста изменились. Корреспондент увидел женщину, которая сама тяготилась должностью и готова была перейти на другую работу — вот только случай не

подворачивался. Приезд корреспондента, конечно, ускорил дело.

«Писать или не писать? — размышлял Ж. Миндубаев. — Если писать, то за что обвинять человека, который сам готов исправить положение?» Журналист решил подождать с публикацией и не ошибся — спустя полгода получил он из Нижнекамска письмо. Антипова писала, что сама попросилась на другую работу, по ее возможностям. Ей нашли такое место. «И теперь чувствую, что стала снова счастливой, уверенной в себе, нужной людям». Так заканчивалось письмо, и начиналась... тема. Тема об умении найти в себе силы для того, чтобы из любви к родному делу взять ношу по плечу, о необходимости критически анализировать свои возможности и способности, о необходимости нелегкого, но единственно верного решения. Так появился очерк «Трудное призвание».

Такой эпизод не редкость. В блокнотах мастеров профессии хранится множество до времени неосуществленных заготовок. Но это не отходы производства — это бесценная копилка профессионального опыта, резерв замыслов, идей и ассоциаций, будущих тем, нужных обществу, нужных народу.

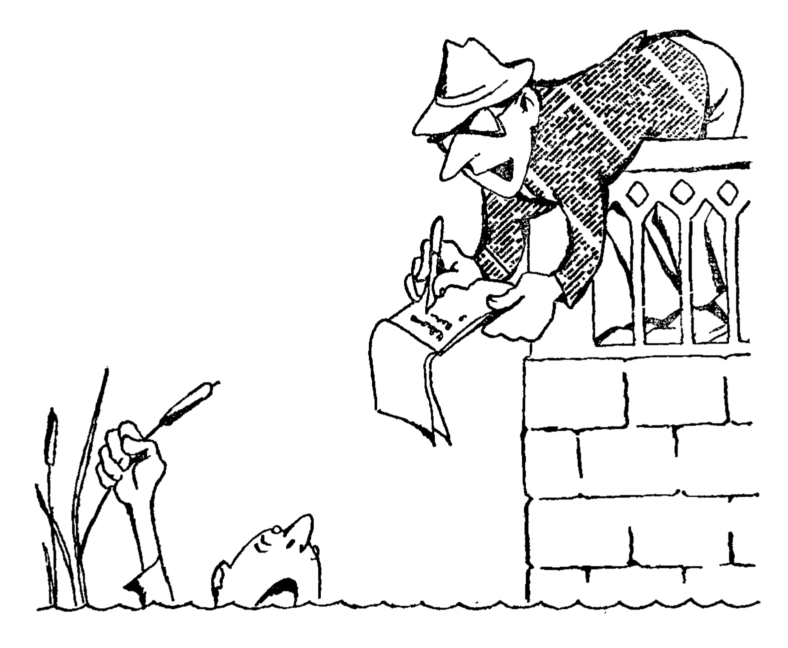
— Но вот тема найдена, план продуман, источники информации намечены. Можно ехать по выбранным адресам. Собирать материал, беседовать с людьми...

— О нет, вы слишком спешите. Оперативность не значит спешка. Вы ведь не предупредили людей о своем визите. Они могут расценить ваше внезапное вторжение как невежливость, бестактность, непредусмотрительность. И будут правы.

«Что за светские церемонии, — иной раз может сказать или подумать начинающий «журналистский волк», — я выполняю задание, лицо вполне официальное, не для развлечения к людям еду, для дела. Должны же они понимать». Да, как правило, понимают, идут навстречу словно с неба свалившемуся корреспонденту. И все же... Журналист В. Ксенофонтов вспоминает об испытанном им чувстве неловкости. Вот он у дома колхозницы Л. Митрохиной, пришел неожиданно, представился. «Женщина спокойно высвободила замок, пригласила меня в дом, заметив при этом: «Предупреждать вообще-то надо, я бы приготовила всю документацию». Резонно. Возразить нечего.

Похожий эпизод из своей практики рассказывает журналист «Известий» А. Васинский. Приехав к героине будущего очерка на завод, в ночную смену, автор оторвал ее от работы и одолевал вопросами до такой степени, что женщина буквально взмолилась: «Ну хватит интервью-то, может? А то за меня человек работает, неудобно».

Мастерство организации контактов, творчество общения — всегда уравнение со множеством неизвестных на путях журналистских поисков. Но есть и точно установ-

ленные «накладки». Исследователь журналистики В. Теплюк так отозвался о них: «...Беседы с рядовыми сотрудниками нередко ведутся наскоком, в разгар рабочего дня. В такой ситуации человек думает не столько об ответах на вопросы журналиста, сколько о выключенном станке, о том, что из-за его вынужденного отсутствия сбивается ритм цеха». Как будто бы это не требует доказательств, но на деле усваивается с трудом.

Бывают и другого рода «накладки». В «Журналисте» Н. Игрунов вспоминает рассказ одного корреспондента о том, как он брал интервью: «Заезжий журналист, импо-

зантный, уверенный в себе мужчина, горько сетовал, вспоминая поездку в знаменитый колхоз «Россия»:

— Я слышал, конечно, что Руденко непрост в обращении, но не мог представить, что до такой степени... Понимаю, Герой Труда, депутатом Верховного Совета был, с министрами знаком. Но ведь не дворянских же голубых кровей — сын рабочего, старшина, минометчик в войну. А как ведет себя? Спрашиваю: «Как жизнь, Иван Романович? Что новенького?» Он: «А что, собственно, вас интересует?» — «Все, — говорю, — интересует, дорогой мой, нас, советских людей, на земле нашей...» Прошло минут десять вот так в разговоре, еще сигаретку не выкурил я, поднимается наш Роман Иванович и, не церемонясь, говорит: «Вы меня извините, мне в поле надобно. Проса поспели, гудят, как колокола!» Пошел к двери, конторщикам на ходу обронил: «Займите, будь ласка, товарища».

Эпизод нетипичный, но показательный. Корреспондент получил от председателя нулевую информацию, и всецело сам виноват в этом. Самоуверенность, развязность, гонор возводят высочайшие барьеры в процессе, который специалисты называют «перетеканием информации».

Социологи утверждают, что девяносто процентов информации журналист извлекает из бесед, из личных контактов с людьми, методом, который профессионально именуется «интервью».

Каждый специалист по-своему строит мосты к нужным людям, к реальным и потенциальным источникам информации. Но есть в различных «конструкциях» общее.

Ветеран журналистики К. Симонов выступал перед студентами МГУ в торжественный день посвящения в журналисты. «Умейте в беседе слушать, — советовал он юным коллегам. — Умейте дать собеседнику «выговориться». Это бывает много интереснее, чем то, о чем вы хотите спросить».

Правдист Е. Фадеев сформулировал еще один профессиональный принцип: «Взял интервью... А что дал?»

Но что можно дать в беседе с незнакомым человеком, подчас длящейся всего 20—30 минут? Оказывается, немало, если найти подход к собеседнику, а не пробиваться напролом. По ходу встречи можно дать человеку ценную информацию, новые впечатления о мире, о лич-

ности: самом собеседнике, себе, журналисте. Бесконечно много незримых слагаемых участвует в беседе всего лишь двоих людей. И в отличие от математики «расположение мест» слагаемых активно влияет на результат.

Иногда это правило заявляет о себе буквально. Исследователи доказали на материале многочисленных наблюдений, что в каждой культуре, в любой этнической группе существуют пространственные нормы для различных типов бесед. Человек старается придерживаться сызмальства усвоенных «норм расстояний» во время разговора. Представим себе вариант интервью: один собеседник все время стремится уменьшить расстояние с партнером, усилить доверительность, приблизиться, а другой все время отодвигается. Вряд ли они останутся довольны друг другом. Второй, вероятно, посчитает своего партнера невоспитанным, настырным, первому же собеседник покажется зазнавшимся, не желающим говорить о себе. Итоги не удовлетворят обоих.

Редактор по отделу науки «Известий» Б. Колтовой на всю свою журналистскую жизнь запомнил первое бесславное интервью его, зеленого новичка, с маститым, мудрым и ироничным академиком П. Капицей. Договоренность о встрече удалась скорее, чем журналист надеялся. Чуть не на крыльях, в запале творческой энергии летел репортер во всемирно известный институт физических проблем, предвкушая яркую публикацию, одобрительную оценку коллег. Может быть, даже похвалу на летучке (летучки в редакциях, как и «пятиминутки» в иных производствах, редко проходят в «скоростном» режиме. Обычно, это обстоятельный, деловой, творческий разговор коллектива о вышедших за неделю или за две номерах).

И вот кабинет академика.

— Так что же вас интересует, молодой человек? — любезно обратился П. Капица к вытащившему блокнот журналисту.

Собеседник замялся. Четко сформулированных вопросов не было, диапазон проблем института представлялся смутно. Поэтому на ум приходили лишь стереотипные обороты: «Расскажите, что у вас нового», «Поделитесь последними успехами».

Академик не стал «делиться успехами» уже потому, что просто не мог этого сделать из-за чрезмерно широ-

кой развилки между психологическими установками собеседников. Были здесь, разумеется, и иные развилки: уровней компетентности, широты кругозора, жизненного опыта. Однако они всегда преодолимы, коль скоро есть встречное стремление к преодолению объективных препятствий, коль скоро это стремление подкреплено не словами, а делом. Для журналиста деловое доказательство серьезности его намерений — степень подготовки к беседе. Ее замечают всегда, хотя, конечно, не всегда реагируют столь решительно и бескомпромиссно, как П. Капица, который сказал, завершая несостоявшееся интервью: «До новой встречи, молодой человек. Я надеюсь, сегодняшний урок не пройдет даром и мне представится случай побеседовать с вами, когда вы будете готовы к этому».

Действительно, этот урок надолго определил стиль интервью молодого журналиста, помог выработке подлинно профессиональной организации бесед, основанной на предельном уважении к собеседнику и делу, которым тот занимается. Б. Колтовой охотно рассказывает этот эпизод своей газетной юности молодым журналистам, бывающим на практике в отделе науки «Известий». А опыт академика П. Капицы тем самым запечатлевается и действует не только в собственно научной, но и в журналистской сфере.

Но как же все-таки добиться взаимного расположения?

Артист Ленинградского Большого драматического театра С. Юрский рассказывал в «Журналисте» о таком варианте интервьюирования: «Вспоминаю корреспондента молодежной газеты в Кишиневе, очень молодого и взволнованного. Он был фантастически подготовлен к беседе о театре вообще и нашем Большом драматическом в частности. Потом мы провели вместе несколько вечеров, мне просто захотелось общаться с этим человеком. А ведь он только задавал вопросы! Но из вопросов я понял широту его интересов и знаний, сходство наших суждений, и, самое главное, из самих его вопросов я вынес для себя нечто новое. Поэтому отвечать на них мне было нелегко и очень интересно. Он заставил меня мыслить».

Профессиональная встреча обогатила духовно собеседников. Высокий эталон мастерства общения.

Иногда журналисту не сразу удается снять психоло-

гический барьер, установить атмосферу доверительной беседы. Иногда поиски контакта затягиваются, иногда он не удается совсем.

Репортер М. Александров вспоминал в «Журналисте», как ему довелось брать интервью у академика К. Быкова, одного из последователей великого ученого И. Павлова. Получив задание редакции, журналист выехал в Ленинград, где жил ученый, и тотчас по приезде позвонил, чтобы договориться о встрече. Академик вежливо заметил, что ему кажется легкомысленным выезжать без предварительной договоренности. Однако встречу назначил.

Началось с того, что в кабинете академика репортеру пришлось ждать. Сидел в одиночестве, разглядывал картины, висевшие на стенах, благо там были эскизы кисти А. Саврасова и К. Коровина. Наконец академик вошел, положил рядом с собою часы, поинтересовался вопросами. Потом, глядя в окно, заговорил сугубо научным языком, сплошными терминами и специфическими формулировками. У журналиста было такое ощущение, словно он в дремучем лесу. Вскоре он отложил блокнот: вести запись было бессмысленно и невозможно. И вот, когда ему оставалось только встать и уйти, признав свое поражение, он почти неожиданно для самого себя спросил, кивнув на эскиз в застекленной рамке:

— Это у вас подлинник?

Мигом ситуация изменилась. Академик оживился, его сухая речь, официально вежливый тон, неприязненная отчужденность исчезли. Он оказался прекрасным собеседником, неистощимым и на идеи, и на точные ассоциации, делавшие эти идеи достаточно понятными. Интервью получилось.

Способность к общению рождается, как правило, из живого, глубокого интереса журналиста к окружающим людям, из собственной душевности. А. Колосов, ведущий очеркист-«деревенщик» «Правды» пятидесятых годов, советовал молодежи: «...Если хочешь узнать людей и колхоз, побывай всюду: в избах, на огородах, в чайной; ходи и прислушивайся, ходи и присматривайся. Иногда час возле полевой сторожевой будки дает тебе материала неизмеримо больше, чем 10 часов беседы с тем или другим руководителем...»

Это не значит, разумеется, что без беседы с руководителем журналист может обойтись. Это значит, что од-

ной, даже «руководящей» беседы, как правило, недостаточно.

Бывают и довольно своеобразные способы организации интервью. Так, один журналист на вопрос коллеги, чем он вызывает на разговор собеседников, ответил, улыбаясь: «Размерами». Действительно, он высок ростом, отлично сложен, не обратить внимание на него невозможно, не заинтересоваться, пусть поначалу внешне, нельзя. Когда-то он понял это и теперь «эксплуатирует» внешние данные. Шутка? Не скажите. А вдруг действительно помогает?

— Шутки шутками, но ясно, что на внешнем облике далеко не уедешь.

— Вы зря недооцениваете внешний облик. В контактах с людьми, особенно оперативных, он играет не последнюю роль. Это специально исследовал американский социолог Д. Рисмэн. Он установил, что в равных условиях интервьюеры-женщины получали больше информации, чем интервьюеры-мужчины почти во всех случаях. Но в главном, конечно, не возраст, не облик определяют ход журналистской беседы, а профессиональная подготовка.

«...требуется известное развитие для того, чтобы уметь *задавать вопросы,* тем более относительно философских предметов, так как иначе может получиться ответ, что вопрос никуда не годится». Это суждение принадлежит философу Гегелю — его выписал в свой конспект В. Ленин с пометкой: «Хорошо сказано!»

Сказано точно не только по адресу философов, но и по адресу журналистов. Умение задать точный, деловой, небанальный вопрос отличает журналиста-профессионала от «приготовишки» и дилетанта.

Нелегкому делу — подготовке к интервью — подробно учит недавно вышедшее пособие преподавателя МГУ Т. Шумилиной «Не могли бы вы рассказать...». Первое требование к вопросу, поясняет автор, — он должен быть понятен, иметь для собеседника тот же смысл, что и для журналиста. Иначе каждый из беседующих будет двигаться в своей плоскости и общаться с самим собой.

Второе — вопрос должен содержать в себе одну мысль. В противном случае собеседник отвечает на последнюю часть вопроса или ту, которую легче запомнить. Такие излишества приходится наблюдать и в очень авторитетных изданиях. «Выстрелит» журналист

сразу «очередь» вопросительных предложений — следует обобщенный ответ. Задуманная детализация срывается.

Еще один момент особо выделяет исследователь: своевременность, уместность вопроса. Он может быть и неожиданным для собеседника, и необычным по форме, но важно задать его так, чтобы снять возможное недоумение, предотвратить «барьер». Вот пример из книги Т. Шумилиной. Радиожурналист берет интервью у председателя райисполкома о перспективах строительства на ближайшую пятилетку.

«Журналист: Прежде чем перейти к теме нашей беседы, разрешите Вас спросить, приходилось ли Вам когда-нибудь летать на небольшой высоте, ну, скажем, метров 300—400?

Председатель: Да, приходилось. Но какое это имеет отношение к нашей беседе?

Журналист: Видите ли, я хотел попросить Вас совершить вместе с радиослушателями мысленный полет над Вашим районом. Только давайте условимся, что летим мы не сейчас, а через пять лет, в конце пятилетки.

Председатель: Ну что ж, давайте совершим такое путешествие».

Репортер поставил вопрос интересно и для собеседника и для радиослушателей. Он удачно использовал так называемый «журналистский ход». И что особенно важно, «ход» был понят и принят.

А вот корреспондент «Правды» Е. Фадеев из собственной практики приводит пример вопроса, «повисшего в воздухе», не достигшего задуманной цели. Шла беседа с легендарным подводником. Разговор коснулся смысла жизни, цены мгновения. Журналист неожиданно спросил: «Если бы вдруг Вам осталось пять минут жизни, как бы Вы их провели?» Застигнутый врасплох собеседник ответил контрвопросом: «Где? На земле, под водой?» И тема оборвалась. Интервьюер не сумел ее развить, продолжить.

Впоследствии журналист анализировал свой промах: «Нужно было разворачивать его (вопрос. — *В. У.*) шире, глубже, раскрывая и самого человека. Ответ, конечно же, надо было прокомментировать дальнейшим ходом беседы. Тогда мне это в голову не пришло. Вопрос, в принципе имеющий право на существование, и ответ — яркий, неожиданный — «зависли» в материале. Ружье не выстрелило...»

А вот классический пример — на него нередко ссылаются исследователи, — когда «ружье стреляет». Его приводит американский журналист А. Либлинг в сборнике своих избранных интервью. «Одним из лучших материалов, которые я когда-либо делал, был очерк об Эдди Аркаро, жокее. Когда я интервьюировал его, первый вопрос, который я задал, был такой: «На сколько дырок выше Вы затягиваете левое стремя по сравнению с правым?» Это легко заставило его разговориться, и через час, в течение которого я вставил около дюжины слов, он сказал: «Я вижу, Вам много приходилось иметь дела с наездниками».

Один точный профессиональный вопрос обеспечил успех материала. Он помог снять барьеры, увидеть в журналисте дельного собеседника.

Но залог удачи, конечно же, в предварительной подготовке. Об этом постоянно напоминают и журналисты-практики, и составители учебных пособий.

Инициатива в беседе — профессиональная норма

для журналиста. Но как трудно бывает ее иногда добиться!

Не один десяток трудных бесед на счету репортера «Комсомольской правды» Г. Бочарова. Они часто ведут его по следам драматических ситуаций, сложившихся по вине чьей-то небрежности, равнодушия, разгильдяйства. Беря интервью у самых различных людей, репортер находит причины малоприятных, порою трагических событий.

Очерк Г. Бочарова «Паром» напечатан в «Комсомолке» 24 декабря 1976 года с тревожным подзаголовком: «Что произошло на Каме».

Хорошо знакомо большинству читателей место происшествия — Набережные Челны. Знакомо по героике строительства, по красному флажку на карте народных достижений. Что же случилось на Каме?

В первую морозную ночь зимы 1976 года паром, полный людей и грузов, отчалил от одного берега Камы, а к другому добраться не смог — застрял в ледяных наростах. Создалась аварийная ситуация из-за того, что руководители порта и переправы не вызвали вовремя катеры-буксиры, не учли метеорологического прогноза, не проявили элементарной заботы о пассажирах.

Все эти «не» исследует журналист, чтобы объяснить происшедшее, исключить повторение недопустимых просчетов. Десятки людей стремятся изложить журналисту «все как было», чтобы помочь истине. Но есть единицы, виновные в происшедшем. Они уклоняются от вопросов, юлят, изворачиваются.

Труднейшее это дело: вести интервью с виновными в обнаруженном головотяпстве. Еще шаг в этом направлении — и путь журналиста пересечет трассу другой профессии, пойдет след в след с юридическим дознанием. Не такая уж редкость совместный труд журналистов-исследователей и юристов-следователей. Но для журналиста характерно объяснение нравственных аспектов, «моральная» точка отсчета. Вот как в истории с паромом.

Кульминация в разборе случившегося — беседа Г. Бочарова с начальником порта Г. Васиным.

«Никто в этой истории не повинен, — сказал начальник порта Васин. — Никто. Так сложилась ситуация.

— У вас был прогноз? — спросил я.

— Не было, — ответил Васин. — То есть был.

— Вы могли послать катера за паромом сразу? — спросил я. — Сразу, когда паром застрял?

— Нет, — ответил начальник порта. — Они были заняты.

— Чем? — спросил я.

— Надо разобраться, — сказал Васин. — Сразу не ответишь.

— Ваши работники были грубы с пассажирами. Многие запомнили человека с бородой.

— У нас нет человека с бородой. (У знакомого читателям начальника переправы Н. Кузина прекрасная ухоженная борода. — *Г. Б.*)

— Измученных людей могли бы встретить на причале. Я уж не говорю об автобусе, например...

— В 2 часа ночи автобусы, что ли? Ведь паром приплыл в 2 часа ночи. Откуда автобусы? (Приплыл в 4 часа утра. — *Г. Б.*)

— Вы могли в ту ночь связаться с паромом, чтобы узнать реальную обстановку?

— Это дело моих людей, — ответил Васин. — Мне ни к чему подключаться к парому. Разговоры с ним велись по рации...

— Рация не работала, — сказал я. — Жаль, что никто не может объяснить почему.

— Похолодание, — скомканно проговорил Васин, прощупывая мои знания в радиотехнике. — Внезапный мороз...

Моя любознательность уже выглядела неприличной, но я все же задал последний вопрос:

— Кто должен был заранее предупредить жителей Елабуги и Набережных Челнов о прекращении переправы через Каму?

— Мы, — ответил Васин, мучительно полупризнавая свои прямые служебные обязанности. — Но ситуация...

Наш разговор иссяк. Пересох».

Стоит включиться в это интервью, «прокрутить» его в своем сознании раз, другой, третий... Стоит для того чтобы почувствовать себя и в роли наступающей, и в роли бесславно обороняющейся сторон, чтобы почувствовать на губах горький вкус очень трудно дающейся самооценки виновного. Он еще не признал себя таковым, но частокол вопросов уже не оставил лазеек для оправданий. Ответы обличают сами по себе. Именно потому, что вопросы попадают в «яблочко».

В приведенном интервью ясно виден барьер между собеседниками. Барьер «компетентности — некомпетентности». Журналист знает о происшествии несравненно больше, чем обязанный знать начальник порта. Журналист побеждает с неоспоримым перевесом. Но такой победе предшествует кропотливейшая подготовка.

А как бы развивался диалог в другом случае? Можно представить себе, какую еще уйму барьеров понастроил бы начальник порта. И как с разбегу ударялся бы о них журналист, пытаясь с помощью наводящих вопросов получить истинную картину дел.

Дальше возможны были бы различные варианты. Опытный журналист, уловив фальшь первых ответов, прервал бы беседу, чтобы из других источников ознакомиться с происшедшим. Журналист «необстрелянный», неопытный мог принять на веру ответы начальника, списать неувязки на объективные обстоятельства или, того хуже, не устоять перед демагогией.

Демагогия всегда возникает там, где недостает компетентности, чувства ответственности. Грешат ею подчас не только отрицательные персонажи журналистских произведений, но и сами журналисты. Об этом с сарказмом рассказывал писатель из ГДР Г. Кант в романе о журналисте «Выходные данные». «Помню, в Шведте я, идиот, спросил одного рабочего: «Что же, коллега, как развиваются у вас события?» Он мне и ответил: «Что ж, коллега, события развиваются следующим образом: я беру вот это орудие, называется оно лопата, да, запишите-ка для памяти, и направляю его под прямым углом в землю; между нами говоря, точно под прямым никогда не удается, скорее получается тупой, примерно в сто градусов, что облегчает проникновение лопаты в земные недра. Чтобы проникнуть туда, я развиваю нижеследующую деятельность: опираясь правой ногой, вот этой вот, в правое верхнее ребро лопаты — не потрудитесь ли запомнить; правой ногой в правое ребро, многие легко путают, что затрудняет развитие достижений в производительности труда; а теперь наступает весьма важный этап: в моем теле развиваются определенные силы, однако в том лишь случае, если действуют согласованно все сухожилия, мышцы, кости и, главное, сознание, и не только сознание того, что сейчас развивается сила, помогающая всадить лопату сквозь дерн в землю, но сознание общественной значимости моих действий — просто так нажать ногой

было бы, если рассматривать вопрос с точки зрения общего развития событий, неверно, ибо события не стали бы развиваться».

Писатель, профессиональный журналист, высмеивает стандарт, выспренность, фальшь, которыми подчас грешат вопросы интервьюеров. В ответ ироническое «подыгрывание» рабочего, его подтрунивание над языком нарочитой фамильярности, за которой, по существу, неуважение к собеседнику, хоть и именуют его без всякого на то основания «коллегой».

Фальшь, неискренность, показуха не меньше, чем некомпетентная и невежливая настырность, вредят журналистским контактам, действуют отталкивающе, не дают возможности получить ценную информацию, грозят утратой авторитета. И напротив, самоотверженную помощь попутчиков, собеседников, порой случайных, встретит журналист, если сумеет расположить их к себе, убедить собственной убежденностью и душевностью. В подтверждение еще один эпизод из опыта Г. Бочарова. Журналист вылетал по срочному заданию «Комсомольской правды», чтобы написать о том, как героически спасали загоревшееся хлебное поле. О мужестве, труде и риске. «Самолет уходит через тридцать минут, билетов нет. У диспетчера красные от бессонницы глаза, прокуренный голос, грустная улыбка. За сутки дежурства перед ним прошли колхозники и главные инженеры, военные и корреспонденты, отпускники и опаздывающие из отпусков.

— Там пожар, — говорю я. — Вот телеграмма. Молодой парень, москвич гасил огонь, рискуя жизнью, и теперь...

Но палец диспетчера уже на рычажке селектора.

— Сколько ты весишь? — спрашивает он.

— Пятьдесят семь килограммов, — отвечаю я.

— Сколько? — с сомнением переспрашивает он.

— Это без одежды, — говорю я. — Так — шестьдесят.

— Кажется, уладил — лети. Только расскажи по-человечески, что там случилось. Ждем...»

Дальше были теплоход и паром, районный комитет партии, поездки с Васей Головниным — героем события — по его страшному огненному маршруту, встречи с комбайнерами, домохозяйками, шоферами. Дальше был не менее срочный и сложный путь обратно, когда только от доброй воли встреченных людей зависело, успеет ли

журналист к отлетающему рейсовому самолету, или будет ждать сутки. «В репортаже «Схватка», — вспоминал впоследствии автор, — не было ни слова о диспетчерах аэропортов, милиционере с пристани, старом паромщике, молодых пилотах и шоферах. Но их присутствие ощущалось за каждой строкой. Они помогали газете как можно скорее рассказать о мужественном поступке, потому что знали цену мужественным поступкам и были наверняка готовы к тяжелым испытаниям в любой трудный миг их собственной жизни. Иначе неясно, зачем бы им все это было нужно...»

Так складываются звенья содружества, добровольной помощи со стороны незнакомых, уважающих журналистское дело людей.

— Добыть точную информацию, поведать людям истину — профессиональное правило честного журналиста. А все же неточностей и в самых хороших газетах немало.

— Увы, заблуждения неотделимы от всякого процесса познания. Но, поняв их природу, легче с ними бороться и добиваться истины.

Философ XVII века Ф. Бэкон, размышляя о трудностях познания, писал: «Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид идолами рода, второй — идолами пещеры, третий — идолами площади и четвертый — идолами театра». Своей метафорой философ обозначил типы заблуждений, которые сбивают с курса разум, стремящийся к познанию истины. Ошибается тот, кто считает, что век научно-технической революции поборол всех идолов. Бэконовские страшилища живучи.

«Идолов рода» Ф. Бэкон расшифровывал так: «Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде». Ошибки субъективного восприятия — так сегодня можно объяснить первую распространенную группу заблуждений.

«Журналист» рассказал, как очеркист «Комсомольской правды» В. Хилтунен собирал материал в Одоевской средней школе Тульской области. Работал, как и обычно, тщательно, кропотливо, влезал в детали, проверял и перепроверял свидетельства. Внезапная болезнь — приступ аппендицита — вынудила прервать работу. Едва оправившись после операции, он даже в больнице продолжал собирать материал: беседовал с

наведывавшимися людьми, изучал протоколы педсоветов... «Он работал как вол», — отзовутся потом об авторе очерка участники одоевской эпопеи.

И потом, выписавшись из больницы, «добирал» данные. Очерк об опыте одоевцев требовался срочно — газета спешила передать «ключи» одоевского опыта другим сельским школам. И вот очерк В. Хилтунена «Директор» распечатан десятимиллионным тиражом «Комсомолки».

Прочли его, разумеется, и в Одоеве. И... послали возмущенные письма в «Комсомольскую правду», в редак-

цию журнала «Журналист». В письмах жаловались на то, что журналист исказил облик главного героя очерка, директора Одоевской школы Е. Бобылевой. Хорошо знавшие ее люди писали в газету, что Евдокия Федоровна — личность глубоко интеллигентная, тактичная, как литератор она отлично владеет словом, силу которому придает твердая убежденность в правильности своего дела... А изображена она «гром-бабой», как выразились многие одоевцы, читая очерк: ведь от нее закрываются на замки областные начальники. А некоторые читатели даже засомневались и решили, что Е. Бобылеву в очерке критикуют.

Вот он, резонанс неточного субъективного восприятия журналиста. Результат, навеянный первой группой бэконовских «идолов». Журналист был добросовестен и дотошен. Это особенно подчеркивали все, кто писал возмущенные письма. Он еще до болезни чуть ли не целый день ездил с Е. Бобылевой: в райком партии, в управление Сельхозтехники, в шефствующий над школой совхоз, встречался в школе с выпускниками. Однако общее восприятие характера героини оказалось неверным. Подвел субъективизм — нередкий источник журналистских заблуждений.

Но вот вторая группа определенных Ф. Бэконом заблуждений: идолы пещеры — где подстерегают они? Философ объясняет: «Ведь у каждого, помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы». К этим «пещерным» заблуждениям Ф. Бэкон относит личную предвзятость и предубежденность, вызванную предшествующими впечатлениями.

Чем это грозит журналисту? А вот чем — сбор материала начинается не на пустом месте, не на «чистой доске» профессионального восприятия. Журналист готовится к встрече с героем, а его сознание перебирает возможные обстоятельства и формирует предварительную «модель» ситуации. Вот едет журналист по тревожному сигналу за критическим материалом, а впечатление от того, что он видит на месте, благоприятное. Какая позиция повлияет на дальнейшее изучение фактов?

Корреспондент журнала «Крокодил» Р. Киреев, «отправляясь в Липецкую область, уже набрасывал в голове план фельетона о руководителе, для которого охотничьи страсти важнее работы. Думается, что подобная заблаговременная прикидка не столь уж безобидна, как это может показаться на первый взгляд. Она рождает некую пристрастность, невольную избирательность зрения: хочется замечать лишь те факты, которые подходят под созданную тобой схему».

Идолы предвзятости пытаются запрятать непредвиденные детали в укромный угол «пещеры» — в заранее готовое решение. Бывает, что это им удается. Но опытные журналисты умеют не поддаваться коварным искусителям.

«Идолы площади», по мнению Ф. Бэкона, способны склонить человека к общепринятой версии, навязать не-

критическое усвоение позиции большинства. А большинство в сложных вопросах тоже не застраховано от ошибок. Журналист обязан перепроверять «глас большинства» вдумчиво и критически.

Корреспондент ярославской газеты «Северный рабочий» В. Мельников прибыл с редакционным заданием в совхоз «Луч». Привел его сюда тревожный сигнал о хищении семенного зерна. Журналист представился директору совхоза, сообщил о цели командировки.

Директор его прервал:

— Знаю! Опять эта Болотова. Строчит и строчит кляузы: замучила всех. Лучше бы работала как все...

Это мнение разделяли многие жители совхоза. С кем ни беседовал корреспондент, ему говорили, что автор письма — известная кляузница. К тому же нерадива — работу выбирает только выгодную, от другой отказывается. На сенокос, например, вышла всего три раза...

Все факты корреспондент изложил в подготовленной публикации: жалобщицу пристыдил, существу жалобы значения не придал. И вот материал стоит в полосе.

К счастью, он не был напечатан. Опытному редактору доводы показались неубедительными. Особенно смущала ссылка на общее мнение, которым оперировал корреспондент. Конкретных доказательств практически не было. Главный довод — не выходила на сенокос. В совхоз послали более опытного журналиста. Он вернулся с выводами, противоположными тем, которые сделал коллега, так как без предвзятости разобрался в ситуации, выяснил, что в дни сенокоса женщина серьезно болела. Обвинения в нерадивости были выстроены на песке.

Что и говорить, мнение большинства авторитетно для журналиста. Однако важно не проглядеть рубеж, за которым единодушное стремление к истине обретает облик «идолов площади».

Сравнительно недавно такой рубеж не заметили журналисты Днепропетровщины, а за ними и некоторые коллеги из уважаемых центральных газет. Несколько студентов местного университета предложили выстроить лодки из камыша, чтобы проплыть по Днепру до Черного моря. Цель — доказать, что именно этим способом передвигались древние народности Приднепровья. Ученые-историки отнеслись к студенческому замыслу как к детской забаве — всерьез не приняли. Но местные патриоты обрадовались, надеясь снискать лавры первопро-

ходцев. Пресса активно поддержала идею. Много было потрачено и сил, и денег, и камыша, и места в газетах, пока корреспондент «Правды» В. Черкасов не помог взглянуть на предприятие иными глазами. И появился в «Правде» фельетон «Ковчег» в цветном тумане». После этого туман рассеялся. Детские дорогостоящие забавы предстали в истинном свете. Но до того «идолы площади» могли торжествовать победу.

Когда Ф. Бэкон предостерегает против четвертой группы заблуждений — «идолов театра», что он имеет в виду? Это дань повседневным догмам, увлечение декларативностью. В эти ловушки случается попадать журналисту тогда, когда он склонен принять желаемое за действительное, обойти, приукрасить сложности. «Идолы театра» побуждают вместо истины довольствоваться декорацией. И тогда на газетных страницах, в передачах радио и телевидения читатель, слушатель, зритель встречается с ходульными, схематичными персонажами вместо живых людей.

Как выиграть сражение с «идолами»? В каждом без исключения случае решить этот вопрос предстоит журналисту один на один с очередной проблемой.

— Конечно, существует немало сложных причин, уводящих журналиста от истины. Но есть ошибки, которые объясняются поспешностью, забывчивостью, халатностью, безграмотностью наконец. А в результате рождается «брюква на деревьях», как говорил Марк Твен.

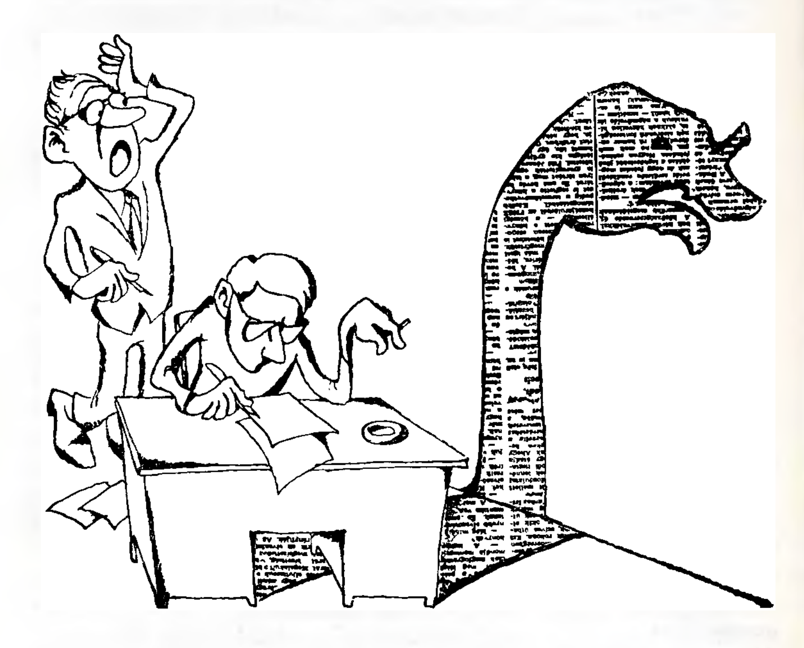
— Да, и такого рода ошибки, к сожалению, не единичны.

Машинописный текст, который посылают в набор, открывается «собачкой». Так называется в редакционном обиходе трафарет, для каждой редакции свой, где помечено: «Цифры и факты проверил...», «К набору подготовил...», и следуют обязательные подписи и автора, и других профессионально ответственных лиц. Любой материал проверяет сначала литсотрудник, затем заведующий отделом, а перед сдачей в набор ответственный секретарь. Кроме того, во многих газетах есть специальные бюро проверки. Затем корректура — проверка на грамматическую точность. И наконец, перед выходом в свет каждый номер дотошно читают главный редактор и «свежая голова» — дежурный сотрудник редакции.

В крупных газетах до десятка контрольных постов

стоят на страже точности каждого предложения. И все же ошибки случаются. Их именуют «ляпы» малые и большие. За ними, как правило, следуют выговоры провинившимся — тоже малые, большие и строгие. А за строгим выговором может последовать увольнение нерадивого журналиста или корректора.

Иные «ляпы» бывают даже забавны, если о них вспоминать через несколько месяцев. К. Чапек шутит на этот счет: «Опечатки бывают даже полезны тем, что веселят читателя: зато авторы пострадавших статей реагируют

на них крайне кисло, пребывая в уверенности, что искажена и испорчена вся статья и что вообще во вселенной царят хаос, свинство и безобразие». Юмор, конечно, спасителен, но в день появления «ляпа» в любой уважающей читателя и себя редакции наступает подлинный траур. Раздаются суровые и насмешливые звонки подписчиков, почта приносит первые письма с текстами опровержений, коллектив выясняет причины ошибки, ищет главного виновника. А поиски эти не так-то легки.

Если кто-нибудь захочет в подшивке «Комсомольской

правды» найти номер за 13 августа 1945 года, он такой газеты не обнаружит. В тот день газета вышла с датой... 13 января 1945 года!

Как это могло случиться? Из типографии подняли весь ночной «архив». К редактору были вызваны все, кто имел отношение к выпуску. В оттисках полос, начиная с первого и кончая «подписным» (то есть окончательным оттиском полосы перед печатанием), все было правильно: 13 августа 1945 года. А на тиражном оттиске 13 января!

Оказалось, выпускающий в последний момент решил почище набрать дату, а наборщик почему-то вместо «августа» сочинил «январь».

Теперь этот эпизод вспоминается с улыбкой, а тревога в редакции в тот злополучный день была всеобщая. Все больно переживали нелепый «ляп».

Иной «ляп» сразу бросается в глаза, иной почти незаметен, но миллионная аудитория, как правило, реагирует бурно. В редакцию идут саркастические послания, неумолчно звонят телефоны. Типичные промахи для пользы дела публикует «Журналист» в разделе «7 раз проверь» под рубрикой «Не вырубишь топором!». Вот абзац из очень квалифицированной ленинградской газеты «Смена»: «Кролик действительно самое скороспелое и многоплодное сельскохозяйственное животное. Разводить его интересно и выгодно. Ведь от одной самки можно получить 60 шкурок и до 90 килограммов ценного мяса за год!»

Еще один курьезный промах извлечен «Журналистом» из публикаций «Советской Татарии». Газета сообщила: «В эти дни в музее истории города Набережные Челны экспонируются копии картин знаменитых западноевропейских художников. Среди них «Анаконда» Леонардо да Винчи».

Поистине «семь раз проверь». А после этого, иронизировали И. Ильф и Е. Петров, работавшие в пору творческой юности фельетонистами газеты «Гудок», после десяти проверок изумленные читатели получают первый том многотиражного издания с заголовком «Энциклопудия» вместо «Энциклопедия».

Фельетонист «Правды» А. Суконцев рассказывает о типичной, так сказать, «технологии «ляпа». «Один из моих коллег, довольно квалифицированный журналист, вернулся из командировки и, что называется, «отписался».

Очерк его набрали и поставили в номер. Вечером главный редактор звонит автору:

— Нужно указать название колхоза.

Очеркист рылся, рылся в своем блокноте, который он, надо сказать, ведет безалаберно, и наткнулся на название деревни.

— Деревня Васильково, — говорит он редактору.

— Нужен колхоз, а не деревня.

Опять лихорадочно перелистывается блокнот, тщательно изучаются собственные каракули. И вдруг фамилия: «Лаптев». Очеркист звонит главному редактору:

— Колхоз имени Лаптева.

— Лаптева? — с сомнением переспрашивает редактор. — А кто такой Лаптев? Почему его именем назван колхоз?

Журналист не знает, и он брякает первое, что приходит ему в голову:

— Это в честь одного из полярных исследователей. Знаете, есть еще море Лаптевых

— А при чем здесь Лаптевы?

— Не знаю. Кажется, один из них — их земляк.

— Кажется, кажется, — проворчал редактор и с тоской посмотрел на часы.

Очерк был напечатан, а через неделю пришло письмо из колхоза. Колхозники писали, что хотя их почтальон Леня Лаптев и неплохой парень, но они пока еще не думали о том, чтобы его имя присвоить колхозу.

Так безалаберные записи в блокноте стали виновником крупной газетной ошибки».

Случаются промахи и посерьезнее. В «Комсомольскую правду» пришло письмо из Самарканда. Четыре листа машинописного текста под заголовком «Маугли из Каратау» и подпись — кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии Самаркандского государственного университета такой-то. Ошеломляющие факты сообщало письмо. В окрестностях горного кишлака Ингички более десяти лет назад обнаружили странное существо. По виду человек, он не имел одежды, скрывался от людей бегством, не умел разговаривать. Все же существо поймали, привели в кишлак. И здесь один из жителей признал в нем своего племянника, давно, в детстве, пропавшего мальчика Жияна. И вот автор письма делится своими наблюдениями: «...Жиян прожил в кишлаке уже двенадцать лет. Может спать на снегу. Ему

чуждо чувство страха. Если потребуется, ночью в снег и ветер идет десять-пятнадцать километров до соседнего кишлака. Совершенно безотказен в работе. Редко злится. Очень силен. То съедает пищу за шестерых, то по трое суток не ест. Однажды сбежал в город Джизак. Шипел на автомобили, дико озираясь по сторонам, его с трудом изловили полдюжины милиционеров».

Кто из журналистов не отзовется на такое письмо! Явление чрезвычайное, свидетельство авторитетное. Правдивость изложения подкрепляют многочисленные детали. Надо писать! Надо ехать!

О событии стало известно московским ученым. Профессор Б. Поршнев, известный историк, в ту пору как раз работал над монографией о палеопсихологии — истории развития мышления у древнего человека. (Вышла эта книга «О начале человеческой истории» уже посмертно, в 1974 году.) В момент возникновения Маугли из Каратау все помыслы профессора концентрировались на том, чтобы найти подтверждение или опровержение своей гипотезе очеловечения. И вот профессор едет в кишлак спецкором «Комсомольской правды» вместе с журналисткой Т. Агафоновой.

Первое, что попалось на глаза в Самарканде, — местные газеты «Ленин юлы» и «Ленинский путь» на узбекском и русском языках. И там и там статья доцента «Маугли из Каратау» уже напечатана — ее прочли тысячи людей.

Бригада «Комсомолки» встретилась с редактором «Ленинского пути». «Да, мы отвечаем за публикацию,— заверил он, — рассказ о событии уже затребовала «Неделя».

После многих часов трудной горной дороги перед спецкорами «Комсомольской правды» кишлак Ингички. Человека по имени Жиян ученый и журналистка находят. Но ничего общего с выдуманным Маугли в нем нет. Ситуация необычна, но совсем-совсем в другом отношении. Жиян действительно в войну лишился родителей, действительно живет у родственника, действительно производит впечатление забитого существа. Но причина — не скитания в горах, а обращение хозяина семейства. Юноше необходима человеческая помощь и меньше всего журналистские рассказы.

А ложный слух, подкрепленный авторитетом двух областных газет, тем временем распространялся. В Са-

марканд уже прибыли журналисты из АПН и «Литературной газеты», сообщение передали зарубежные радиостанции, «Неделя» опубликовала очерк на эту тему редактора областной газеты.

Весь корреспондентский корпус собирается в сакле, где практически в услужении живет Жиян. Среди приехавших и автор письма в «Комсомолку». Хотя «липа» для профессора-историка очевидна, доцент-географ продолжает настаивать на своем мнении. И есть журналисты, склонные поверить первоначальной версии. Поверить единственно потому, что очень уж эффектный случай, что очень уж обидно добраться сквозь пургу в далекий кишлак и ни с чем уехать обратно. Кроме того, первая заповедь журналиста — выполнить задание редакции. Но не менее существенная заповедь — быть всегда досконально точным, чтобы не подвести редакцию.

«Известия», ответственные за публикацию «Недели», вскоре дали опровержение под заголовком «Исправление ошибки в связи с «Маугли из Каратау». Редакционная коллегия «Недели» извинилась перед читателями.

Бурно обсуждалась в журналистском мире эта незаурядная история. С ее подробным разбором выступил журнал «Журналист». Т. Агафонова вернулась к урокам «Маугли» в сборнике «Журналисты рассказывают». Научный обозреватель «Комсомольской правды» Я. Голованов напомнил, что хотя случай с Маугли редок, но все же не единичен. Он напомнил о «Березе Рихарда Зорге». Прощаясь с Россией перед трудной и дальней дорогой, отважный советский разведчик вырезал якобы на ней свои инициалы. Итог: береза действительно есть, но Зорге к ней никакого отношения не имеет.

«Дерево-людоед». Информация о нем шла по областным и районным газетам как эпидемия гриппа. Сообщалось, что где-то (по счастью, не на территории СССР) существует дерево, опутывающее зазевавшегося путешественника своими стеблями и высасывающее затем из него кровь или тихонько его переваривающее. Нет такого дерева ни у нас, ни в других, даже самых экзотических странах.

Необыкновенный «подвиг» Валентины Ткаченко. Во время учебных парашютных прыжков один из парашютистов зацепился за хвост самолета. Прыгнувшая следом В. Ткаченко спасла жизнь товарища. Весть о ее

«подвиге» росла как снежный ком, уже поговаривали о награждении отважной девушки. Итог: все выдумка, от начала до конца.

Объединяя все эти случаи, Я. Голованов ставит диагноз — некомпетентность поистине огромная профессиональная проблема.

Но случается и другое — поверхностное отношение, как бы следование инерции, дань примелькавшемуся и потому успокоительному стандарту.

Поверхностность, ты хуже слепоты.
Ты можешь видеть, но не хочешь видеть.
Быть может, от безграмотности ты?
А может, от боязни корни выдрать
деревьев, под которыми росла,
не посадив на смену ни кола?!

Е. Евтушенко

— Что дает журналисту метод «перемены профессии»?

— Этот метод в журналистике знает множество вариантов. Не все и не всегда можно одобрить: нельзя идти на обман даже для благой цели. Однако закономерно переменить на время работу, чтобы глубже исследовать какую-то сферу труда.

«Спешите видеть! Только один раз! Весь вечер на манеже наш специальный корреспондент». Этот шутливый призыв появился на воскресной полосе «Комсомольской правды» «Карусель» в январе 1977 года. «Два дня в униформе» озаглавлена публикация В. Выжутовича, сменившего корреспондентский пиджак на яркий наряд униформиста.

«Неделю назад, — рассказал журналист читателям, — я приехал в старый цирк на Цветном бульваре. Мне выдали две замечательные куртки — красную (на утреннее представление) и зеленую (на вечер), брюки с лампасами и белую накрахмаленную рубаху. После чего старший униформист Шамиль Садеков подвел меня к занавесу и, прежде чем выпустить в свет, сказал строго и коротко:

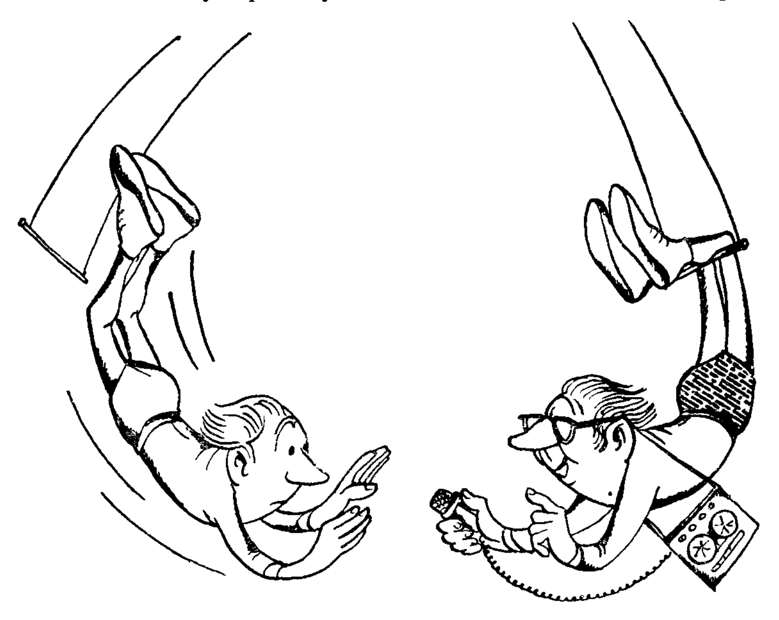
— В проходе не стоять. На манеж не вылезать. Помогать нам не надо, стой и смотри. Медведей объявят — уйдешь в зал. Застегнись. Пошел.

Я вышел к публике так, словно меня объявили как жонглера, слона или канатоходца».

Для чего же затеял эту игру в переодевание журна-

лист? С очень серьезной целью — рассказать по-настоящему глубоко о людях профессии, как будто бы и заметной (внешне), но на деле почти неизвестной. За два дня работы на манеже журналисту открылось многое, чего не увидишь со стороны, не выяснишь в беседах и не прочтешь в документах. Чтобы распознать тонкости труда, корреспондент сам надел униформу. И не пожалел.

«Мне стало обидно, — написал потом журналист, — за человека в зрительном зале, который, наверняка считая собственную работу и сложной и значительной, вряд

ли задумывался о «тайнах» работы униформиста, где как будто бы никаких тайн нет, где все просто и бесхитростно, как шутки старого клоуна.

Какое грустное и наивное заблуждение!

Я «отработал» четыре представления, но не умею делать и сотой доли того, что умеют и делают люди в униформе. Мне было велено просто стоять. И даже этому я научился не сразу, потому что «просто стоять» оказалось тоже непросто».

В. Выжутович не первый журналист, «влезающий в шкуру» людей тех профессий, которые он решил исследовать. Широко использовал прием перемены профес-

сии М. Кольцов. Итог — его классические публикации: «Три дня в такси», «Семь дней в классе», «В загсе».

Правда, журналист здесь не столько «менял», сколько «вспоминал» прежние свои профессии — доводилось ему ранее и детей учить, и водить машину... Ни малейшая крупица накопленного опыта не пропадает даром для настоящего журналиста.

Для автора, создавшего эти работы в 1934, 1935 и 1936 годах, главным было узнать и рассказать, «чем дышат» люди разных видов труда, где «узкие места» — причины неурядиц, что можно срочно исправить. Не без сочувственной улыбки воспринимаются и сегодня наблюдения журналиста над таксомоторной службой. «...Инструкция по перевозке багажа на такси составлена узко и придирчиво. Инструкция — это только повод для мелких взяток за ее нарушение. Шофер сначала покуражится, потом везет ручную машинку и получает за это усиленные чаевые. Вообще, как заискивают московские пассажиры перед сердитым, насупленным, развалившимся на сиденье шофером!.. Почему бы им, кстати, не приодеться? Если Автотрест не может еще завести форму, пусть пока выдаст хоть фуражки приличного образца».

Призыв был услышан — фуражки выданы. Многое изменилось в работе московских таксистов.

О них же, водителях такси, почти через тридцать лет рассказал журналист «Экономической газеты» А. Гудимов в репортаже «Семь дней в такси».

Здесь снова пристальный взгляд журналиста, ставшего на неделю своим в 10-м таксомоторном парке столицы, подмечает такие детали, выясняет такие подробности, которые обычным путем не собрать и за месяц. И светлые и теневые грани работы таксистов очерчены точно, убедительно. А лейтмотив публикации — огромное уважение к нелегкому и очень нужному труду. «День и ночь, в дождь и мороз самоотверженно и честно на улицах столицы несет свою трудную вахту таксист. И он достоин большего уважения и, самое главное, большего внимания.

Честное слово, по личному опыту знаю — достоин, товарищи!»

Так заканчивает А. Гудимов репортаж, имея полное право сослаться на личный опыт, «отмахав» по улицам Москвы за рулем две с лишним тысячи километров.

«Смена профессии» для журналиста не самоцель, а

лишь прием, позволяющий глубже проникнуть в жизнь, — анализируя свой метод, говорит А. Гудимов. — Надо самому пожить вместе с будущими героями твоих репортажей, пережить их радости и неприятности, ощутить усталость от их труда... Впечатления от происходящих на твоих глазах событий сами ворвутся тебе в душу и сформируют твою собственную точку зрения. И уж тогда твой разум отберет и оценит все происходящее перед тобой, заставит признаться в ошибке или укрепит твое первоначальное мнение, резко отличающееся от общепринятого».

Работая вместе со своими героями, пользуясь методом «включенного наблюдения», как говорят социологи, А. Гудимов создал большой цикл газетных репортажей. Они вошли затем в книгу, которая так и называется «Тайна чужой профессии». Здесь и анализ трудовых забот уличного регулировщика, и будни работника прилавка, и рейс водителя междугородного автобуса, и «хождения по мукам» пайщика жилищно-строительного кооператива.

Во всем, однако, хороша мера. Как-то «Неделя» опубликовала впечатления журналистки, ставшей на время домработницей. Этот эксперимент справедливо вызвал гневную отповедь читателей. Журналистский поиск перешагнул здесь через невидимые этические границы, стал бестактным обманом людей, которые взяли в семью «няню», оказавшуюся журналисткой. Такие «ходы» нередко используют в поисках сенсаций журналисты Запада, где карнавал «переодеваний» почти не поддается общественному контролю. Советский журналист обращается к «перемене профессии», только исходя из строго продуманных, этически выверенных соображений, преследуя одну цель: помочь людям в разрешении повседневных жизненных проблем.

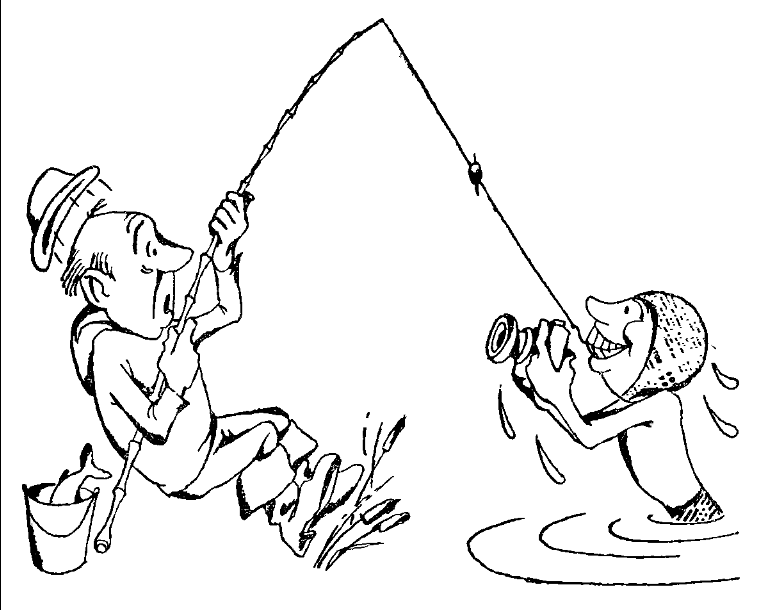
— В журналистике, я читал, есть еще и так называемый метод «провоцированных ситуаций». Часто ли он применяется?

— Действительно, есть такой метод. Но советские журналисты прибегают к нему редко и с большой осторожностью. Так, чтобы ни в коем случае не задеть «провокацией» человеческое достоинство. Западные репортеры используют этот прием охотно и часто.

Американские социологи У. Гуд и П. Хатт советуют прибегать в интервью к заведомо провокационным во-

просам. Например: «Когда вы перестали бить свою жену?» Авторы рекомендаций считают, что в этом случае либо собеседник «расколется» и будет рассказывать, как он несчастлив в семейной жизни, умоляя понять его, либо возмущенно отвергнет напраслину. В любом случае «лед» стереотипных ответов будет сломан: социологи и журналисты проникнут за ограду отчужденности.

Имеются в зарубежных журналистских пособиях и более развернутые рекомендации по «провоцированию» обстоятельств. Например, вы договариваетесь с персона-

лом кафе (за плату, разумеется) о безобидном эксперименте. Входит случайный посетитель. Вы подсаживаетесь к его столику, внимательно вглядываясь в принесенное блюдо.

— Что это у вас в тарелке? — невинно спрашиваете соседа.

— Жареное мясо.

— Я вижу, оно прошлогоднее, как и у меня, впрочем.

— Верно, официант, что вы нам подали? — И т. п. Можно разыгрывать множество вариантов. Как правило, они удаются даже новичкам.

Для чего все это? Для того, чтобы вызвать непол-

дельные эмоции собеседника. Их можно запечатлеть скрытой кинокамерой, записать на портативный магнитофон и «продать» для комического шоу. Этот метод блестяще высмеял Ч. Чаплин в кинофильме «Король в Нью-Йорке». Званый обед оказался для отставного короля публичным розыгрышем. Скрытая телекамера показывала огромной аудитории его интимную декламацию для узкого круга «друзей». Несовпадение двух ситуаций, провоцируемой и реальной, почти всегда дает неотразимый комический эффект.

В западной журналистике есть признанные «короли» подобных приемов. Например, итальянец Н. Лой спровоцировал более трехсот инцидентов для цикла телевизионных передач «Секретное зеркало». Среди не подозревавших подвоха прохожих он изображал «безработного», «кондуктора автобуса», «обманутого мужа». Публика воспринимала розыгрыш как реальное происшествие; кино- и телекамеры тщательно запечатлевали происходившее. Количество включенных телевизоров резко подскакивало вверх, а вместе с ними и профессиональный престиж интервьюера-мистификатора.

Но есть вариант организованных журналистами событий, который не наносит морального ущерба его участникам. Это «неожиданные встречи». Их нередко применяет и наше телевидение. По свидетельству профессора МГУ А. Юровского, одна из первых неожиданных встреч на советском телеэкране произошла 11 ноября 1939 года. В студию на Шаболовке пригласили участника гражданской войны, бывшего командира Кавказской дивизии О. Городовикова. И здесь совершенно неожиданно для себя комдив увидел друга ординарца, с которым не встречался двадцать лет. Встреча эта сравнительно узкому кругу телезрителей той поры запомнилась надолго. Впечатляла подлинность чувств: радости встречи, изумления, восторга, гордости друг за друга.

Советские тележурналисты нередко организуют подобные встречи. Им предшествует длительная кропотливая работа: поиск нужных людей, организация их свидания. Такое «провоцирование» события никому не приносит вреда — только радость и новое узнавание: для людей, которые встречаются, для тех, кто следит за экраном.

Цикл передач с «провоцированием ситуаций» создало Эстонское телевидение. Вот одна из них.

Человек с экрана сообщает, что сейчас за углом произойдет преступление. И оно происходит: два тележурналиста в рабочих комбинезонах подъезжают на грузовике к строительной площадке и на глазах у отдыхающих строителей грузят кирпич в машину. Проходит минута, другая. Погрузка продолжается. Телезрители видят происходящее благодаря камерам, замаскированным недалеко от площадки. Наконец к «преступникам» подходят двое рабочих: «Куда кирпич грузите?» — «Начальство приказало!» — отвечает один из телерепортеров. Погрузка продолжается. Забрав все наличные кирпичи, «преступники» отъезжают. Тотчас не замаскированный телерепортер подходит к рабочим и расспрашивает о происшедшем. Оказывается, один из строителей запомнил номер грузовика. Проверка коллектива на внимание к социалистической собственности дала результат. Этот телерепортаж заставил задуматься, внимательнее посмотреть вокруг не только строителей.

С большим успехом применил этот метод отдел социальио-бытовых проблем «Литературной газеты». Его сотрудники с законной гордостью рассказывают об эффекте операций под названием: «Меченые атомы», «Зеленые глаза», «Испорченный транзистор». Места действий их различны, а цели похожи: докопаться до слабых мест в системе бытового обслуживания, выяснить их причины. Организатор акции «Меченые атомы» журналист А. Рубинов в один из ничем не выдающихся дней опустил в несколько десятков почтовых ящиков Москвы двести писем. Половину из них А. Рубинов адресовал самому себе, остальные отправил десяти корреспондентам «Литературной газеты» в разные концы страны. Письма, опущенные одновременно, и стали «мечеными атомами». Одни из них вернулись к отправителю через сутки, другие — в пределах Москвы! — через неделю. Работа почтовых отделений предстала перед журналистом как на рентгеновском снимке. Его критическую публикацию было невозможно опровергнуть.

Операция «Зеленые глаза» исследовала работу таксомоторной службы в столице.

На вопрос, как работают теле- и радиоателье, попытались ответить с помощью операции под названием «Испорченный транзистор». А. Рубинов в сопровождении коллеги (свидетель!) в нескольких мастерских пытался «отремонтировать» «испорченный» транзистор со спе-

циально вынутой второстепенной деталью. Лишь в одной из них «диагноз» установили быстро и точно, взяли нормальную плату за микрополомку. В остальных, что называется, морочили голову. Почему? Что мешает добросовестной работе службы быта? Свои размышления журналист вынес на суд читателей. Они вызвали большое число заинтересованных откликов.

И все же такие приемы требуют весьма тщательной подготовки и точной «дозировки». Иначе возникают недопустимые «розыгрыши». Об одном таком случае рассказала «Литературная газета».

На советском туристском теплоходе произошло несчастье: в результате неосторожного обращения с кипятильником получил ожоги мальчик двенадцати лет. Капитан теплохода обратился по радио к команде с просьбой срочно дать свою кожу для пересадки. В судовую амбулаторию один за другим стали вбегать члены экипажа — матросы, боцман, девушки-повара... Скоро коридор амбулатории оказался переполненным, за дверьми собралось еще много людей, готовых отдать свою кожу пострадавшему ребенку.

— Так много не понадобится нам, товарищи, — обращается к добровольцам капитан, пристально глядя на собравшихся. — Поэтому вы уж простите... Я хочу вас также предупредить, что это будет очень болезненно, это очень больно, останутся шрамы на теле... Ну, пять-шесть человек, больше не нужно... Кто боится? Кто передумал?..

Из амбулатории, хотя у каждого есть такое право, никто не уходит.

— Что касается кожи, то мы ее здесь снять не сможем, то есть отделить... Для этого надо специальных врачей, — еще раз испытывает капитан решимость собравшихся. — Все будет сделано в Батуми. «Скорая помощь» приедет за теми, кого мы отберем... Кто передумал?

По-прежнему никто не уходит. Напротив, в коридор амбулатории протискиваются новые люди.

Капитан (правда, отчего-то голос у него при всем при том довольно спокойный) предлагает остаться тем, кто прибежал первым. В числе первых оказался и старый боцман. Он тоже не хочет уходить.

— Пусть ему мой кусочек на память останется, — упрямится он.

— Куда ж ты лезешь? — по-свойски, как другу, говорит ему капитан. — У тебя же трое детей... (Как ни странно, лицо капитана в эту минуту скорее выражает радость, чем тревогу.) Куда ж ты лезешь? — в который раз спрашивает он боцмана, а тот все равно не уходит.

Ну а теперь пора сказать, что никакого несчастья на теплоходе на самом деле не случилось. Кинооператоры Киевской студии научно-популярных фильмов совместно с социальными психологами и руководством теплохода создавали фильм о способности советских людей отозваться на чужую беду и прийти на помощь пострадавшему. Для съемки был «спровоцирован» драматический момент.

Конечно, он дал «первоклассный» по точности и выразительности материал кинооператорам и социальным психологам, но этическая правомерность такого эксперимента очень сомнительна.

Довольно руководство корабля: проверка доказала высокий моральный дух плавсостава. Но не слишком ли высока нравственная цена за богатые информативные результаты? Не осталась ли в душах людей горечь от того, что их искренний порыв обернулся пустышкой?

Серьезные и ответственные вопросы. Их необходимо учитывать журналистам, когда — пусть с самыми благородными установками — они готовятся к «скрытым» способам сбора материала. Например, к съемке скрытой камерой.

Опытный тележурналист М. Голдовская рассказывает: «Во время работы над фильмом «Юрий Завадский» нам удалось снять выразительный, яркий эпизод, добавляющий ценные краски к образу Юрия Александровича: после репетиции он гневно и резко отчитывал молодого актера, который недостаточно серьезно отнесся к роли. Актер по-настоящему переживал случившееся, выглядел жалким, пристыженным. Было очень заманчиво показать эту сцену. Мы долго сомневались, вставляли ее в картину и снова вынимали. Наконец сократили так, что в фонограмме не осталось фамилии и имени провинившегося артиста. Конечно, эпизод от этого проиграл, но иначе поступить мы не могли».

Утрируя, можно сказать, что приходится жертвовать профессиональной «выгодой» ради пользы нравственной — менее зримой, но более существенной, ради уважения к человеческому достоинству.

Так же твердо, как в медицине, действует в нашей журналистике профессиональная этическая заповедь «не навреди!». Лучше поступиться и затраченным временем, и авторским честолюбием, и даже служебным выговором, грозящим за неоперативность, чем вынести на публичное обозрение какие-то моменты, которые могут духовно травмировать человека.

— Что же определяет дозволенность того или иного творческого приема?

— Нравственное чутье журналиста, строгий этический самоконтроль.

Настоящий журналист понимает и разделяет тревогу поэта А. Вознесенского:

...Чудовищна ответственность касаться
чужой судьбы, надежд, галлюцинаций!

Чудовищна ответственность того, кто выносит на суд миллионов читателей интимные эпизоды частной жизни.

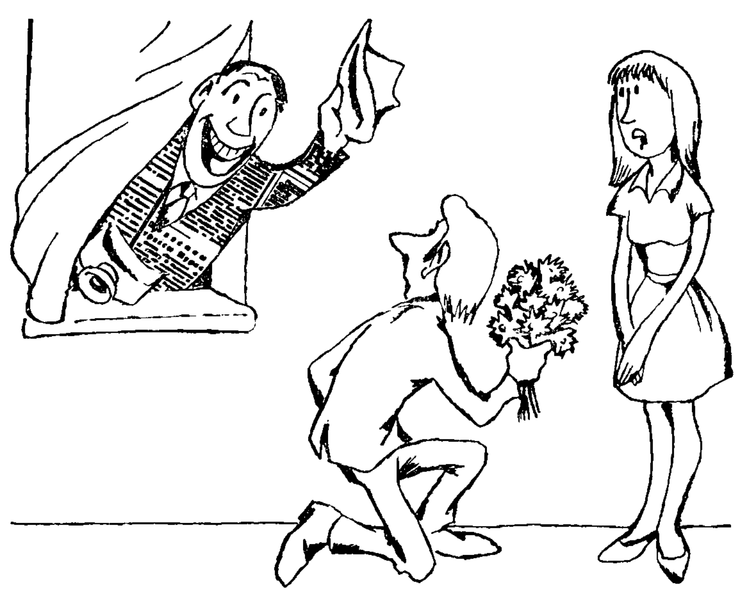
Журналист А. Старков рассказывает: «Был у меня много лет назад пренеприятнейший случай. В портретном очерке, увлекшись поиском глубины характера, я привел некоторые детали из личной жизни героя, рассказанные мне людьми, хорошо его знавшими. Очерк вызвал гневный протест этого человека, он потребовал опровержения. И я, искренне стремившийся к жизненной правде, должен был публично извиниться, потому что есть такие струны в человеческой душе, которых даже из самых лучших побуждений касаться нельзя, нельзя выставлять напоказ в документальной прозе с подлинными фамилиями».

К сожалению, подобные осечки нет-нет да и случаются в журналистской практике.

Корреспондент областной молодежной газеты получил задание написать о лучшем в районе секретаре комсомольской организации совхоза. Приехал журналист в совхоз, но секретаря не застал — тот был на лесозаготовках. Что ж, можно и подождать, поговорить с односельчанами о персонаже будущего очерка, познакомиться с обстановкой... Повезло журналисту — остановился он как раз в семье секретаря, разговорился с его тещей, поджидал к ужину его жену, листая семейные альбомы. Словом, делал все то, что профессионалы называют сбором материала.

И вдруг приятная неожиданность — снимок жены секретаря Вали на фоне Кремля с орденом Ленина на груди. Так вот о ком надо писать очерк! Девушку наградили несколько лет назад за высшие в области надои молока. Корреспондент ожидал с нетерпением теперь уже не секретаря, а Валю, чтобы узнать детали и подробности.

И вновь неожиданность, на этот раз неприятная. Валя ушла из доярок, работает телефонисткой. «Муж перевел, здоровье мое пожалел», — с нежностью в голосе объяснила молодая женщина.

Хозяйки не заметили, как изменилось настроение корреспондента. А он, чувствуя себя обманутым в надеждах и ожиданиях, видел уже в несостоявшемся герое очерка эгоиста и шкурника, снявшего ради семейного спокойствия жену с любимой работы. Он уже видел в Вале безвольного, слабого человека, бросившего большое дело ради удобства супруга. Журналист негодовал и так вспоминал об этом впоследствии: «Почти всю ночь я не спал, думал. И решил, что должен написать об этой встрече всю правду. Утром я первым же автобусом уехал домой. Через несколько дней был опубликован

мой очерк «После свадьбы». В нем я описал все как было. В редакции я ходил именинником».

Верно ли поступил журналист? Об этом можно судить по последствиям публикации: супруги уволились и уехали из совхоза. На собрании областного комсомольского актива по поводу материала говорили так:

— Все описано внешне верно. Но есть ощущение, будто журналист влез в душу людей и вывернул ее наизнанку. Во имя чего это сделано? Какой ценой душевных травм хороших людей оплачено?

Даже если человек оступается, далеко не всегда надо срочно его «пропечатывать».

Еще один пример. Жители сравнительно небольшого города привычно разворачивают свою газету. В ней резко обличительная статья «Пятно». Журналист поведал о крайне тяжелой драме. Женщина скрыла от второго мужа своего ребенка от первого брака — мальчик воспитывался чужими людьми. Автор всенародно обличил безответственную мать, обнаруженный факт предал широкой огласке... После этого муж ушел от неискренней женщины, она едва не покончила с собой: новая семья распалась, старая не восстановилась.

Публикация была задумана с благородной целью — заклеймить зло. Но она еще больше зла породила. Следовало вмешиваться журналисту? Вероятно, да, но совсем иначе: словом и советом умного друга, а не клеймом обличителя. Ведь журналист часто может помочь делу, не прибегая к публикации.

Наверно, всякий раз, когда перо хочет коснуться интимных сторон биографии героя, журналист должен подумать: не заденет ли он чьего-то человеческого достоинства, не обнародует ли то, что для героя является сугубо личным, не превратит ли, говоря словами журналистки И. Кошелевой, «раздумья над отрицательными явлениями в нашем быту в мещанский интерес к квартирному скандалу».

Очень точно звучит и поныне совет В. Короленко молодому М. Горькому, едва начавшему журналистский путь: «Не рассердитесь за маленький совет... Я пишу в газетах уже лет десять, в том числе приходилось много раз производить печатные атаки личного свойства. Я не помню случая, когда мне приходилось бы жалеть о напечатанном. Прежде чем отослать в редакцию, я всегда стараюсь представить себе, что человек, о котором я пи-

шу, — стоит передо мною, и я говорю ему в глаза то самое, что собираюсь напечатать. Если воображение подсказывает мне, что я охотно повторил бы все, даже может быть резче, — я отсылаю рукопись. Если же, наоборот, чувствую, что в глаза кое-что хочется смягчить или выбросить, — я это делаю непременно, потому что не следует в печати быть менее справедливым, осторожным и деликатным, чем в личных отношениях».

О высокоразвитом чувстве долга журналиста ярко рассказал в «Журналисте» известинец П. Демидов. Он назвал свое выступление «Посмотреть в глаза...» и посвятил его журналистке «Известий» Н. Александровой, погибшей в самолетной аварии при исполнении профессионального долга. Предыстория трагичного события тоже трагична. В газету поступили сведения о крайне недостойных поступках гражданина Ц. Он присвоил себе фамилию погибшего героя-фронтовика, наживая моральные проценты на чужой славе. Однополчане, отыскавшие его по переписке, разоблачили обман. Сомнений не оставалось, и подготовленный материал о проходимце, казалось, не нуждался в проверке. Все же Н. Александрова настояла на командировке в Харьков, где жил гражданин Ц. Единственная цель — именно «посмотреть в глаза», попробовать понять его побуждения, психологические мотивы безнравственного поступка. Встреча не состоялась из-за гибели самолета. Вместо Н. Александровой в глаза гражданина Ц. посмотрел коллега журналистки А. Аграновский. Очерк «Капля крови и пуд соли» появился в «Известиях» с траурным примечанием от редакции, от товарищей.

Известинцы свято чтут завещанный Н. Александровой нравственный и профессиональный принцип. Опытнейший автор очерков на моральную тему, журналистка «Известий» Т. Тэсс выражает его так: «...Помните о сотнях тысяч, миллионах экземпляров каждого вашего выступления, помните, что вы приводите в движение огромный механизм, и даже все результаты этого движения не всегда сможете предвидеть.

Проверка, проверка и проверка. Не только фактов, но и чувств. Сохранять самоконтроль, не сделаться орудием в чужих руках... Держать свое оружие в чистоте!»

— Долго ли помнит журналист своих героев, а реальные действующие лица очерков своих авторов?

— Бывает по-всякому: очень часто случайные, каза-

лось бы, встречи проходят через всю жизнь и автора, и его героев.

В повести Т. Хлоплянкиной «Здравствуй, редакция...» есть небольшой эпизод. Вот уже десять лет журналистка Е. Болотова получает традиционное поздравление с Новым годом. Вместе с ним оживает память о первом редакционном задании, о том, как робеющая выпускница факультета журналистики поехала расследовать запутанную жалобу. Женщину уволили с работы якобы за прогулы, в действительности за неуживчивость. Но как это доказать? Чем помочь человеку с трудным характером, который, и не желая того, вызывает раздражение в коллективе?

И все-таки ехать надо. Надо хотя бы попробовать распутать конфликт, помочь разобраться людям в себе самих, в окружающих. В руках вчерашней студентки временное журналистское удостоверение. «...И Лена уже не просто Лена. Лена уже человек, который имеет право входить в чужие дома, вникать в чужие беды, распутывать безнадежно запутанный клубок чужих отношений — и никто не только не удивлен, что Лена это делает, напротив, люди, значительно старше ее по возрасту, уверены, что именно Лена во всем разберется, рассудит, поможет».

И эта уверенность — отнюдь не иллюзия, не наивное заблуждение, не суеверное преклонение перед черно-белой магией печатного слова. Это жизнью подтвержденное доверие к авторитету газеты, к умным и ответственным журналистам.

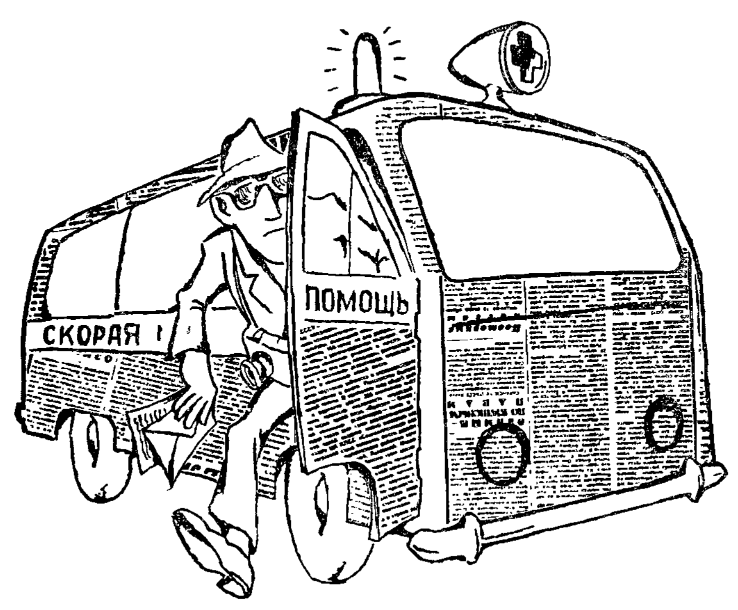
В юной журналистке была не только сила личной энергии, за ней стояла сила редакционного коллектива. И Лена с заданием справилась. Помогла женщине восстановиться на работе, окружающим преодолеть предубежденность. Обычное для журналиста, но никогда не меркнущее «ремесло справедливости».

Признательность давней подопечной согревала Лену все годы работы в газете. И каждый Новый год открытка с обратным адресом первой командировки опять вызывала воспоминания. Наверное, именно после этой командировки она поняла, что нет и не может быть профессии лучше, чем журналистика. И она сделала все, чтоб временное редакционное удостоверение стало постоянным.

Лена Болотова — персонаж собирательный. Нет со-

мнения, героиня повести воплотила в себе жизненный и профессиональный опыт ее автора, журналистки Т. Хлоплянкиной, передала сущность отношений реального автора с реальными героями журналистских произведений.

Эти отношения в жизни складываются порой даже ярче, чем в повести. В середине шестидесятых годов в школьный отдел «Известий» пришло письмо от старшеклассника из Кировоградской области. Мальчик писал: «Дорогая редакция! Мне шестнадцать лет. Живу я в

селе... Учусь неплохо, но в школе обо мне самого плохого мнения. Не знаю, как это получилось. Я хочу сделать что-то хорошее, а получается глупость. Хочется поспорить о чем-то интересном, важном, но учителя у нас только задают задания и ставят оценки. Передо мной много вопросов, но с кем я посоветуюсь? Начинаю копаться сам и делаю много ошибок. И стоит мне что-то сделать, как завуч произносит слова такого звучания: «тунеядец», «ничтожество», «вошь на теле общества».

Все обиды забываются, когда слушаешь радио, читаешь газеты. Думаешь: все-таки тебе повезло, Борька, в какое время ты живешь! А завтра снова в школу.

Во мне существуют два «я». Одно, которое так не любят, — не мое, и другое — никому не известное, потому что признано первое. Оно становится все сильнее. Трудно мне самому его победить... Смогу ли я? Ведь я такой-сякой, вошь на теле общества. Дустом здесь не помочь. Не смейтесь!»

Зов о помощи, на который нельзя не откликнуться. Э. Максимова приехала в школу, познакомилась с автором письма, его соучениками, учителями. На полосе «Известий» появилась корреспонденция «Здравствуйте, мальчики!». В ней были такие строки об авторе письма: «Оселок такого характера — жажда уважения к себе и к другим, справедливости в отношениях людей, разумности в их действиях... На оселок нанизывается множество чувств, убеждений — и глубоких и плоских. Пустяки порой давят на серьезное. А с человеком никто не хочет говорить: какие у него в пятнадцать лет могут быть раздумья!

Ему осточертели наставления и так невтерпеж поточить ум свой, характер на деле... Упорство, волю ему не на чем проявлять, упражнять, наращивать. Ему по зубам твердые орехи разгрызать, а школа сует манную кашку. В глазах школы Боря дитя, которое пытаются обмануть обращением на «вы»...

Чтобы справиться даже с примитивным хулиганишкой, учитель должен предполагать в нем индивидуальную умственную жизнь. У Бори она яркая, многокрасочная. Не зная ее, невозможно спланировать программу этой личности.

Чтобы совладать с бузотером, необязательно знать о журнальных новинках и работе дубненских физиков. Для того чтобы влиять на Борю, обязательно сегодня быть выше, чем вчера».

Так выступила центральная газета за уважительное отношение к интересам кировоградского школьника. Протянула руку взаимопонимания, товарищества — все то, чему в жизни, а особенно в юности, поистине нет цены.

И вот возникла многолетняя дружба двух людей: автора статьи Э. Максимовой и ее подопечного. Молодой человек с блеском окончил университет, счастливо женился, самоотверженно работает. Он теперь преподает историю в школе, этот бунтарь, восставший против косных школьных порядков. Бывая в Москве, Борис не

упускает случая позвонить в школьный отдел «Известий»: «Здравствуй, дорогая редакция!» Это не ритуально-вежливое обращение. Это искренность.

Четверть века назад на Орловщине скрестились пути молодого журналиста В. Комова и кандидата физико-математических наук П. Кудрявцева. Ученый иногда писал для газеты «Орловская правда», сотрудник газеты В. Комов с интересом редактировал эти статьи. Завязалось деловое содружество. А потом перемещения по службе, переезды... Встретились спустя много лет в Тамбове. П. Кудрявцев был уже автором многих книг, заведовал кафедрой. В. Комов представлял в Тамбове интересы центральной газеты. Ожила давняя деловая и личная симпатия. Вскоре ее результатом стали статьи профессора на темы, предложенные журналистом. Одна из них о значении местожительства для научного роста «Разве в прописке дело?» вызвала тысячи откликов, принесла немалую пользу науке, журналистике, обществу.

Подобных примеров множество. «Я называю вас другом» — так называется книга очеркистки «Комсомольской правды» К. Скопиной о полярном летчике М. Каминском. Заголовок символичен. Именно так — через постепенное узнавание человека, приславшего когда-то отклик в газету, через деловое общение, перешедшее затем в дружбу, — рождались газетные «подвалы» о подвигах покорения Арктики. Очерки составили книгу. Прочитав ее, давний друг М. Каминского написал: «Меня переполняет радость не только за себя, но и за всех, кто будет о тебе читать».

Другая книга очерков К. Скопиной, лауреата премии Ленинского комсомола, озаглавлена «Свои люди», что тоже выражает близость автора своим героям. В ней есть и такие проникновенные строки: «Родная «Комсомолка».... Сколько раз я с нежной благодарностью думала о твоем мандате, который открывал дорогу к драгоценным сокровищам — человеческим душам... Активное отношение к людям — в газете и вне ее — всегда было огромным богатством «Комсомолки». Это твой мир, твои люди — помогай. Так учила газета...»

Еще один случай, также связанный с полетами, небом, огромным человеческим мужеством и верностью журналиста долгу профессиональному и человеческому.

Впервые очерк о Г. Петерсе «Комсомолка» напеча-

тала в феврале 1970 года. Он назывался «Отлучен от неба». Вторая публикация того же автора Л. Графовой «Небом единым» появилась в новогоднем номере — 1 января 1977 года. А что в семилетнем промежутке? Борьба и героя и журналиста за право человека летать. Право, которое невероятно трудно было доказывать и отстаивать из-за того, что у Г. Петерса неизлечимая болезнь ноги. Чего только не случалось на общем пути журналиста и его героя: поездки на дальние аэродромы, медицинские комиссии, беседы в министерстве. И вот решающий визит Л. Графовой к министру гражданской авиации СССР Б. Бугаеву. «Борис Павлович просмотрел документы Петерса, ознакомился с рекомендациями Челябинской авиаэскадрильи, спросил мнение присутствовавшего при нашей встрече Шинкаренко (мнение авиационного врача, как я уже говорила, было близко к восхищению), и ни в чем больше не потребовалось убеждать министра.

Летчик понял летчика.

Чудо?.. Сейчас, когда вижу Петерса в его стихии, такого уверенного, такого здесь необходимого, кажется, что свершилась обыкновенная справедливость».

Приведем еще один эпизод из множества жизненных ситуаций, в которых сплетаются журналистские судьбы с судьбами встреченных ими людей.

Вскоре после войны газета «Московский комсомолец» опубликовала фельетон журналистки М. Меленевской «Не называйте меня мамой». Он рассказывает о трагичной судьбе двух девочек, которыми помыкала морально опустившаяся мать. Она выгоняла дочерей из комнаты, когда собирались гости для попоек, и требовала: «Не зовите меня мамой!»

Гневный фельетон опубликовала газета. За ним последовал показательный судебный процесс. Недостойную мать лишили родительских прав, и опекунство над детьми взяли порядочные люди.

А девочки? Они на всю жизнь сохранили признательность к защитившей их журналистке. Одна из девочек, когда выросла, выбрала эту профессию.

Собственный корреспондент центральной газеты в Киргизии А. Дергачев познакомился с комсоргом колхоза под Фрунзе Виктором Г. Заинтересовал он журналиста ярким характером. Молодой активист горячо боролся с корыстолюбием некоторых односельчан, очень бо-

лезненно относился к любой несправедливости. Так что же, немедленно писать о нем очерк, прославлять за хорошие качества? А. Дергачев не торопился, однако из виду человека не выпускал, высказал о нем доброе мнение на перевыборах председателя колхоза. Бывший комсорг был избран председателем. Журналист по-прежнему частенько наведывался в его хозяйство. Очерк вызревал медленно, и одновременно крепла дружба корреспондента с новым председателем колхоза, которая порою ценнее поспешно изготовленных в номер строчек.

Не только включить в кадр, но и уметь оставить за кадром то, что еще не готово для всеобщего обозрения, то, чему гласность не поможет, а повредит, — на таких проблемах оттачиваются духовная зрелость и профессиональная зоркость.

Журналисту бывает даже вредна избыточная цепкость, когда любое событие меряют по шкале: годится, не годится в печать или в эфир. Такой фанатик строки себя не утверждает, а обкрадывает. Профессиональный утилитаризм, как и любая скаредность духа, лишь на время приносит результаты, да и то весьма поверхностные. Чем дальше, тем больше «исписывается» человек, его горизонт сужается, и редеет круг бескорыстных друзей. Профессиональная мудрость как раз в том, чтобы повременить порой, «выносить» публикацию, дать проблеме оформиться, конфликту определиться, человеку одуматься. Чтоб в результате не только поставить в статье или передаче некий важный вопрос, но и предложить возможные варианты его решения. Чтоб в результате — даже если материал и не опубликован — работа журналиста оставила, говоря словами поэта Л. Мартынова:

Незримый прочный след
В чужой душе на много лет...

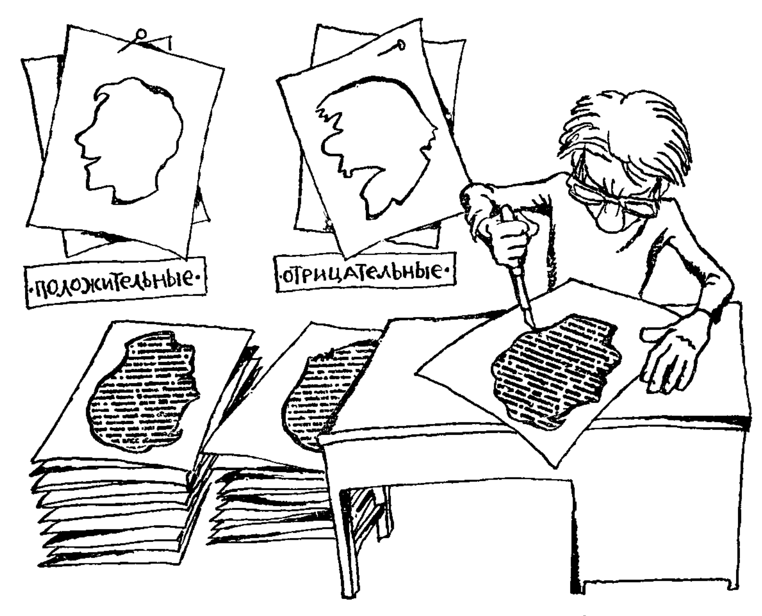
— Работу над темой венчает «застольный период»: журналист остается один на один с чистым листом бумаги... И что же?

— Этот этап ничуть не легче, если не тяжелее предшествующих. Недаром школьный отдел «Известий» выбрал себе девиз: «Прежде чем писать, посмотри, как красив белый лист бумаги». Подразумевается: не оскверни его небрежной или фальшивой фразой.

Встречаются в журналистской среде любители фразы. Одного из них И. Ильф и Е. Петров высмеяли под

личиной Никифора Ляписа по прозвищу Ляпсус. Он, как известно, любил выражаться так: «Волны перекидывались через мол и падали вниз стремительным домкратом».

Конечно, это пародия. Но вот действительность: отрывок процитировал обозреватель журнала «Журналист» Е. Каменецкий по одной из подшивок 1977 года: «Низкое пасмурное небо то и дело задергивают белесые шторы снежных зарядов. Ледяные волны, свинцовые цветом и ощутимой тяжестью, то лениво катятся за

горизонт, то по воле циклона устраивают бешеную толчею. Ветер ревет и ревет, воет и свистит, полыхает, как необузданная огненная стихия... И не зря капитан Карпов встречает каждый трал, пришедший из глубины, словно пришельца из космоса...»

Право, это чрезвычайно близко к тому, что «волны перекидывались домкратом».

Чтобы создать цельную соразмерную конструкцию, необходимо найти ведущую мысль, опорный эпизод, ключевую деталь. Для осуществления замысла жизненные впечатления журналиста должны как бы выкристаллизоваться.

Кристаллизация. К этому образу обращался французский писатель А. Стендаль, чтобы передать постепенный, трудно уловимый процесс созревания чувства. К. Паустовский опирался на тот же образ, осмысляя свой журналистский и писательский опыт. «Творческий процесс, — говорил он, — похож на кристаллизацию, когда из насыщенного раствора (этот раствор можно сравнить с запасом наблюдений и мыслей, накопленных писателем) образуется прозрачный, сверкающий всеми цветами спектра и крепкий, как сталь, кристалл».

Какой автор не мечтает о подобном итоге творческих усилий, какой журналист не стремится создать не просто оперативный злободневный очерк, а произведение, преодолевающее время!

Увы! Условия труда в журналистике таковы, что не всегда можно выкроить время на поиски самого точного слова, самой выразительной фразы, а уж вдоволь его нет никогда. И рождаются в связи с этим самокритичные профессиональные шутки: «Наш лозунг — лучше три раза досрочно, чем один раз правильно». И все же самые верные слова открываются тем, кто не забывает, что простейшая фраза «Я вчера вечером пришел домой» может иметь 120 оттенков смысла. Они зависят «всего лишь» от порядка слов в этом нехитром предложении.

И вот муки слова, вечные и неповторимые! Писатель из ГДР Г. Кант показал своего героя именно в момент таких мучительных поисков:

«Человек сидит за пишущей машинкой, курит запоем, сдувает пылинки с клавиш, откусывая яблоко, вспоминает Шиллера, тупо глядит на чистый лист бумаги, потом на часы, прочищает литеру «а», берет очередную сигарету — и все это называется работой.

Он подкарауливает мысль.

Мысль выглянула из-за угла, немного помедлила и стала потихоньку приближаться.

Вот она уже совсем рядом!

Еще один-единственный крошечный шаг — и ловушка захлопнется, мысль будет поймана, и он отстукает ее на бумаге».

Как часто начинающим авторам кажется, что им не поддается строка, тогда как в действительности им не удается «охота за мыслью». Ведь прежде вопроса «как писать?» неизбежен вопрос «о чем?». Этот закон блистательно сформулировал еще в XVII веке французский

поэт Н. Буало в классицистических канонах, которые адресованы литераторам, но во многом пригодны (поныне!) и для журналистов. К примеру:

Иной в своих стихах так затемнит идею,
Что тусклой пеленой туман лежит над нею
И разума лучам его не разорвать, —
Обдумать надо мысль и лишь потом писать!
Пока неясно вам, что вы сказать хотите,
Простых и точных слов напрасно не ищите;
Но если замысел у вас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов.

Право, эти рекомендации стоит запечатлеть на редакционных плакатах. Нередко еще журналисты колдуют над белым листом бумаги, имея самое смутное представление о том, ради чего ведется поиск полнокровных фраз. И тогда пустоту нерожденной мысли заполняет спасительный штамп.

Подобные трафаретные обороты всегда едко высмеивались. В многотиражной газете «Правдист» за 5 октября 1935 года опубликован сатирический проект статьи над названием «Зубочистка». Это набор самых штампованных стилистических оборотов. Пропуски оставлены для любого предмета, попавшего в поле зрения автора. «Зубочистка» выглядит так:

«...Ряд мелких предметов домашнего обихода трудящихся до сих пор не производится в достаточном количестве. Взять хотя бы... казалось бы, пустяковая вещь. А между тем без... вы не можете... и даже... Вы идете по улице и вам захотелось... Но это невозможно, так как нет ни одного (ой) приличного (ой)... Мы пробовали обойти все магазины... И что же: нигде мы не могли найти ни одного (ой)... В одном магазине нам даже ответили, что... Интересно, что по этому поводу думает...

Правда, система... производит за последнее время... Но они столь скверного качества, что потребитель категорически отказывается их брать.

Трудящиеся в нашей стране вполне вправе требовать... Над этим следовало бы призадуматься нашим...»

Едкость этой иронии для коллег оказалась целительной. «Зубочистка» запомнилась. Ссылки на нее долго предостерегали от затертой лексики и штампованных оборотов.

Когда журналист теряет центральную мысль, основную тему, в голову лезут, на бумагу ложатся совершен-

но несущественные подробности, третьестепенные обстоятельства. Вроде таких: «Когда я вошел в цех, в глазах зарябило от необычных красок», или: «Когда я шел разговаривать с Н., в памяти мелькали данные его биографии...»

Подобные шаблоны — увы! — не вышли из употребления. Их нет-нет и сегодня встречаешь в колонках почтенных изданий.

Очеркист двадцатых годов М. Жестев рассказывал, как в его пору шла жестокая борьба с бездумными трафаретами журналистского слова, шаблонными зачинами и концовками публикаций. Один из шаблонов выглядел так: «Мы ехали с председателем колхоза по узкой полевой тропе. Луна светила нам в лицо». Дальше шел перечень сухих цифр и скучнейших фактов об удоях, доходах ферм и т. п., а кончался очерк тем же рефреном: «...мы вместе с председателем колхоза ехали обратно по той же полевой дороге. На этот раз луна светила нам в спину».

Газетчики прозвали суесловие коллег «луна в спину». А другие трафареты изложения систематизировали по разрядам. Были очерки: «празднично-юбилейный с поминанием родителей», в котором герой рассказывает свою биографию; «информационный», похожий на своих предшественников, словно он сошел с журналистского конвейера; «очерк портретный», для которого материал подбирался до крайности просто: «Я мог посмотреть личное дело, поговорить с секретарем парторганизации, наконец, задать необходимые вопросы тому, о ком пишу: сколько вам лет, в какой семье родились, какое имеете образование? — и пожалуйте, вся жизнь моего героя (казалось бы!) передо мной».

Эти рецепты еще не вышли из употребления. «Луна в спину» порою светит и современным «рыцарям пера», и неудержимо влекут их стилевые прелести «Зубочистки». Вред шаблона в том, что он скользит мимо сознания. А выспренность, ложная красивость дают ощущение фальши, безвкусицы, примитива.

Удача в «кристаллизации» мыслей, чувств, наблюдений следует за тем, кто готов принять к исполнению максиму А. Толстого: «Написать плохую фразу — совершенно такое же преступление, как вытащить в трамвае носовой платок у соседа».

Поэтесса Ю. Друнина адресовалась к литераторам,

но выразила по этому поводу мысли, близкие журналистам:

Я музу бедную безбожно
Все время дергаю:
Постой!
Так просто показаться «сложной»,
Так сложно, муза,
Быть простой.
Ах простота!
Она дается
Отнюдь не всем и не всегда...
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.

— Среди писателей много тех, кто начинал свою творческую работу в журналистике, да и сейчас продолжает выступать в периодической печати. И все-таки труд журналиста серьезно отличается от труда писателя-беллетриста.

— Самое серьезное отличие — документализм журналистики. Это основа жесткого самоограничения журналистской музы.

Выдающийся чешский журналист Э. Киш острил по поводу своей профессии: «Эта работа гораздо опаснее работы поэта, которому не приходится бояться опровержений». Утрируя эту мысль, современный западногерманский литературный критик С. Хаффнер замечает, что фантазию журналиста, пишущего о реальных людях, ограничивают не творческие законы, а законы гражданского кодекса, так как, давая волю домыслу, «он не смог бы вообще работать: ему пришлось бы все время выступать в качестве ответчика на процессах за оскорбление личности».

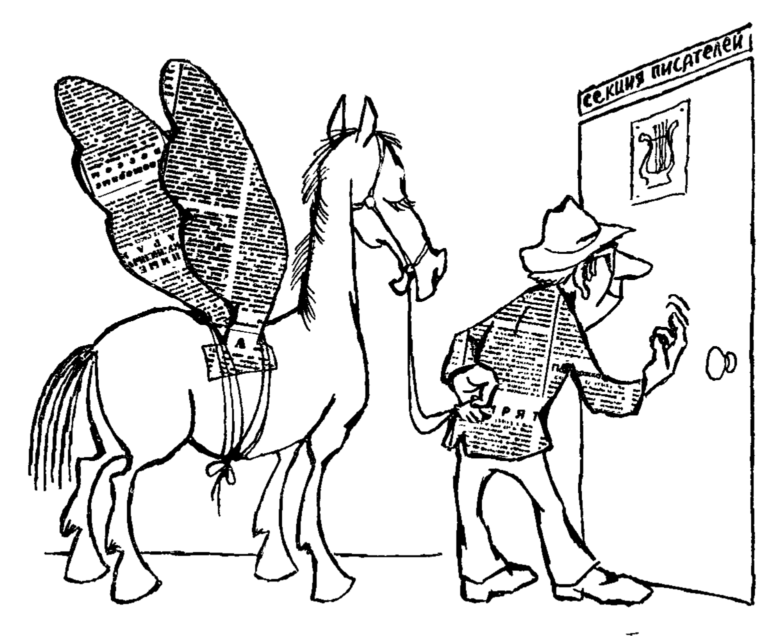
Судебные процессы случаются. Как правило, их начинают люди, резко раскритикованные газетой, «герои», или, точнее, «антигерои» фельетонов.

На фельетониста «Правды» И. Шатуновского разоблаченные им махинаторы 12 раз подавали в суд, но во всех случаях следствие устанавливало правоту журналиста. И наоборот, в итоге выявленных И. Шатуновским фактов около ста шестидесяти «антигероев» держали перед судом ответ за свои проступки.

Вот они — жесткие нормы документализма под дамокловым мечом правовой ответственности. Н. Александрова размышляла о них: «Напиши про высокого человека — среднего роста, награди курносого профи-

лем патриция, и «огрех» тотчас же будет замечен, а печатное слово осмеяно и убито. Странно чувствовал бы любой из нас, окажись он в положении человека, которого «домысливают».

Эти нормы основательно сдерживают полет фантазии, создают особые сложности для журналистов. Берясь за документальную повесть, писатель Д. Гранин сетовал на такие вериги: «Рассказать об этом человеке хотелось так, чтобы придерживаться фактов и чтобы было интересно. Довольно трудно совмещать эти тре-

бования. Факты интересны тогда, когда их необязательно придерживаться... Подлинность мешала, связывала руки. Куда легче иметь дело с выдуманным героем! Он и покладистый и откровенный — автору известны все его мысли и намерения, и прошлое его, и будущее».

Так сокрушается писатель, решив поставить себя в положение документалиста. А журналист всегда документалист. Если даже в мелочи он забывает об этом, немедленно напоминает читатель. Очеркист «Литературной газеты» Г. Падерин приводит письмо одного из своих героев: «...Вы там насочиняли — дескать, угощал

вас чаем из литровой эмалированной кружки. Может, это для вас и мелочь, но уж коли взялись писать документальную вещь, надо во всем правды придерживаться: кружка была пол-литровая. И не эмалированная, а фаянсовая...»

Вот так готовы ополчиться на автора персонажи. И за что? Словно бы размеры кружки, материал, из которого она сделана, что-то меняют в существе многоколонного очерка? Автор его, Г. Падерин, поделился своими размышлениями об этом случае с читателями «Литературной газеты» и с автором письма. Он постарался разобраться в причинах гневной отповеди своего героя. «Но почему же такая мелочь оказалась способной задеть самолюбие, даже обидеть? Почему?.. А может быть, эта кружка, которая для меня «мелочь», для того человека была связана с какими-то дорогими сердцу воспоминаниями...»

Видимо, так. И видимо, вдумчивая бережность к деталям не должна покидать тех, кто затрагивает реально живущих, кто сообщает о них в газете или на экране, сопровождая точным адресом.

Перед господином Фактом и писатель и журналист с равным уважением, можно сказать, даже с усердием «снимают шляпу», но вот надевать ее они имеют право по-разному.

Литератор-художник может, образно говоря, надеть эту шляпу и набекрень, и сдвинуть на затылок, а именно — оттолкнувшись от реального события, дать волю воображению, строить особую — художественную — действительность, которая развивается, как правило, в условном времени и в условном пространстве, по эстетически осмысленным закономерностям.

Журналист надевает свой головной убор перед господином Фактом строго по уставу. Он отражает факт в документально очерченном времени и точно определенном пространстве. Он воссоздает живую реальность с обязательной достоверностью и немилосердно обуздывает свое рвущееся на волю воображение. Во всяком случае, обязан обуздывать в соответствии с профессиональными нормативами.

Но и на этом не кончаются сложности. Можно во всем соблюсти точность и все-таки быть неправильно истолкованным аудиторией. Случается, даже точный и, казалось бы, «безобидный» штрих, подмеченный журна-

листом у своего героя, может «выпятиться», как бы деформироваться, попав под типографский пресс. Он может нанести урон тому, кого журналист «живописал» с самыми благими намерениями. Здесь особенно неожиданно и хитро проявляется «коварство» журналистского документализма. Случается, самый безобидный эпитет способен испортить настроение. Вот прочли о доярке ее подруги, что у той «ямочки на щеках» или «лучистые глаза», и прозвище готово. И начинают, шутя, обыгрывать штришок, выпяченный журналистом. Кому-то, возможно, выпадет на долю милое прозвище, а кто-то от журналистских выспренних эпитетов готов сквозь землю провалиться, лишь бы их не слышать. И что удивляться, если надолго поселится в таком человеке настороженность к журналистам.

Требования документализма для одних пишущих людей обуза, для других — опора и вдохновение. Первых, как видно, больше влечет беллетристика, творческая раскованность художественной фантазии. Вторые до конца своих дней преданы невыдуманной жизни невыдуманных героев.

Б. Окуджава сказал о себе: «Я много лет проработал в газете, но ушел из нее, ибо самым трудным для меня было описание того, что вижу в данный момент». Впечатления выплескивались за грани оперативной документальности, вели к другому типу творчества.

Очень похоже говорил о своем пути от журналистской деятельности к писательской талантливый современный прозаик В. Распутин: «...От фактографического очерка я переходил к рассказу. К увиденному и услышанному журналистом я стал как бы добавлять «от себя». Переплавка впечатлений в собственно художественные формы стала на определенном этапе развития таланта творческой необходимостью».

Американский писатель А. Хейли в интервью с корреспондентом «Литературной газеты» высказался предельно категорично: «По-моему, из журналистов редко получаются хорошие писатели — мешает привычка писать быстро».

Между документально-журналистским и беллетристическим, собственно «писательским» талантом, конечно, более сложные взаимоотношения. Многие писатели выступают в периодической печати. Но вовсе не каждому журналисту «на роду уготована» писательская сте-

зя. Обманчивые представления о полном сходстве этих различных занятий нередко сбивают с толку, рождают неверный выбор профессии и судьбы.

Ленинградские социологи провели опрос среди журналистов города и области. Они попросили высказаться о мотивах выбора профессии и о том, что наиболее привлекательно в ней по прошествии времени. Четвертая часть опрошенных журналистов мотивы выбора своей профессии определила так: «увлечение литературой, мечта стать писателем». Самым привлекательным в процессе работы часть опрошенных считали «удовлетворение своих литературных интересов», около четверти заметили, что предпочли бы место журналиста поменять на место писателя.

Данные эти условны, но все же красноречивы. Они говорят об устойчивой тенденции: журналистика выглядит как бы преддверием «большого» писательского творчества — тем же, но в «сокращенном» варианте. Этот обманчивый «дорожный указатель» немало молодых людей направил на ложный путь. Свое решение стать журналистом они излагали примерно такими словами: «По сочинениям в школе — отлично, в классной стенгазете участвовал, хотел бы вырасти в писателя — поэтому пока собираюсь поучиться «на журналистике». А журналистика, как и любая профессия, не терпит людей, идущих к ней преднамеренно на «пока».

Необходимый залог мастерства — преданность ему. Преданность, которая не отступит перед первыми препятствиями, не испугается острых зазубрин, оставляющих след в душе после первых неизбежных профессиональных неувязок. Очеркистка М. Чередниченко говорила по этому поводу на встрече со студентами-журналистами: сравнительно легко освоить внешний стиль профессионального поведения: манеру держаться, интонацию разговора, раскованную живость контактов... Все это необходимые «витки» на орбитах профессионального мастерства. И случается, с упоением вращаясь на них, молодой специалист не помышляет приблизиться к сердцевине. Он может и на весь свой профессиональный век застрять на этих круговых орбитах. Чем ближе к сердцевине мастерства, тем неотступней то, что очеркистка назвала «творческим терзанием». Это погоня за ускользающей истиной в запутанных ситуациях, о которых предстоит писать, в хитросплетениях социальных про-

блем. Это боль за судьбы невыдуманных героев, это «муки слова» во имя самых точных и действенных выражений.

Вот здесь, по грани кокетливого самолюбования профессиональным умением и мужества творческой самоотдачи, пролегает, как и в любой профессии, рубеж меж ремесленничеством и подлинным мастерством. Можно ли преодолеть этот рубеж, избирая профессию на «пока»?

— Влияет ли специфика журналистской работы на формирование жанров? Отличаются ли они от литературных?

— Безусловно. Жанры журналистики отличают от жанров литературы две главные особенности: лаконизм и документализм изложения.

«Каждому блину нужна своя сковородка», — гласит пословица. Условно говоря, жанры — разные виды «сковородок», пригодные для выпечки изделий на газетные и журнальные полосы. Жанр — это исторически устойчивая форма журналистских произведений, способ «упаковки» фактов и мыслей.

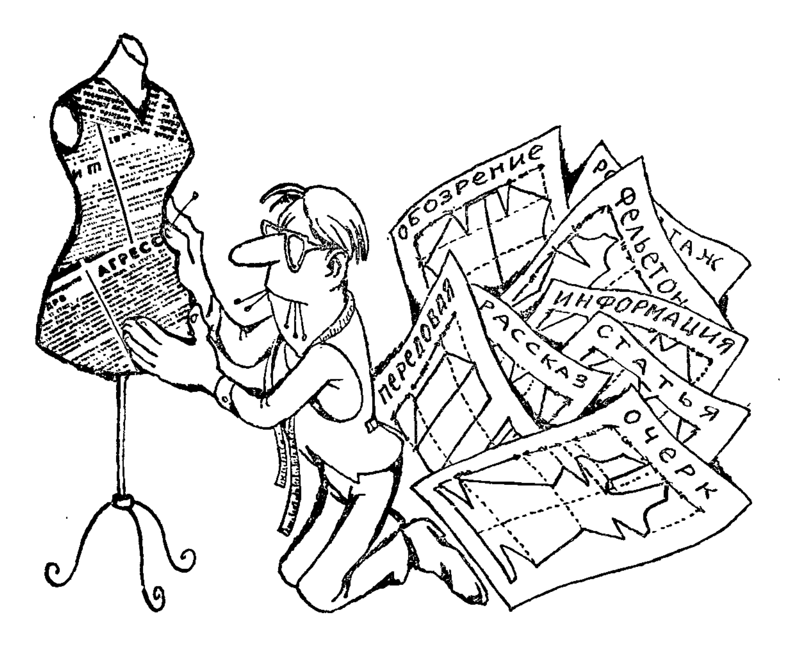
Но и «сковородка» — образ приблизительный, и «упаковка» не многим точнее. Потому что жанр — это такая форма, которая влияет на содержание. Выбирая «сковородку», мы получим не только различный размер «блинов», но и разный их вкус. Это самое главное в природе жанра.

Советский литературовед М. Бахтин глубоко исследовал жанровые варианты. Он считал: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития». Жанр «помнит» прошлое, но одновременно под пером творца активно откликается на настоящее, движется, живет, дышит. То есть, как говорил классик советского литературоведения В. Шкловский, «жанры сталкиваются, как льдины во время ледохода, они торосятся... образуют новые сочетания, созданные из прежде существующих единств. Это результат нового переосмысления жизни».

Единичное произведение, как бы оригинально оно ни было, тотчас жанра не создает. Автор может предлагать свое новшество Времени и Истории, а что будет принято, войдет в профессиональный опыт, решает не

он. Ибо жанры — результат исторического отбора. Этот отбор действует постоянно: отбрасывает «уродливые», «заумные» формы произведений, сохраняет выразительные, содержательные, компактные.

Первые периодические издания использовали уже бытовавшие формы. Хроника, реляция, письмо — вот и все, чем радовали своих читателей ранние «Ведомости» всех континентов. Журналы, печатая аннотации и комментарии, постепенно обращаются к жанру научного трактата, трансформируют его в публицистическую

статью. И лишь постепенно профессиональные свойства журналистики, такие, как оперативность, документализм, особая компактность изложения, формируют собственно журналистские жанры: передовую статью, репортаж, корреспонденцию, обозрение.

Передовая статья. Казалось бы, уж этот деловой, строгий, «подтянутый» газетно-журнальный жанр испокон веку существовал таким, каким его видим сейчас. Ан нет! Во-первых, «век» этого жанра не так уже долог — чуть более ста лет. Советский историк журна-

листики А. Роот установил, предприняв детальное исследование, что впервые из-под пера русского журналиста передовая статья вышла в конце 1855 года. Журналистом этим был А. Герцен, а передовая без заголовка под эпиграфом «Да здравствует разум!» открывала альманах «Полярная звезда». Вот ее начало: «Полярная звезда» (имеется в виду альманах декабристов. — *В. У.*) скрылась за тучами Николаевского царствования.

Николай прошел, и Полярная звезда (имеется в виду издание, начатое А. Герценом) является снова, в день нашей Великой Пятницы, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями.

Русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей, принимает это название, чтобы показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство».

Перу Герцена принадлежит более ста передовых статей — богатейший вклад в становление нового жанра.

В публицистическом наследии В. Ленина передовые статьи едва ли не самый распространенный жанр. Существо этого важнейшего типа публицистики в политической программности, граничащей с директивностью, в прямом и убедительном побуждении читателя к действию.

Когда о признаках жанра забывают, рождается суррогат, лишь занимающий место настоящей передовицы. М. Салтыков-Щедрин «прохаживался» по адресу «забывчивых» авторов: «Сапожник обязуется шить непременно сапоги, а не подобие сапогов, и, чтобы достигнуть этого, непременно должен знать, как взять в руки шило и дратву. Напротив того, публицист очень свободно может написать не передовую статью, а лишь подобие оной, и нимало не потерять своей репутации».

Сложна, диалектична природа любого журналистского жанра. «Содержательность формы», — говорят о ней. «Устойчивость в изменчивости». Сложная эта природа «в руки» дается не сразу. Выучить названия жанров в журналистике, их признаки, конечно, легко. Но владеть этой гибкой изменчивой «упаковкой» много сложнее.

Вот первокурсники факультета журналистики полу-

чают первое практическое задание: надо написать материал о встрече с авторами книги «Люди бессмертного подвига». Событие примечательное: авторы — дважды Герои Советского Союза — прошли всю войну — материал богатейший.

Задание вдохновляет. В итоге на стол ложатся листочки: один, второй, третий, десятый. И все на одно лицо: состоялась встреча... приняли участие... тепло встретили... — мелькают стереотипные фразы. Краткий информационный оттиск события в двенадцати (по числу студентов группы) вариантах-близнецах.

А где же здесь признаки мастерства? Их не оказалось. Ребята не решили для себя важный момент: в каком жанре описать встречу? Дать ли краткий, сдержанный отчет или лирический репортаж, раскрывающий эмоциональную атмосферу события? Или выступить в жанре диалога, комментируя суждения одного из героев встречи? Или дать обстоятельную корреспонденцию об общественной жизни на факультете, в которой встреча ветеранов станет завязкой или, напротив, центральным эпизодом?

Размышляя о вариантах газетных публикаций, К. Маркс обращал внимание на то, что в одних случаях интерес журналиста в основном привлекает мысль, а в другом случае — факт, хотя, конечно, одно не исключает другого.

Та или иная установка, цель журналиста и редакции обусловливают выбор жанра. А это, в свою очередь, определяет методику сбора материала, сроки работы, место на полосе.

Развернем только что полученный номер «Правды». Его открывает передовая статья — жанр, овеянный именами А. Герцена и В. Ленина.

Далее идут подборки кратких информационных заметок. Для них «несущая конструкция» — факты.

Вот репортаж. В «Правде» он занимает, как правило, или центр первой страницы, или «чердак» — верхнюю часть последней. Репортаж — это живой рассказ журналиста-наблюдателя о том, что происходит на его глазах. Жанр отличает ярко выраженный «эффект присутствия».

На развороте (вторая и третья страницы) «Правды» — статьи и корреспонденции, иногда очерк, рецензия, обозрение. Это наиболее сложные, серьезные фор-

мы воплощения фактов и мыслей. Здесь конструктивной основой становится мысль журналиста, его идея, концепция. Здесь не обойтись кратковременным наблюдением за событием. Необходим анализ, подбор аргументов, внимательные беседы с людьми. Перевернем четвертую полосу. Нередкий «житель» ее — фельетон — сатирический жанр журналистики, очень популярный у читателей и крайне сложный, ответственный для мастеров пера.

Вот так четыре полосы газеты могут вместить почти всю многоликость публицистических жанров. Номер выходит динамичным, выразительным, хорошо смотрится, с интересом читается.

Жанровая одноликость — верный признак слабой газеты, недостаточной журналистской квалификации. На хорошей редакционной «кухне» всегда есть богатый запас «сковородок», и весь коллектив ими повседневно, охотно пользуется.

Главная редакционная «кухня» — это, конечно же, секретариат. Здесь многоликость жанров обретает единство газетного (или журнального) номера. Здесь из мозаичных, различных по величине гранок (типографских оттисков публикаций) складывается развернутая панорама событий. Та самая «история мира за одни сутки», которую отражает журналистика. Здесь создается макет — распределение материала по всем полосам номера, вычерченный и высчитанный до последней буковки. Конечно, в последний момент он неизменно где-то ломается из-за самой злободневной, самой неотложной новости. Но это не так уж часто ведет к полной переверстке полосы, выполненной «в металле» по чертежу макета.

Принципы макетирования и верстки наших газет очень отличаются от буржуазных. Неудивительно: содержание диктует выбор всех выразительных и оформительских средств.

Циркуляр Центрального Комитета партии уже в 1921 году сформулировал главные нормативы: «Основное требование верстки нашей массовой газеты состоит в том, чтобы читатель с наибольшей легкостью мог разобраться во всем предлагаемом газетою материале. Для этого необходимы: систематический и привычный для читателя подбор, расположение материала по знакомым читателю отделам без излишней сложности и

пестроты, выделение и умеренное подчеркивание сути содержания каждой заметки и статьи путем вводящего заголовка или подзаголовка».

Вот поистине неумолимое требование! Какой журналист не испытал на себе муки поиска заголовка. Непрофессионал может подумать: опять преувеличение — был бы текст, а заголовок найдется. Что же, проверим. Попробуйте провести эксперимент: откройте газету и попытайтесь к любой публикации найти заголовок лучше, ярче. Но такой, чтобы в нем не повторялись слова других заголовков и подзаголовков, и такой, чтобы лишнего места не занимал, нежелательных ассоциаций не вызывал, не походил на штамп и так далее. Вряд ли эксперимент дастся непрофессионалу легко. А секретариат время от времени требует: «Десять заголовков на выбор». Вот тут нередко и опытный журналист страдает как первокурсник. И может быть, зря? Подумаешь, заголовок! Не в нем же соль!

А. Мальсагов, делясь с молодыми коллегами в «Журналисте» творческим опытом, рассказал поучительный эпизод с заголовком. Сдал он в секретариат обработанное читательское письмо с «увлекательным» названием «Заботиться о кормах и для личного скота!». Заметка получилась дельная, но все же не выходила из «загона» на полосу. Приятель посоветовал: перемени заголовок. Выручила (как это часто случается) деталь. В заметке упоминалось, что, хотя колхозникам личных покосов не дают, у председателя сельсовета такой кусочек покоса все же нашелся. На основе этой детали автор предложил заголовок «Привилегированная корова». В секретариате отругали: «Что же вы тянете с таким острым сигналом!»

Вот вам и второстепенность работы над заголовком.

Не раз и не два в истории журналистики случалось заголовку буквально решать творческую судьбу публикации не только на газетной полосе, но (что еще важнее!) в сознании читателей. Видно, не случайно сказано, что «текст без заголовка — это рыцарь без головы». И к советам опытного журналиста А. Мальсагова очень полезно прислушаться: «Теперь-то я понимаю, что заголовок нужен прежде всего совсем для иных целей. Он нужен для тебя самого, как мерило и кульминация твоего умения. Если ты можешь сделать заголовок (редактор его потом, конечно, заменит), из которого (вместе с под-

заголовком и рубрикой) все понятно другим, спокойно выбирай место на полосе. Если не можешь — заряжай снова машинку. Материал не состоялся.

Я полагаю, что при приеме журналиста на работу можно руководствоваться таким принципом: умеет человек дать заголовок своему материалу — в штат, не умеет — не брать».

К довольно жестким выводам побуждает многолетний опыт поиска заголовков для себя и для своих коллег. «Подсказать» заголовок, как и «подбросить» тему, — дело привычное на журналистских «перекурах». И коллективная мысль рождает подчас заголовки, которые не заметить и не запомнить нельзя. Об одном заголовке-шедевре рассказывают в своей книге исследователи журналистики И. Курилов и В. Шинкаренко. Новость, помещенная в военной газете, озаглавлена «Смерть отступала 1396 раз». А далее шло сообщение о награде саперу, обезвредившему 1396 бомб, снарядов и мин. «Думается, что с профессиональной точки зрения это был маленький шедевр, который, конечно, отметили и читатели газеты», — комментируют авторы.

На «редакционной кухне», где макетируется номер, не бывает второстепенных «приправ». Любой элемент номера — от жанра до заголовка, от источника информации до подписи автора — исполняет свою мелодию в оркестре готового номера. Ни один не имеет права фальшивить, чтобы не нарушить целостного восприятия многосложного результата напряженного коллективного труда.

— А как день завтрашний этой многоликой и вездесущей профессии? Светел или подернут туманами?

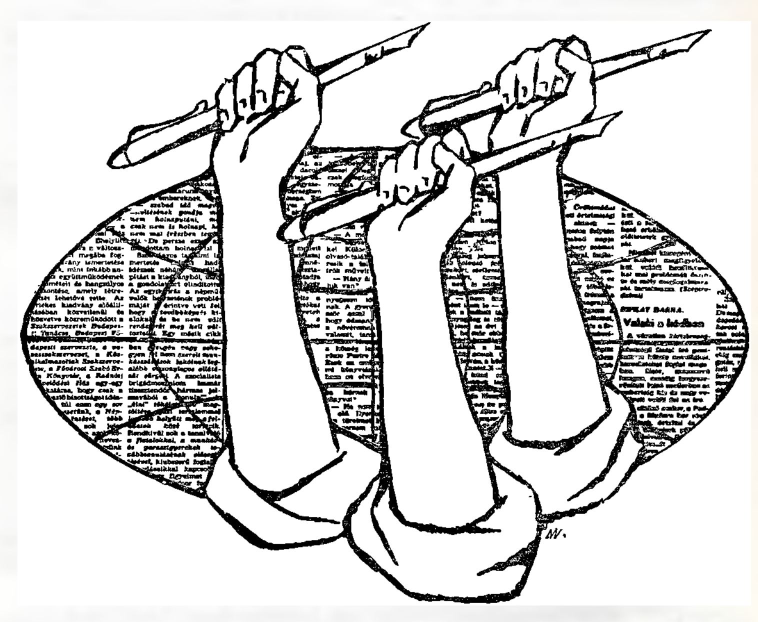
— Это зависит от духовного климата общества — всецело от него. На журналистику, на массовые коммуникации западные теоретики возлагают ответственность за деградацию вековых ценностей. Их коллеги за то же клеймят науку и технику. Равно безосновательно. Журналистика и сегодня и завтра будет воплощать и умножать те идеалы или антиидеалы, которыми живет породившее ее общество.

Ежедневно ротационные машины всего мира выдают «на-гора» более трехсот шестидесяти миллионов экземпляров газет. Только газет! Параллельно этому с раннего утра до поздней ночи, а кое-где и круглые сутки земная атмосфера пронизывается миллиардами сообще-

ний, которые несут электромагнитные волны бесчисленных радио- и телестанций.

Сбором и распространением журналистской информации заняты сто шестьдесят специальных телеграфных агентств. Потоки, потоки нескончаемых новостей...

И все они находят свою аудиторию. Наверное, это самое поразительное: миллиардная аудитория, которая постоянно и жадно ждет новостей и которую никакая информация не насыщает полностью. Ибо жизнь про-

должается, и Человек хочет непрестанно ощущать себя частицей всего Человечества.

Наблюдая в начале прошлого века лишь первые камешки этой информационной лавины, философ Г. Гегель проницательно заметил: «Утреннее чтение газет — своего рода реалистическая утренняя молитва. Свою позицию по отношению к миру ориентируют либо по богу, либо по тому, что представляет собой мир. И то и другое дает ту же уверенность...» Гениальный философ запечатлел здесь тот самый переломный момент, когда общественное сознание навсегда прощалось с религиозной ориентацией в действительном мире. И хотя сам философ отнюдь не порвал с религией, ее вытеснение но-

выми пристрастиями он уловил и выразил точно. Это ориентация по той картине действительности, которую дают человеку все источники информации, дает журналистика. Львиная доля их приходится на средства массовой информации и пропаганды. Отсюда: газета — «утренняя молитва», а телевидение — «вечерняя месса» (так западные социологи дополняют Гегеля).

Социологи подсчитали: во всех индустриально развитых странах люди четверть времени, которое бодрствуют, находятся во власти средств массовой информации и пропаганды. И возникает тревога: четверть жизни под влиянием массовой информации, но как она действует, куда ведет, к чему призывает?

И без социологов видно: глобальная мощь журналистики сломала веками отлаженную структуру общения. Сейчас человек знает много больше о событиях в Центральной Африке, чем о том, что происходит в соседнем подъезде. Хорошо это или плохо? Ответы даются разные. Ясно одно: сдвиг полюсов обыденного общения объективно неизбежный процесс, и процесс прогрессивный. Почему?

Советский социолог И. Кон отвечает так: «Одной из важнейших предпосылок творчества и самореализации является способность личности выходить за рамки своего непосредственного окружения».

Здесь-то и заключен главный «секрет» всесильности информационного «бума». В его истоке естественная потребность человека знать завтра больше, чем вчера и сегодня. В истоке благое стремление к многообразию контактов, богатству впечатлений, одолению тех границ, которые в прошлом как будто незыблемо воздвигло перед человеком Время и Пространство.

Служба массовой информации четыре века назад бросила этим границам дерзкий вызов. И вот победила. И на наших глазах умножает трофеи.

Невооруженному глазу видно: техническое оснащение современной типографии отличается от лучшей типографии начала века, как атомный ледоход от парусника адмирала Г. Нельсона. Отпечатать 1000 листов в час во времена Г. Нельсона было чудом. Сейчас никого не удивишь тем, что информацию из Москвы в Нью-Йорк можно передать со скоростью 600 слов в минуту.

А отпечатать? Новейшая типографская машина «Cameron» методом фотонабора выдает за час полторы

тысячи готовых книг в бумажных обложках. Этот час охватывает все: набор, печать и брошюровку книг объемом от ста до двухсот страниц.

На очереди искусственные спутники Земли на службе журналистики. Они уже используются для ретрансляции радиоволн, для расширения зоны приема телепередачи. Более семидесяти станций космической связи посредством искусственных спутников типа «Молния», «Радуга», «Экран» транслируют передачи первой программы Центрального телевидения для отдаленных районов страны.

Телевидение вписало особую страницу в тиражирование информации. Здесь «тираж» реализуется сиюминутно, одновременно на десятках миллионов «копий» домашних экранов. Уверенно прогнозируют, что олимпийские старты в Москве увидят в одно и то же время два миллиарда зрителей. Восемнадцать международных цветных телеканалов позволят вести прямые репортажи на все континенты. Передачи будут идти днем и ночью в записи и в прямой трансляции во всех точках земного шара. Предполагается, что параллельно радиостанции дадут около ста программ. Так молодые ветви журналистики вырастают до космических масштабов.

Чтобы не отстать от технически «до зубов» вооруженного собрата, приходится усовершенствоваться и газете. Отпрыск телевидения — фототелеграф — передает фотокопии любого изображения по кабельным и радиорелейным линиям. Зачем фототелеграф газете? Для того чтобы посылать во все концы страны не громоздкие кипы отпечатанных номеров, не габаритные матрицы для местной ротации, а фотокопии готовой газеты. С них и отпечатывается тираж.

В минувшей пятилетке фототелеграф транслировал девять центральных газет в Ленинград и Ташкент, Киев и Минск, Иркутск и Хабаровск, Ростов, Краснодар Свердловск. Население этих городов получает весь тираж центральных газет в день выхода с минимальным интервалом. Но это не все. В начале 1977 года «Правда» опубликовала репортаж журналиста П. Барашева «Строки летят через... космос». Заглянем в него.

«...Оператор закрепил в камере передающей машины оттиск газетной страницы и нажал кнопку. Камера тронулась с места, и тонкий лучик света побежал по полосе и как бы прощупал все буквы, запятые, точки. «На-

тыкаясь» то на черную типографскую краску, то на пробелы, световой луч отражался от них и преобразовывался с помощью электроники в электрические импульсы, которые по кабельным каналам улетали отсюда на особые подстанции. Там импульсы становились радиосигналами и поступали дальше, на передающую радиостанцию. А уже оттуда неслись в космос, где кружит над нашей планетой спутник связи «Молния-3».

Чуткие антенны «Молнии» через какие-то доли минуты ловили сигналы и мгновенно возвращали их на Землю, в сторону Хабаровска.

Обратное превращение радиосигнала в электрические импульсы, а затем в световые произошло так же мгновенно, и вот уже огромная, размером в газетный лист, фотопленка отправилась в проявочную машину.

Космический полет газетных строк окончен...»

Репортаж рассказывает об экспериментальной фотопередаче номеров «Правды», «Комсомольской правды» и «Социалистической индустрии» на дальнее расстояние — в Хабаровск. Эксперимент удался. Сейчас по космическим каналам связи направляются в Хабаровск одиннадцать изданий. В ближайшем будущем такие линии передач пролягут между Москвой и Иркутском, Магаданом, Владивостоком, Южно-Сахалинском, пройдут в дружественные социалистические страны. Единовременная доставка центральных газет на огромные, практически всесветные расстояния через космос уже реальность.

Процесс «космизации» журналистики обретает и другие формы. На экранах телевизоров прямые передачи из кабин космических кораблей теперь обычное дело. А вот уже журналист «Комсомольской правды» В. Песков берет по всем профессиональным правилам «космическое» интервью у членов экипажа «Союз-27» Г. Гречко и Ю. Романенко. «Космический» уклон и в стиле вопросов. Например: «Если бы на вашем месте были инопланетяне, глядя в окошко, могли бы они сказать, что Земля обитаема, что на ней существует жизнь?» Отвечает Г. Гречко: «Конечно! Хорошо видны дороги, прямоугольники полей, ночью видны огни городов. Видны следы человеческой деятельности, в том числе и не очень благоприятные для природы...»

Космическая техника, космическая проблематика — через них уже без всяких преувеличений, буквально

журналистика выходит на космические орбиты. И, видимо, не так далек тот день, когда репортаж из космического полета будет вести профессиональный журналист.

А что еще дальше? Гипотез, предположений, проектов на этот счет множество. Среди них и пророчества о полном закате эры печатного слова, о вытеснении прессы звуковой и образной информацией. Вероятно, более реалистичны идеи о различных вариантах комплексного взаимодействия современных журналистских способов связи, о новых вариантах их единства. Перспективы комплексного взаимодействия средств массовой информации просматриваются и дальше. Ученые провидят время, когда будет налажено централизованное снабжение телеинформацией каждого жителя по любой теме, по любому индивидуальному запросу. Каждый, кто захочет, сможет на домашнем телеэкране увидеть любой кинофильм, фотооттиск книги из дальней библиотеки, факсимильное воспроизведение любой газеты. Таковы перспективы развития средств массовой информации.

Сплошная идиллия? Не скажите. Техническое совершенствование средств связи не только не снижает, но даже обостряет творческие проблемы журналистской профессии. Ведь со скоростью света можно передать, а на ультрасовременной ротации отпечатать и страстный призыв к укреплению всеобщего мира, и человеконенавистнические угрозы войны. На обозримое будущее остаются все те же проблемы, о которых шла речь в этой книге. О которых хорошо сказал, обращаясь к коллегам, журналист наших дней:

Нет!
    Мы в жизни не можем
По задворкам шататься —
Мы обязаны
В судьбы людские
Вмешаться,
Чтобы тем,
Кому трудно,
В бою помогла
Сила слов,
Раскаленная добела.
Чтобы шла по сердцам —
Без ненужных парадов
Правда жизни,
Земная партийная правда.
Чтоб вставала она и

Из блокнотов
И строчек...
Электричка грохочет,
Электричка грохочет.
Рвется ветер
В открытые окна вагона...
Наша жизнь —
наступленье,
А не оборона.

СОДЕРЖАНИЕ

Ученова В. В.

У91 Беседы о журналистике. М., «Молодая гвардия», 1978.

208 с. с ил. (Эврика).

Как делается газета? Чем отличается работа журналиста на телевидении и в журнале? Что такое сенсация и всегда ли она полезна? Об этом и многом другом рассказывает в своей книге доктор филологических наук В. Ученова. Читатель найдет в ней много конкретных примеров о работе советских и зарубежных журналистов. Автор познакомит читателя с романтикой журналистского труда, с его проблемами и трудностями, а главное — огромной ответственностью работников прессы перед обществом.

002

У $\frac{60200-194}{078(02)-78}$ 049—78

ИБ № 1182

Виктория Васильевна Ученова
БЕСЕДЫ О ЖУРНАЛИСТИКЕ

Редактор **С. Михайлова**
Художник **А. Колли**
Художественный редактор **А. Косаргин**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Н. Павлова, В. Авдеева**

Сдано в набор 27/I 1978 г. Подписано к печати 17/VII 1978 г. А05943. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 6,5 (усл. 10,92). Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 000 экз. Цена 60 коп. Т. П. 1978 г., № 49. Заказ 2385.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

60 коп.

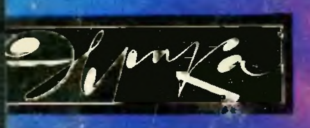

УЧЕНОВА ВИКТОРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Свою жизнь в журналистике автор книги В. Ученова начинала корреспондентом в газете «Комсомольская правда», затем работала редактором в Телеграфном агентстве Советского Союза. Сейчас доктор филологических и кандидат исторических наук В. Ученова преподает в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, продолжая научную работу по истории и теории журналистского творчества. Одновременно автор книги продолжает выступать на страницах периодической печати.

В книге «Беседы о журналистике» сделана попытка рассказать о главных особенностях профессии. Тем, кто готовится сделать выбор, полезно узнать, что требует от своих работников журналистика. Склонным судить о ней лишь по поверхности газетной страницы предлагается заглянуть в глубину строки.

В. УЧЕНОВА

Беседы